

Б.Е. Андюсев

РОССИЙСКАЯ СИБИРЬ:

КУЛЬТУРА, ТРАДИЦИИ, ДУХОВНОСТЬ

Б.Е. Андюсев

РОССИЙСКАЯ СИБИРЬ: КУЛЬТУРА, ТРАДИЦИИ, ДУХОВНОСТЬ

Книга для семейного чтения

Красноярск

2023

ББК 63.3(2)6-7

Д 754

Рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор
С.Т. Гайдин

Андюсев Б.Е.

Д 754 Российская Сибирь: культура, традиции,
духовность. Книга для семейного чтения. –
Красноярск: Амальгама, 2023. – 272 с.

ISBN 978-5-906498-61-8

Книга в популярной форме представляет подробное описание культурных традиций дореволюционной Сибири, духовности и черт характера русских сибиряков. Показаны истоки и факторы формирования материальной и духовной культуры. В центре повествования стоит человек в семье, общине, повседневности.

Книга предназначена для широкого круга читателей, для семейного чтения, воспитания детей в духе уважения и привязанности к родному краю. Также работа будет интересна историкам, краеведам, учителям, студентам и учащимся.

© . ., 2023.

ВВЕДЕНИЕ

ИСТОКИ «МАЛОЙ ИСТОРИИ»

Сибирь является суперрегионом, составляющим более половины российского государства, характеризующимся целостным образованием и обладающим общими чертами в истории, географии, экономическом укладе жизни её населения. Поэтому так актуально сегодня обращение локальной региональной истории, к проблемам сибирского регионального краеведения. Наиболее продуктивно и интересно изучение прошлого через историю своего села, волости, уезда, губернии. Обращение к прошлому, к истории своего края играет существенную роль в формировании человеческого фактора в обществе. Не менее важна роль краеведения и локальной истории («малой истории») для формирования нравственных качеств гражданина, труженика и примерного семьянина. Именно в семье, в сфере семейного воспитания воспроизводятся из поколения в поколение традиции, культура предков, вновь и вновь возобновляется уклад жизни и обычаи.

Культура и традиции семьи и семейной жизни могут рассматриваться как «малый мир» нашей сибирской и общерусской культуры. Изучение особенностей формирования и развития семейно-бытовых традиций для получения достоверных знаний необходимо вести на основе научных

методов исторического социокультурного подхода. При этом соблюдать «святое правило» историка — опираться при написании краеведческих трудов на подлинные, достоверные, проверенные источники. Прежде всего, это документы архивов, печатные источники изданных произведений этнографов, публицистов и даже путешественников, которые лично видели и описывали то, что представлено в их трудах. Для исследователя важны и свои личные записи, интервью, фотографии, сделанные во время изучения многих аспектов старой Сибири в разных уголках современного края.

Собранные воедино, наши источники позволили выявить как в процессе освоения некогда первозданной и суровой природы происходила адаптация русских к факторам окружающей среды. Осмыслить и понять как создавалась культура хозяйствования и обеспечения жизнедеятельности.

РОД. СЕМЬЯ. ПАМЯТЬ.

По результатам изучения региона в комплексе в течение многих десятилетий, мы решили написать и презентовать знания в виде книги для семейного чтения жителей городов, сел, деревень нашего Красноярского края.

Именно для семейного чтения, учитывая, что семья играет в жизни человека и общества первостепенную роль. Здесь на свет появляется и растет маленький человек, формируется личность,

продолжатель рода, традиций и обычаев предков. Поэтому важно, как и каким образом в атмосфере семьи сохраняются и передаются в каждом поколении духовные ценности. Как в семье хранят и почитают неписанные нормы поведения взрослых и детей, взаимоотношения между поколениями, как формируются навыки поведения за порогом своего дома, зависит благополучие всего общества.

У каждого человека есть своя Родина — страна. Есть Малая Родина, — край, в котором он родился и вырос, где стал полноценным гражданином. Родными для человека являются привычные ему детские воспоминания, рассказы бабушек и дедушек, родителей о старине, о родословной и предках. И здесь, в усвоенной информации о жизни в прошлом юный человек впитывает те ценности и правила поведения, которые ему прививают взрослые. Наряду с живым примером старших в семье, важен пример праведной жизни далеких предков. Важны знания о том, как они трудились, как строили и содержали свой дом, хозяйство, как проводили свой досуг, праздники, как воспитывали детей, какой была народная педагогика в старину. Семья — часть окружающего общества и познавать старину можно через рассказы в семье об истории государства, о великих и малых событиях, об участии предков в войнах, в общественной и культурной жизни как представителей своего народа, класса, сословия, религиозной конфессии.

Для нас, сибиряков, семья и семейные связи, взаимопомощь и выручка в культурных тради-

циях вдвойне ценны.. Суровая среда осваиваемого края, экстремальный климат, безмерные просторы и расстояния, гигантские массивы тайги и леса, тундры, болот или сотни километров степей – всё это заставляло сибиряков жить коллективно, в общинах. Даже административная организация населения сибирского края держалась на родственных селениях, «однопородных», где подавляющее большинство были однофамильцами, потомками единого «корня». Отсюда сибирская община малых селений веками продолжала жить сообществом большой патриархальной семьи, точнее, как говорили в старину, – «родовЫ своих..». Понятия «свой», «свои» отражали как кровные связи потомков от общего предка, так и включали «роднЮ» по брачным связям, по «кумовству и свойству». Отношения дружбы, взаимопомощи, взаимопосещений и «гостьбы» были обычными не только у «двоюродных», «троюродных» и далее – всех «сродных» родственников. Таким словом обозначали всех близких до «пятого, седьмого и более колен» проживающих на сибирской земле.

Поэтому, так важно для нас, для детей и внуков продолжение сохранения общей памяти о первых предках – засельщиках Сибири. Они были у нас разными: вольные переселенцы, «государевы люди», ссыльные и поселенцы, переселенцы по специальным программам и государственным актам (например высланные целыми селениями старообрядцы или так называемые «столыпинские переселенцы») В советское время население

сибирских регионов возросло за счет энтузиастов сибирских городов и ссыльных 1930-х годов, эвакуированных жителей фронтовых областей в годы Великой отечественной войны, скольких волн «комсомольцев-добровольцев» на целине и стройках 1950–1980-х годов.

Общая тематика материалов представленных в данной книге посвящена вопросам социальной и семейной жизни, хозяйственно-бытовой культуры старожилов и переселенцев Енисейской Сибири XIX–начала XX вв. Отсюда наша книга служит цели ознакомления читателя с культурно-бытовыми традициями, важными элементами материальной и духовной культуры, народными верованиями, обрядами и праздниками русских сибиряков.

ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

В качестве погружения в понимание процессов присоединения и вхождения Сибири в состав Российского государства сделаем общий экскурс в историю с позиций социокультурных подходов.

В общей динамике формирования и роста постоянного населения на землях за Уралом особенно в первые два века освоения края главным условием было привлечение людских ресурсов из Европейской России. Этот процесс также способствовал продвижению и воспроизводству российской культуры на востоке страны. В последующее время на первое место выходит воспроизводство

потомственного старожильского населения с дополнительными «подпитками» за счет вольных переселенцев и поселенцев из числа ссыльных и каторжан. Заселение не было чисто русским по национальному составу. Уже в XVII в. колониционный поток был представлен десятками словенных, этнических и конфессиональных групп.

Среди сибирских старожилов и служилых людей были не только русские, но и украинцы, литвины, поляки, белорусы, татары, немцы, выходцы из европейских стран. Словом, сибирское население никогда не представляло единого целого ни по своему происхождению, ни по этническому составу. Однако общие условия сибирской жизни и хозяйственной деятельности постепенно стирали этнические перегородки, превращая всех в русское старожильское население.

Местоположение Сибири на северо-востоке Азиатского континента, природные факторы и ресурсы, культурно-исторические традиции коренного населения края и сопредельных территорий не могли не определить специфику русского заселения региона. Становление человека с определенными духовно-нравственными ценностями, социально-психологической ментальностью и характером происходило на перекрестке великих цивилизаций Запада и Востока.

В духовный мир сибиряка органично вплетались образы и традиции восточного мира. Несмотря на то что сибиряк имел смутное представление о многообразии духовно-нравственных ценностей

и образов Востока, на бытовом уровне они в той или иной степени проникали в его ценности и культуру. С другой стороны, Сибирь в значительной мере являлась проводником европейской и собственно российской культуры и экономических связей в сопредельные страны. Уже в XVII в. обширные территории тихоокеанского и американского севера были включены в зону воздействия русского капитала, а позднее и в зону политического влияния Российской империи.

Отметим, что формирование Азиатской России содействовало не только оформлению географических и политических границ Сибири, но и возникновению особой социокультурной и экономической среды, зачастую выходящей за пределы пространства. Здесь, на восточных рубежах России, значительную роль играли ассимиляционные процессы, и прежде всего в культурно-бытовой среде. Именно взаимодействие Востока и Запада обусловило формирование психологических и культурных характеристик сибирского населения.

Носителями формирующегося образа Сибири были, с одной стороны, путешественники и ученые, возвращавшиеся в Россию из экспедиций, с другой, – элита российского общества, чьи представления также оказывали существенное влияние на восприятие Сибири. Эти два взаимосвязанных процесса привели к тому, что Сибирь стала неотъемлемой частью Российской империи – прежде всего, ментально. Русское общество стало рассматривать далекий восточный как «наша Си-

биль». Это понятие, глубоко укоренившееся в русском сознании, является ключевым как для уяснения структуры Российской империи, так и для характеристики определенных окраин, в особенности Сибири. Происходящее из старославянского притяжательное местоимение «наше» глубоко укоренилось и в русском православии – источнике понятия «соборность», которое описывает принцип коллектива.

Со второй половины XIX века Сибирь переживает бурный подъем общественной и культурной жизни. Растет самосознание народа, ширится движение по изучению и культурному обустройству края. По всей Сибири, в том числе в Енисейской губернии, силами энтузиастов-краеведов создаются музеи. Так, в 1883 году был открыт Енисейский, в 1887 – Минусинский, в 1889 – Красноярский краеведческий музей.

О резко усилившейся тяге сибиряков к просвещению свидетельствует тот факт, что если к началу XX века в Петербурге один ученик приходился на 63 человека, в Москве – на 57, в Харькове – на 131, то в Томске и Красноярске – на 26 человек. К 1917 году в сибирском крае действовали четыре высших учебных заведения, велась работа по открытию пятого вуза, но и это не удовлетворяло быстро растущие потребности в высококвалифицированных кадрах.

На этом позитивном фоне удручают последствия братоубийственных конфликтов после 1917 года, отбросивших экономику и духовную

культуру Сибири на десятилетия назад. Крестьянство Сибири в годы Гражданской войны было разделено на «красных» и «белых». Очень трудно оценить, кто из них был прав, а кто нет, – в этом и кроется глубокий смысл понимания гражданской войны. Хватили лиха и те и другие. Хозяйства были разорены, многие ушли в город «за лучшей судьбой».

С началом разумной для крестьян новой экономической политики (НЭПа) сибирская деревня обрела спокойствие и пережила непродолжительный, но бурный подъем 1920-х годов. Возрождаются основные традиции общинной жизни, развивается культура в сельской местности, ширится движение за полную грамотность населения. Крестьяне активно втягиваются в рыночные отношения. Развивается кооперация, возникают добровольные товарищества по обработке земли, коммуны. Но наиболее быстро идут процессы развития крепких единоличных хозяйств. Глобальные преобразования в жизни сибиряков связаны с развитием промышленности.

«Русская Сибирь» органично вписалась в социалистические преобразования «Советской Сибири», в страшные, но победоносные события Великой Отечественной войны. В послевоенные годы, в годы великих сибирских строек, новых и новых достижений в экономике и социокультурном развитии второй половины XX в. и постсоветского времени Советский Союз, Российская Федерация продолжают «прирастать Сибирью».

Однако высшее достижение в более чем четырехсотлетней истории Сибири в составе России – превращение трудом десятка поколений сибиряков бескрайнего таежно-степного пространства в окультуренный духовно богатый регион. равноценным итогом процессов адаптации и социокультурного развития многих поколений полиэтнического населения сибирского региона является формирование субэтнуса старожилов в единстве с автохтонными коренными этносами в составе более широкого азиатско-российского суперэтнуса Сибири и Дальнего Востока.

В комплексе все без исключения черты полностью противоположны обычным жителям Европейской России того времени, в первую очередь крепостным крестьянам. Несомненно, это и есть зримый результат материальной, социальной и психологической адаптации.

*Лиственничный бор в долине реки Пита.
Южная тайга. 1915 г. Фото ККМ*

*Вид с Туранского таскыла на долину р. Ижым
приток р.Уса. Фото. ККМ*

*Ермолаев. Правый берег реки Енисей
у деревни Означенной. 1913 г.*

ГЛАВА 1

СИБИРЬ И СИБИРЯКИ

1.1. СИБИРЬ – КАЛЕЙДОСКОП ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Русская колонизация Сибири имеет глубокие объективные корни: политические, экономические, социальные. Освоение окраин государства стало на многие столетия политикой осуществления принципов естественных границ российской цивилизации. Цивилизационный подход в оценке явлений и процессов российской истории позволяет нам определить глубинные корни в исследовании общности судеб народов и культур. Огромная территория Евразии является «срединной землей» – лимитрофом на пространстве взаимодействия западной и восточной цивилизаций. Это территория, где сталкивались интересы и противоречия, постоянно менялась граница соприкосновения земледельческих и кочевых культур, где происходил синтез западно-восточных элементов.

Выраженные естественно-географические границы Евразии ограничили полиэтничное, поликультурное, поликонфессиональное содержание «столбовой дороги цивилизаций». Органичным показателем специфики взаимодействия культур на данной территории во все времена являлся Приенисейский край, и особенно его южная часть. Проведем краткий экскурс в историю

взаимодействия культур Хакасско-Минусинской котловины, чтобы проследить существование мощных очагов древнейших культур и синтез достижений различных цивилизаций на территории Сибири...

Во второй половине III – начале II тысячелетия до н.э. на берегах Енисея происходит переход от камня к меди. Складывается афанасьевская земледельческая культура. Археологи и антропологи относят афанасьевцев к европейской расе. Им на смену в эпоху перехода к бронзе пришла окуневская культура с развитым скотоводством. Этнически они были уже монголоидами. В период расцвета бронзового века здесь превалирует андроновская культура. Андроновцы занимались как скотоводством, так и земледелием. Их сменила карасукская культура. Карасукцы впервые освоили верховую езду и занимались отгонным скотоводством. В I тысячелетии до н.э. с началом железного века в Хакасско-Минусинской котловине утвердилось культура тагарцев-динлинов. По свидетельству китайских авторов, тагарцы были светловолосыми европеоидами. Археологи выявили развитое мотыжное земледелие и скотоводство.

В конце I тысячелетия до н.э. – начале I тысячелетия н.э. на юге Приенисейского края господствует не менее развитая Таштыкская культура. Затем Южная Сибирь на многие столетия стала столбовой дорогой Великого переселения народов. В I–VI вв. наиболее существенное влияние оказали

гунны (по китайским источникам – народ хунну). Затем по берегам Енисея и Великой Степи прокатилось нашествие монгольской армии Чингисхана. После распада монгольской империи здесь сложилось государство древних хакасов. Бытует мнение, что в XIII–XV вв. развитие огромного края от Урала до Тихого океана резко затормозилось. С позиций цивилизационного подхода это вполне естественный, восточный, замедленно-циклический тип развития. Непрерывные военные столкновения и присущий окраинам восточной цивилизации тип традиционного освоения естественных ресурсов характерны и для Приенисейского края.

Процесс непрерывного расширения, хозяйственного и социокультурного освоения Сибири проходил первые полтора столетия в рамках взаимной адаптации русских «засельщиков» с факторами экстремальной среды и автохтонной культуры на окраинах традиционного ареала жизни русского этноса. Присоединение новых земель сопровождалось конфликтами фронтального типа, в центре которых были пограничные отличия социально-политической сферы, общественного бытия, самосознания, культуры, психологии автохтонов и русских. Русскому движению на восток противостояла социоэкосистема присваивающего типа цивилизационного развития. Этническая культура русских пришла здесь к осознанию, что для создания кормящего ландшафта на основе производящего хозяйства, необходима

трансформация образа жизни и традиций ради выживания в среде экстремальных факторов. Нетрадиционные для Центральной России условия способствовали изменению хозяйственных умений и навыков, социальных связей, культурных традиций. Результатом его стало новое качественное состояние социума «Русской Сибири» и изменение всех элементов социоэкосистем огромного края от Урала до Тихого океана.¹ Результатом цивилизационного взаимодействия в течение многих веков явилось образование синтезной российской цивилизации. К таковой с вхождением в состав России теперь принадлежала и Сибирь.

Наш красноярский коллега, историк А.С. Хромых рассмотрел процессы присоединения и освоения восточных земель с позиций понятия «фронтир». Традиционно под этим понимается территория (зоны) противостояния цивилизаций, народов разных культур. Фронтир – определенная линия укреплений, установленная граница между русскими и коренными жителями Сибири, однако фактически в Сибири было множество локальных фронтиров от прямой конфронтации русских и автохтонов, до состояний взаимных икультураций. Хромых расширил понимание подходов в том, что «можно определить фронтир как некоторую зону особых социальных условий, возникающих в результате контактов разноуровневых цивилизаций,

приводящих к формированию нового общества или сообщества». И далее, «целесообразнее говорить не о видах, а о стадиях фронта, так как они последовательно сменяли друг друга. И тогда, внешний фронт – это места и моменты первой встречи пришлых людей с автохтонным населением... Внутренний фронт – это сложившиеся контактные зоны, где постоянные русские поселения вкрапляются в места проживания местных народов внутри колонизируемой территории, а вся территория уже входит в административное и правовое поле государства. В условиях же внутрицивилизационного фронта формируется новое сообщество или вариант старой общности на основе различных типов взаимодействия».¹

Процесс преобразования враждебной окружающей среды в «свою» среду в ходе адаптации, т.е. процесс «о-**свое**-ния» был в значительной степени непредсказуемым и качественно иным, чем простое воспроизводство старорусской системы хозяйствования, социальных отношений и культурных традиций на новых землях.

Коренная специфика локального адаптационного фронта подразумевает «способность системы для самосохранения приводить себя по принципу обратной связи в соответствие со средой». Поэтому, фронт как среда взаимодействия цивили-

¹ Андюсов Б.Е. Традиционное сознание крестьян-старожилов Приенисейского края 60-х гг. XVIII – 90-х гг. XIX вв.: опыт реконструкции. Монография. – Красноярск, РИО КГПУ, 2004. – С. 225.

¹ Хромых, А.С. К вопросу о применении понятий «колонизация» и «фронтир» в изучении истории Сибири. <http://rudocs.exdat.com/docs/index-176783.html>

лизаций включал на одном полюсе традиционную культуру русского этноса, прежний опыт освоения Восточной Европы в IX – XIV вв., опирающиеся на Российское государство. На другом полюсе взаимодействия были локальные социоэкосистемы автохтонных народов Сибири от Урала до Тихого океана. Составными компонентами их были местные суровые природно-климатические факторы среды и в основном присваивающий тип хозяйствования догосударственных сообществ.

Разнородные социальные и профессиональные группы первых русских переселенцев, согласно учению А. Тойнби о концепции «вызова» и «ответа»¹ на рубежах фронтиров XVII – XVIII вв., нашли общую цель не в покорении края, а гибкой адаптации к факторам окружающей среды. Для русских Сибирь была не объектом покорения, завоевания, аннексии, но территорией формирования нового «кормящего ландшафта». Вторым этапом «о-свое-ния» стало осмысление сибирского края в качестве «месторазвития» адаптированного, изменившегося прежде великорусского социума в новый социум русских старожилов. Процессы наращивания новаций в виде микроаномалий в традициях, поведении, элементах культуры, укладе жизни, в сознании поколений русских сибиряков сопровождались переходами количественных накоплений новаций в новое качество сибирского старожильского субэтноса.

¹ Тойнби А.Дж. Постигание истории. – М., 1991. – С. 106 – 141.

Таким образом, вхождение Сибири в состав российского государства является процессом трансформации прежней цивилизации «без развития» в традиционную производящую цивилизацию.

С похода Ермака в 1581 г. начался этап смены типа цивилизационного развития вначале в Западной Сибири, а с возникновением в 1607 г. Туруханского поселения и в 1619 г. города Енисейска – в Приенисейском крае и во всей Восточной Сибири. Значимым событием стало основание в 1628 г. Красноярского острога. Оформлением естественных границ российской цивилизации на ее южноенисейских рубежах стало возведение в 1709 г. Саянского острога.

К середине XVII в. русские первопроходцы вышли к берегам Тихого океана и закрепились на восточной окраине Азиатского материка. Политическое закрепление российской цивилизации на азиатской части лимитрофа сопровождается утверждением в XVIII–XIX вв. традиционной земледельческой культуры, а в конце XIX – первой половине XX вв. – индустриальной цивилизации.

Русские первопроходцы воочию получали неоспоримые свидетельства наличия у части местного населения земледельческих навыков, сложившихся задолго до прихода русских. Дорусское земледелие Сибири может быть отмечено лишь для немногих мест преимущественно южной части Сибири (Минусинская котловина, речные долины Алтая, дауро-дючерское земледелие на Амуре).

Некогда достигшее относительно высокого уровня, оно в силу ряда исторических причин испытало резкий упадок и фактически было разрушено задолго до прихода русских поселенцев.

В других местах (нижнее течение Тавды, нижнее течение Томи, среднее течение Енисея, верхнее течение Лены) земледелие носило примитивный характер. Оно было мотыжным (за исключением земледелия тобольских татар), отличалось немногочисленным составом культур (кырлык, просо, ячмень и реже пшеница), очень малыми посевами и столь же ничтожными сборами. Поэтому земледелие повсеместно восполнялось собиранием дикорастущих съедобных растений (сарана, дикий лук, пион, кедровый орех).

Районы примитивного земледелия перемежались районами, население которых не знало земледелия совсем. Огромные массивы земли еще никогда не обрабатывались.¹

Русскому земледельцу с его знанием сохи и бороны, севооборота, пришлось, используя свой прежний «российский» опыт и трудовые навыки, закладывать в этих местах по существу новое хлебопашество и развивать его в незнакомой географической среде. Проходило это в окружении неизвестного неземледельческого населения, в условиях изнурительной адаптации и создания новых технологий хозяйствования.

¹ Шунков В.И. Очерки истории земледелия Сибири (XVII в.). М., 1956. С. 34.

Особенность освоения края была и в том, что на первом этапе превалировали цели и интересы государства в поисках новых источников пополнения казны. Поиски драгоценной пушнины, бывшие одним из самых серьезных стимулов раннего продвижения русских в Сибирь, неизбежно вели в районы тайги, лесотундры и тундры. Стремление правительства закрепить за собою местное население как поставщика пушнины приводило к постройке городов и острогов в узловых пунктах его расселения. Этому же способствовали и гидрогеографические условия. Наиболее удобный речной путь, связывавший Запад и Восток, шел по местам сближения печорской и камской речных систем с обской, а затем енисейской с ленской и пролегал в той же полосе заселения. Политическая обстановка на юге Сибири затрудняла движение в этом направлении.

Таким образом, размещение русского населения в Сибири в первое столетие определялось явлениями, мало связанными с интересами развития сельского хозяйства. Основными фигурами этого этапа сибирской истории были вольные казаки, «промышленные люди» (промысловики, охотники) и «государевы люди». В начальный период русские появились в полосе тундры и тайги, совершенно недоступной для земледелия, либо малопригодной для него. Только в отдельных местах лесной зоны и более южной, лесостепной, части своего расселения нашли благоприятные

условия. Именно в этих районах и создаются первые очаги сибирского земледелия.

Более высокие производственные навыки русского населения, уже много веков занимавшегося пашенным земледелием, стойловым животноводством, ремеслом и промыслами, позволили ему на более высоком уровне произвести опыт хозяйственного освоения Сибири.

1.2. СОТВОРЕНИЕ ЧУДА «РУССКОЙ СИБИРИ»

С конца XVI в. началось систематическое заселение Зауралья русским народом и освоение им совместно с народами Сибири ее неисчерпаемых природных богатств. За «каменем», т.е. за Уралом, лежала огромная территория площадью более 10 млн. кв. км. По подсчетам ученого Б.О. Долгих, на просторах Сибири жило примерно 236 тыс. человек нерусского населения.¹ На каждого из них приходилось в среднем более 40 кв. км площади с колебаниями от 150 до 300 кв. км. Если учесть, что при охотничьем хозяйстве на каждого едока в умеренном поясе требуется всего 10 кв. км угодий, а при самом примитивном животноводстве у ското-

¹ Для данного расчета используется максимальная цифра коренного населения, вычисленная Б. О. Долгих (Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. - С. 183, 617). В. М. Кабузана и С. М. Троицкого приводится значительно меньшая цифра (72 тыс. душ мужского пола — см. стр. 55, 183 данного тома).

водческих племен лишь 1 кв. км, то станет ясным, что коренному населению Сибири к XVII в. было еще далеко до полного освоения всей площади этого края. Перед русским народом открывались огромные возможности в деле освоения новых земель в расширение прежних ареалов хозяйства экстенсивного типа и более существенно путем интенсификации.

Освоенная русскими Сибирь была самой большой территорией Российской империи. В начале XX в. доля Сибири в общей площади Российской империи достигала 58 %. Население Сибири в это время составляло всего 6 % от общего числа жителей огромной страны. Из 12,6 млн. жителей сибирского края около 1 млн. человек проживало в Енисейской губернии.

Плотность населения была крайне неравномерной — от 0,01 до 15,5 чел. на кв. км.

Присоединение Сибири к России на первых порах не изменило коренным образом специфику использования естественных природных ресурсов. Наибольшей ценностью в первоначальном освоении сибирского края русскими была пушнина, которая в XVII в. давала от 40 до 80 % всего национального дохода Российского государства. Еще в начале XX в. меха из Сибири составляли 44% всей мировой добычи, или 4/5 всего пушного товарооборота в России.

Одной из самых замечательных страниц истории освоения Сибири русским населением

в XVII в. было создание им основ сибирского пахенного земледелия, превратившего позднее край в одну из основных житниц России. Русские, переехав за Урал, постепенно знакомились с большими природными богатствами нового края: полноводными и рыбными реками, богатыми пушным зверем лесами, хорошими, пригодными для хлебопашества землями («дебрь плодovitая»). Вместе с тем они не нашли здесь привычных им возделанных полей. Указаниями на отсутствие хлеба, на испытываемый русскими пришельцами голод («едим траву и коренья») пестрят первые русские описания восточных районов.¹

Придя в Сибирь с другими целями, русские обратились к земледелию в первые же годы своего продвижения на восток, так как продовольственный вопрос в Сибири сразу встал очень остро. Его пытались первоначально разрешить путем завоза хлеба из европейской Руси. Первые упоминания о распашке относятся еще к XVI в. (пашни тюменских и верхотурских русских деревень по р. Туре).

Важнейшим цивилизационным изменением в освоении края явилось создание сибирского земледелия. Оно прошло длительный путь от первых опытных распашек, до наиболее результативной отрасли хозяйства к началу XX в. Темпы роста посевных площадей и сбора зерновых в Сибири всегда были выше среднероссийских. Так,

на 100 жителей здесь засеивалось 84,9, а в среднем по России – 55,0 десятин пашни. Особенно выигранным выглядит сравнение урожайности российских и сибирских пашен. Если в середине XIX в. в Европейской России урожайность зерновых была от «сам – 2,3» до «сам – 3,2», то сибирские земли давали от «сам – 4,2» до «сам – 10» и более. И это в условиях экстремального климата и более короткого лета! К 1917 г. Сибирь (6% населения России) давала 17 % валового сбора зерна.

Не менее быстрыми темпами к началу XX в. развивалось животноводство. В 1913 г. по количеству скота Российская империя занимала второе место в мире после США – 190 млн. голов, из них на Сибирь приходилось 20 %. В начале XX в. сибирские мясные и молочные продукты стремительно завоевывали внутренний рынок страны: до 50% всего мяса в Москве завозилось из-за Урала. В крестьянских хозяйствах Сибири разводили до 18% всех лошадей России, 14% овец, 12% свиней (еще раз напомним, что этим занималось 6% населения страны).

Но наиболее впечатляющих результатов в начале XX в. достигло сибирское маслоделие. Министр внутренних дел и выдающийся реформатор П.А. Столыпин писал: «Сибирское маслоделие дает золота вдвое больше, чем вся сибирская золотопромышленность». О высоком качестве масла, производившегося в Степном крае, в Томской

¹ Сибирские летописи, СПб., 1907, стр. 59, 60, 109, 110, 177, 178, 242.

и Тобольской губерниях, говорит донесение 1911 г. русского консула в Штеттине: «Сибирское масло, ввозимое в Германию, в чистом виде до покупателя не доходит, а идет на сдабривание местных германских масел или прибывает в «подправленном» виде из Голландии и Дании». Только в 1913 г. за границу было продано более 4,4 млн пудов сибирского масла, что составляло почти 90% всего экспорта масла из России.

Немаловажную роль в обеспечении могущества России в XIX – начале XX в. играла золотопромышленность: к 1910 г. доля сибирского золота составляла 71%, т. е. 2,2 тыс. пудов из 3,1 тыс. пудов всего добываемого золота. На сибирских приисках в начале XX в. строятся железные дороги, вводится прогрессивное алмазное бурение, внедряется зимняя промывка золотосодержащих песков за счет парового оттаивания грунта. В Сибири действовало более 10 приисковых гидроэлектростанций, работало около 40 золотодобывающих драг. Во многом благодаря бурному развитию золотодобывающей промышленности значительная часть крестьянских хозяйств Енисейской губернии еще с 30–40-х гг. XIX в. была втянута в рыночные отношения. Рост золотодобычи способствовал развитию торговли, путей сообщения, городов.

Потрясающей по своей грандиозности страницей истории Сибири стало строительство Великой Сибирской железнодорожной магистрали. С 1891 по 1911 гг. было построено 8281 км путей.

В среднем в год прокладывалось по 685 км. Строили по принципу: «Строить добротно, чтобы впоследствии дополнять, а не перестраивать». И сегодня на сибирской магистрали продолжают служить мосты, тоннели, вокзалы, построенные в начале XX века. Общая стоимость прокладки дороги составила 750–800 млн рублей. Строительство Сибирской магистрали бесспорно считается событием мирового значения.

Сибирская промышленность развивалась более скромными темпами, чем общероссийская. Но уже в начале XX в. данные процессы ускорились. К 1914 г. доля промышленной продукции Сибири составляет 22%. В 1917 г. в Сибири производилось до 10% всего сельскохозяйственного инвентаря и машин России. О производительности труда в сибирской промышленности красноречиво свидетельствуют следующие данные. В 1908 г. доля Сибири в общем количестве рабочих составляла всего 1%, но они производили 3,5% всех промышленных ценностей Российской империи!

К примеру, если производительность труда одного рабочего в Донбассе в 1913 г. составляла до 8,5 тыс. пудов угля в год, по России 9,5% тыс. пудов, то сибирские шахтеры добывали в среднем по 11,7 тыс. пудов угля.

Развитие промышленности способствовало дальнейшему подъему оснащенности сельского хозяйства: к 1910 г. уровень технической обеспе-

ченности Сибири превзошел общероссийский. На одно крестьянское хозяйство здесь приходилось в два раза больше, чем в Европейской России, жаток, молотилок, сенокосилок, жнеек.

На рубеже XIX–XX вв. быстрыми темпами развивались горнорудная и мукомольная промышленность, кожевенное производство и винокурение, пчеловодство и лесные промыслы. Росла добыча соли, каменного угля, графита, слюды. Сибирь быстро покрылась сетью путей сообщения – водных, колесных, железнодорожных. Это отражало многообразие торгово-рыночных и хозяйственных связей. Так, к началу строительства Сибирской железной дороги основные перевозки по Московскому тракту осуществляли 16 тыс. ямщиков на 80 тыс. лошадях. Вдоль тракта, железной дороги, на водных путях в начале XX в. переживали второе рождение старые сибирские города.

В городах, кроме промышленных предприятий, появляются театры, музеи, вузы, объединения интеллигенции: общества учителей, врачей и т.д. Сибирь мощным локомотивом двигалась вперед.

Наоборот, удручают последствия преобразований, происходивших после 1917 г. в сельском хозяйстве и промышленности, отбросившие экономику края на десятилетие назад. В годы гражданской войны 1918–1921 гг. крестьянство Сибири испытало грубое насильственное вмешательство как «белых», так и «красных»: террор колчаковской власти, насильственные мобилизации, сбор

недоимок за годы мировой войны, продразверстка, реквизиции, ...Трудно оценивать степень «праведности» как «белых», так и «красных» в гражданской войне. Линия раскола прошла крайне противоречиво: где-то между богатыми и бедняками, где-то между старожилами и переселенцами, где-то внутри крестьянского мира и почти везде – между казаками и крестьянами... И те и другие защищали интересы «своей» Сибири.

Но в целом сибирские крестьяне были во многом «третьей» силой, защищавшей свои исконные свободы и экономическую самостоятельность. Сибирский характер не смог смириться с насилием и ответил массовыми восстаниями. Здесь в 1919–1921 гг. сложилось множество партизанских республик как форм локальной вооруженной самоорганизации крестьян в границах волости.

Новая экономическая политика (НЭП) дала возможность сибирской деревне не только достигнуть результатов дореволюционного периода, но осуществить быстрый подъем в 20-е гг. Крестьянство начинает втягиваться в рыночные отношения. Одновременно с появлением экономически зажиточных крестьян, многие из которых начали тратить средства на обучение детей в открывшихся вузах и училищах, были созданы добровольные товарищества по обработке земли, приобреталась сельскохозяйственная техника и механизмы.

Случайно ли то, что И.В. Сталин принял решение о переходе к коллективизации после

посещения Западной Сибири? Но и в 1930-е гг., несмотря на массовое раскрестьянивание, репрессии против цвета сибирского крестьянства, деревня выстояла. В числе лучших в стране признаются и колхозы сибирского края. Но самые глобальные преобразования в жизни сибиряков связаны с промышленностью.

Все большее значение приобретают ныне слова великого М.В. Ломоносова: «Могущество Российское прирастать будет Сибирью». В современной России Сибирь стала «цементирующим стержнем державы». Инициативность, самостоятельность, напористость, стойкость духа, предприимчивость, стремление защитить свои интересы нашли свое отражение в деятельности сибиряков.

Самым высшим достижением в более чем трехсотлетней истории Сибири в составе России стало превращение трудом десятка поколений сибиряков некогда бескрайнего таежно-степного пространства в окультуренный регион.

1.3. СИБИРЯКИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Достижения в хозяйственной и культурной жизни Сибири были бы невозможны без формирования единого полиэтнического населения огромного края. Оно сопровождалось ростом самосознания граждан, становлением местного патриотизма.

Сибирские просторы, красота ландшафтов, «изобилия и удобства» действительно привязывали к себе человека. Чем более суров край, чем труднее борьба за выживание, тем более человек ценит труд и его результат. Здесь люди ценили «общество» за поддержку и помощь в трудную минуту. Но более ценили сообщество за то, что оно уважало трудолюбивого, честного человека, не вмешиваясь в его жизнь. Будучи на виду у всего народа, люди старались жить по духовно-нравственным законам: честно, открыто, хлебосольно, помогать друг другу, уважать общие традиции.

До сих пор тесные отношения всеобщего «братства», взаимовыручки и общности жизни отличают все небольшие северные города и поселки, большинство сел и деревень сибирского края. Как творец-мастер гордится своим произведением и привязан к нему, так и сибиряки-старожилы любили свою Сибирь. Этот край был преобразован трудом предков и тех, кто прибыл на переселение раньше. Вдвойне радовало изобилие, добытое напряженным трудом. Благодатный край спасал человека дарами природы в неурожайный год, давал возможность развернуться в хозяйственной деятельности.

Патриотизм по-сибирски – это верность традициям, благодаря которым последующие поколения адаптировались к суровым климатическим и иным условиям, верность сохраняющимся тра-

дициям, обычаям и правилам поведения в обществе. Патриотизм означал и чувство долга, верность слову, стремление к улучшению жизни. И, конечно, в понятии «сибирский патриот» заложена любовь к краю, к ее суровой, но щедрой природе, стремление обустроить среду проживания.

Патриотами не только рождаются, но и становятся те, кто осознал себя близким к Сибири, кто понял и принял ее. Проследим это на примере эволюции взглядов М.М. Сперанского, великого реформатора начала XIX в. Он по распоряжению Императора России Александра I проехал с ревизией по Сибири от Урала до Иркутска, провел серию преобразований, изменивших статус и управление сибирским краем. Он вскрыл величайшие злоупотребления, взяточничество, самодурство чиновников и заслужил уважение сибиряков. Проследим на основе его писем, как же менялось отношение М.М. Сперанского к Сибири. Как по мере знакомства с краем столичный чиновник становится сибирским патриотом...

...Из Тобольска – дочери: «Воспринимаю эту поездку как наказание. Те же порядки, та же глупость, то же терпение...Различие только в том, что здесь, говоря вообще, всем жить хорошо и, следовательно, бедных менее...Смею утверждать, что Сибирь есть просто Сибирь, т.е. прекрасное место для ссыльных, выгодное для торговли, любопытное и богатое для минералогии, но не место для жизни и высшего гражданского образования, для

устроения собственности,... основанной на хлебопашестве, фабриках...»¹

...Из Томска – дочери: «Здесь прекрасные земли, которые дают сряду 10 и 15 урожаев, опрятность в жизни крестьян. Томская губерния по богатству, произведениям и умеренному климату, могла бы быть одной из лучших губерний России...».²

...Из Красноярска: «Почти беспрерывно встречаются богатые селения. У старожилов отличный, но здесь не редкий, нрав... Вообще, кто хочет видеть старую Святую Русь, тот должен путешествовать в сих местах... Нравы отменные, чистые и простые. В течение 6 лет здесь, в Енисейске, не было ни одного подсудимого в уездном суде из всех обывателей уезда... Весь путь от Канского уезда до Красноярска есть сад...».³

...С юга Сибири: «Этот край один из самых благословенных не только в Сибири, но и в целой России...».

...По завершении поездки, через несколько лет, М.М. Сперанский напишет: «Во всех случаях Сибирь будет всегда любимым предметом участия и попечения. Мысль о Сибири всегда будет со мною. Сибирь есть страна Дон-Кихотов».⁴

1 Письма М.М. Сперанского к его дочери из Сибири // Русский архив. – 1868. – [Т. 11]. Стб. 1684–1685.+

2 Письма М.М. Сперанского к его дочери из Сибири // Русский архив. – 1868. – [Т. 11]. Стб. 1691. 24

3 Дневник графа М.М. Сперанского // В память графа М.М. Сперанского. 1772–1872. – СПб., 1872. – С.67.

4 Письма М.М. Сперанского к его дочери из Сибири // Русский архив. – 1868. – [Т. 11]. Стб. 1764–1765. 25

В середине XIX в. яркое проявление любви к своему краю выразилось в формировании нового качества сибирского патриотизма. Оно охватило интеллигенцию Сибири, студенческие «землячества» сибиряков в Петербурге, Москве, Казани.

«Крестьянство Сибири первое стало выделять себя из остального крестьянского мира, а уже за ним следом и сибирская интеллигенция, выходящая из сибирского народа, начала выделять себя из общерусской интеллигенции», – писал этнограф и публицист Г.Н. Потанин.¹

Сибирских патриотов не могло не огорчать, что «во всякую эпоху самый дорогой продукт Сибири объявлялся изъятим из пользования колонии. В начале сибирской истории был объявлен государственной регалией соболь, потом таковой же регалией стало золото, теперь сибирский лес вырубается в пользу казны, игнорируя связанные с ним интересы будущих поколений Сибири». Противоположное мнение высших кругов российской элиты по отношению к сибирскому краю, высокомерно выразил бывший тобольский губернатор Богданович: «Ишь вы, захотели, чтобы колония пользовалась лучшими условиями жизни, чем метрополия!».

Красной нитью в трудах сибирских публицистов проходит мысль о том, чтобы самим сделать край «более удобным и привлекательным для жизни».

¹ Потанин Г.Н. Областническая тенденция в Сибири. – Томск, 1907. – С. 7. 19

Отмечалось, что для изменения своего положения сибирское общество не должно просить «благodeяний», оно должно стараться сделать жизнь здесь не только сносной, но и «соблазнительной». Подвижническая работа сибирской интеллигенции способствовала открытию первого в Сибири Томского университета, развитию просвещения, созданию краеведческих музеев. Во многом благодаря им в сибирском крае стали издаваться десятки газет и журналов.

Движение сибирского патриотизма стало одним из катализаторов оформления широкого движения благотворительности купцов-предпринимателей, рядовых мещан и крестьян. Оно было вызвано не только высокими стабильными доходами, оно было обусловлено такими причинами, как духовно-нравственные убеждения, благородное желание внести свой личный вклад в изучение природных богатств, истории и этнографии народов Сибири, развитие экономики и культуры родного края, христианское милосердие, человеколюбие.

Весьма масштабно проявили себя в деле благотворительности купцы Кузнецовы, Гадаловы, Кытмановы. Так, супруги Щеголевы пожертвовали Красноярску 1 200 000 рублей, Н.К. Переплетчиков завещал городу 65 000 рублей. На благотворительные средства строились больницы, приюты, школы, ночлежные дома для нищих, храмы.

Подобные примеры характерны не только для Красноярска, но и для уездных и волостных

центров Енисейской губернии. В 1878–1879 гг. в с. Курагино Минусинского уезда по инициативе крестьянина-предпринимателя Н.П. Пашенных было открыто сельское приходское училище. Для него бесплатно выделил дом другой зажиточный крестьянин – Ф.Ф. Девятков.

Н.П. Пашенных и крестьянин И. Снегирев пожертвовали школе по 100 рублей, а крестьяне окрестных деревень по их примеру решили на сходах собрать с каждой ревизской души по 25 копеек на содержание учителя, законоучителя и сторожа. Ф.Ф. Девятков совершил еще один благородный поступок: он выступил энтузиастом создания библиотеки в с. Курагино. Из книг, пожертвованных им и другими жителями, в 1900 г. была учреждена бесплатная народная библиотека-читальня.

Знаток Сибири Н.М. Ядринцев писал: «Видя, как было все оживленно, как все искало дела, слыша страстные речи о народе, о долге гражданского служения, мы не могли не перенестись мыслями к нашей родине и задуматься о ее будущем. Мы представляли ее, в настоящем бедную и убогую, нарядной и богатой в будущем; вместо несчастной, слышавшей только звон цепей и проклятие ссыльных, мы рисовали себе ее населенной, свободной, жизнерадостной и ликующей, мы называли эту страну «Страной будущего»... мечтали о счастливой будущности края, перечисляли не-

истощимые ее богатства, рисовали ее в будущем ...царицей Азии».¹

Проникновенно о гражданском призвании русского сибиряка, о его роли в превращении Сибири в цветущий и зажиточный край высказал в 1884 г. стихах неизвестный сибирский поэт:

*В годину бедствий и страданий
Ужели мать покинет сын?
Ужель в период испытаний,
В период рабских ожиданий
Отчизну бросит гражданин?!
Твоей природы лик суровый
Люблю, родимая Сибирь!
Твоих полей простор и ширь
Красой пленяет вечно новой.
Сибирь, Сибирь, страна изгнания!
Тебя люблю я всей душой!
Тебе все лучшие желанья,
Тебе все светлые мечтанья –
Я сын тебя, я вечно твой!*

Сибирь формировала личности своих граждан в «подобии себя»: стойкими, терпеливыми и целеустремленными, презиравшими опасность и добивавшимися победного результата. Духовно-нравственный облик, мужество и героизм сибиряков наилучшим образом раскрывались в военные лихолетья.

¹ Воспоминания о Томской гимназии // Восточное обозрение. – 1884. – № 6. 23

В Отечественной войне 1812 года приняли участие более 27 тыс. воинов-сибиряков. Из Сибири было выведено 7 регулярных полков и 2 артиллерийские роты, в том числе Енисейский пехотный полк. Из них 5 полков заслужили славу на Бородинском поле. При этом Томский и Тобольский полки потеряли более половины личного состава, а в Сибирском драгунском полку осталось в строю 125 рядовых и 3 офицера. Сибиряки защищали и знаменитую батарею Раевского, почти все полегли смертью храбрых, но не отступили.

В русско-японской войне именно сибиряки составляли большинство солдат и офицеров, оборонявших Порт-Артур. Комплектовавшиеся по территориальному принципу Восточно-Сибирские дивизии стали основными силами России на театре войны на начальном этапе. Десятки тысяч воинов-сибиряков отличились в обороне Ляоянского укрепленного района, во встречном сражении на реке Шахэ выстояли под Мукденом. Так, «11 июля 1904 г. 4-й Сибирский корпус выдержал упорный бой у Наньдалина и Цянджанцы. Этот тяжелый пятичасовой бой показал несокрушимую стойкость сибирских полков, на которых обрушился главный удар противника. Ни одна пядь земли на позициях не была ими уступлена, несмотря на их численное преимущество и повторные атаки...».

С началом Первой мировой войны 1914–1918 годов только в сельской местности Азиатской России было мобилизовано на фронт 1,2 млн. человек, или

12% всего населения сибирского края. Сибирские полки ставились командованием на самые ответственные рубежи обороны, входили в части прорыва австрийских и германских позиций. Традиционно из сибирских охотников формировались команды разведчиков и метких стрелков. Героизм и стремление выполнить воинский долг нашли отражение в песне сибирских стрелков периода Первой мировой войны:

*Из тайги, тайги дремучей,
От Амура-от реки
Молчаливо грозной тучей
Шли на бой сибиряки.
Их сурово воспитала
Молчаливая тайга,
Бури грозные Байкала
И сибирские снега.
Ни усталости и страха;
Бьются ночь и бьются день –
Только серая папаха
Лихо сбита набекрень.
Эх, Сибирь, страна родная,
За тебя ль мы постоим,
Волнам Рейна и Дуная
Твой привет передадим.
Из тайги, тайги дремучей...*

Сибиряки внесли неоценимый и жертвенный вклад в дело победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов.

Сибирские дивизии сыграли выдающуюся роль в обороне Москвы, Ленинграда, Сталинграда. Стойкость, выносливость, храбрость – лучшие качества сибирского характера – проявились в полной мере. В сибирской деревне осталось в те годы 59,2 % трудоспособного населения – в основном женщины, подростки, которые вынесли на своих плечах все тяготы войны в тылу.

О воинах-сибиряках сказано немало теплых слов: «Среди наших замечательных солдат сибиряки отличались особой стойкостью» (К.К. Рокоссовский); «Уважение и глубокая всеобщая любовь к уральцам и сибирякам установились потому, что лучших воинов, чем Уралец и Сибиряк, бесспорно, мало в мире. Поэтому невольно рука пишет эти слова с большой буквы» (Р.Я. Малиновский).

Сибирский патриотизм сегодня выражается не только в осознанной привязанности к сибирскому краю, но и в продолжающемся преобразовании края. Наш патриотизм – в решении экологических проблем, в спасении природы, растительного и животного мира Сибири. Наш патриотизм – в гордости за славные дела и свершения сибиряков прошлых веков. «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно. Неуважение к оному есть постыдное малодушие», – писал А.С. Пушкин.¹ Эти слова с полным правом относятся и к нашим современникам.

¹ Пушкин А.С. Отрывки из писем, мысли и замечания // А.С. Пушкин. Полн. собр. соч.: в 10 т. – Л.: Наука, 1977–1979. – Т. 6. – С. 41. 22

ГЛАВА 2

КАК РУССКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ СТАНОВИЛИСЬ «ПРИРОДНЫМИ СИБИРЯКАМИ»

2.1. «СИБИРЯК НЕ ТОТ, КТО МОРОЗА НЕ БОИТСЯ, КТО МОРОЗА УМЕЕТ ХОРОНИТЬСЯ»

Многочисленные труды по истории и этнографии засвидетельствовали факт значительных изменений в хозяйственной жизни, общинном устройстве, быте, одежде, пище русских Сибири и Приенсейского края. Происходило это в условиях непрерывного приспособления русских «засельщиков» новых земель на восточных окраинах ареала традиционной русской культуры. Под воздействием факторов среды утверждались адаптированные хозяйственные умения и навыки, социальные связи, культурные традиции. Одновременно в процессе освоения края менялась и окружающая среда. Поэтому под понятием «адаптация понимается процесс **взаимного приспособления** между культурой и средой, в целях выживания и стабильности социальной системы».¹

При этом традиционная адаптивная культура эволюционировала в адаптированную культуру, а этническая группа приобретала свойства новой таксономической единицы этноса. На основе поэлементного анализа представлений и установок материальной и духовной культуры старожилов можно выявить динамику и итоги изменений.

¹ Лурье С.В. Историческая этнология: Учебное пособие для вузов. – М., Аспект Пресс, 1997. – С. 228

В XVII – первой половине XVIII вв. сибирские земли стали неотъемлемой частью Российского государства при этом на территории Приенисейского края процессы освоения притрактовых и южных районов затянулись до последней четверти XVIII в. Феномен русской колонизации сопровождался формированием постоянного земледельческого населения на осваиваемых землях. Многие этнические традиции в оценках и действиях не вполне соответствовали новым факторам, что мотивировало трансформацию материальной и духовной культуры. Активное восприятие инноваций, адекватных новым потребностям, во взаимодействии с этническими культурными традициями служило выработке ответных мер по нейтрализации и преодолению негативных факторов среды.

В адаптивных процессах созидательное значение принадлежало русской этнической культуре, как особой «технологии выживания», «технологии освоения естественных ресурсов и формирования социальной структуры».¹ Опыт этнической культуры помогал в становлении адаптированной общности, в преемственности устойчивого материального производства, социальных отношений, духовности. Российский ученый Г.В. Вернадский обобщил комплекс факторов влияния среды на историю и культуру народа в понятие

¹ Там же. С. 228.

«месторазвитие». Он определил его «как совокупность социально-исторических и географических признаков определенной среды обитания, которая налагает печать своих особенностей на человеческие общежития, развивающиеся в этой среде».¹ Мы систематизировали всю «совокупность признаков среды обитания» с учетом их комплексного влияния на традиции, жизнедеятельность, сознание русского населения Сибири. Факторы влияния, активно воздействующие на русских переселенцев во взаимной адаптации, имели в сибирских условиях иной, чем в Европейской России, набор типологических признаков. В данном варианте классификации нами выделены три группы условий:

а) сибирские ландшафтные, природно-географические, климатические, автохтонные этнокультурные факторы для переселенцев;

б) внешние факторы, в том числе и российские, по отношению к русским сибирякам-старожилам (исторические, политические, экономические, социальные, демографические, религиозные и др.;

в) внутриобщинные экономические, демографические, социокультурные, поведенческие социализирующие факторы по отношению к старожильческой молодежи и новым переселенцам.

Наибольшее влияние на формирование хозяйственной инфраструктуры, приспособительную изменчивость и традиционное сознание старо-

¹ См. по кн.: Кондаков И.В. Культура России. – М., 1992. – С. 46.

жильского населения в комплексе внутрисибирских адаптивных – оказали естественно-географические, природные факторы.¹ На специфику адаптации русских крестьян накладывали отпечаток конкретные сочетания природных зон и областей, речной сети, рельефа местности и характера почв, наличие очагов заболеваний. Сибирские ландшафты, расстояния, речная система существенно влияли на земледелие и животноводство, жилища и транспорт. Они обусловили формирование адаптированных представлений о влиянии природы и природных факторов на людей.

Велико влияние природно-климатического фактора на формирование образа жизни, характер питания и комплекс одежды русского населения Сибири. Однако историк В.О. Ключевский обратил пристальное внимание на взаимосвязь климата и особенностей русского национального характера. Экстремальность климата Европейской России выражалась, по его мнению, в том, что здесь «разность температур между зимой и летом... не менее 23 градусов, но местами... до 35 градусов».² В сравнении с данными показателями на территории Приенисейского края средняя температура января колеблется от – 18-22 до –30-35 градусов, средняя температура июля –

¹ Русские старожилы Сибири. – М., 1973. – С. 165 – 166.

² Ключевский В.О. Соч. Т.1. Курс русской истории. Ч.1. – М., 1987. – С. 66.

от +20 до +30 градусов. Отсюда, перепад температур составляет от 35-38 градусов до 65 градусов. Перепад же подлинно экстремальных температур доходит до 85-95 градусов (летние температуры до +38; зимние – до –55-60 градусов).

Крайне неблагоприятно действуют на организм человека суточные перепады температур. В осенний и весенний периоды они доходят до 15-20 градусов (от + 10 днем до – 10 ночью). Естественно, приспособление к сибирским климатическим факторам вырабатывало устойчивость иммунитета, культуру закалывания, производило в течение ряда поколений отбор людей с «сибирским здоровьем». Но сибирский климат существенно влиял на систему ценностного оценивания объектов и явлений внешнего мира. Экстремальные условия способствовали формированию стойкости, выдержки, самообладания. Условия борьбы за выживание закрепляли устойчивость психики человека и установки на собственные силы.¹ Сибирская поговорка гласит: «Сибиряк не тот, кто мороза не боится, а кто мороза [умеет] хорониться».

К факторам экстремального характера можно отнести обширные пространства тайги и степей, глубокий снежный покров, болотистые пространства и горные равнины. В XVII – XVIII вв. к наиболее серьезным препятствиям на пути

¹ Зверев В.А. Региональные условия воспроизводства крестьянских поколений в Сибири. – Новосибирск, 1988. – С. 14 – 17.

хозяйственного и культурного освоения сибирского края относилось отсутствие развитой сухопутной дорожной инфраструктуры. И в течение полутора столетий русское население сибирского края активно преодолеvalo воздействие природно-климатических и ландшафтных факторов.

Важнейшим условием и показателем приспособления русских сибиряков к неблагоприятным природно-климатическим факторам, прежде всего, служит жилище, адаптированное к локальным особенностям среды. О высокой адаптированности русских сибиряков свидетельствует многообразие видов кожаной и меховой одежды и обуви.

Историко-этнографические исследования подтверждают, что в эволюции одежды «под влиянием климатических условий и в процессе общения с аборигенным населением возникли локальные варианты. Сочетание разнородных черт придавало одежде русского сибирского крестьянства неповторимость и своеобразие».¹ Факторам климата сибирского края адекватно соответствовали как традиционно русские, так и заимствованные элементы местной культуры: меховые бокари, унты, хамчуры, курмы и дохи.

В процессе формирования новой хозяйственно-бытовой инфраструктуры удалось значительно нейтрализовать и наиболее негативную психологическую «чуждость» среды. Показате-

¹ Этнография русского крестьянства Сибири: XVII – середина XIX вв. – М.: Наука, 1981. – С. 142 – 182.

лем окончательного преодоления ее в сознании русских сибиряков является перемещение образа Сибири в позитивный компонент этнических констант.¹

В картине мира оценка суровых условий Сибири и ее экстремальности, служила русским переселенцам для объяснения культурной «инакости» местного, автохтонного населения. Историк Е.А. Ерохина пишет об этом: «Отношение русского населения к представителям коренного можно охарактеризовать как снисходительное». Проявления «странностей» и необычности в их культуре «объясняли суровыми условиями окружающей среды», которая наложила отпечаток «дикости» на образ сибирской жизни.²

Не менее значимыми для русских людей на начальном этапе освоения Приенисейского края были внешнеполитические (точнее, геополитические) факторы. В ходе колонизации русскими данной территории политическая борьба, расстановка сил и отдельные этапы ее во многом определялись соперничеством с киргизами, Джунгарией, северо-монгольским государством, Цинским Китаем. Только в ходе вооруженного противостояния и силового разрешения данной проблемы в течение XVII в. «Южная Сибирь, бассейн Верхнего и частично Среднего Енисея ...

¹ Цит. по: Очерки общественного движения в Сибири // Вестник знаний. – СПб., 1908. – № 5. – С. 608.

² Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. – Новосибирск, 1998. – С. 13.

в XVIII в. стали неотъемлемой частью России».¹ Внешние по отношению к адаптивной культуре русского населения, автохтонные факторы частично уничтожались (наиболее агрессивная часть местного «немирного» населения) или переводились в разряд «своих». Многие экстракультурные элементы одежды, пищи, жилищ, обычаев и верований аборигенов стали использоваться в целях выживания, вошли в состав инноваций. Одновременно происходило культурное «русифицирование» местных народов, русский «инокультурный» элемент вводился автохтонным населением /в компонент сознания «своей культуры».²

Существенное влияние на этнокультурное сближение русских и местного автохтонного населения оказывала христианская церковь. Благодаря крещению в глазах русских местные «инородцы» воспринимались «своими»; в свою очередь у аборигенного населения менялось мировоззрение. Психологическое сближение русского и автохтонного населения шло по линии взаимного признания нравственно-этических ценностей. Наиболее добрососедские контакты складывались с теми народами, которые, по мнению русских, «отличались трудолюбием», но одновременно их «ценили за взаимопомощь, уважение родителей, почитание предков». Итоги взаимного сближения позволяют говорить о завершении этнокультурной адаптации русских сибиряков

¹ Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края... С. 33 – 47.

² История Сибири. Т. 2. – Л., 1968. – С. 363.

и «инородцев». Но результаты взаимодействия этнических и культурных адаптентов во многом зависели от соотношения и компактности проживания русского и местного населения.

Этнологи сделали вывод, что в общем по Сибири влияние местного населения на формирование социума старожилов составляет не более 5-10%. На территории Приенисейского края не возникли обширные смешанные популяции русских и местных этносов, в отличие от Забайкалья, где доля бурятской крови составляет до 40%. Следствием этого стало формирование этнографической группы «гуранов».

Результаты генетической адаптации под воздействием антропологических и климатических факторов изучены очень слабо, однако авторы работы «Русские старожилы Сибири» сделали вывод: «Русские Сибири, несмотря на то, что пришли из разных районов России и, в одних случаях, смешивались с местным населением, а в других нет, характеризуются некоторыми общими чертами. У сибиряков более крупные размеры лица и носа... Размах колебаний признаков в сибирских группах в полтора раза меньше, чем у русских европейской территории страны... Каждая категория русского сибирского населения имеет некоторые свойственные только ей черты».¹

Степень адаптивного воздействия местных народов на материальную и духовную культуру рус-

ских старожилов достаточно высока. Она зафиксирована во множестве элементов хозяйственной деятельности, одежде, пище, народной медицине, верованиях, говоре русских сибиряков. В течение жизни первых трех-четырех поколений сибиряков русская адаптивная культура видоизменилась в старожильческую адаптированную культуру.

Мы учитываем, что хронологические рамки работы приходятся на период существенных инновационных изменений в экономической и общественно-политической жизни в Европейской России в XVIII – XIX вв. С завершением процесса оформления социума русских старожилов, российские адаптивные факторы перемещались в разряд внешних факторов по отношению к старожильческим «обществам». Одновременно культура Европейской России, ускоренно эволюционировавшая в XVIII – XIX вв., все более воспринималась как «чужая». Для потомственных старожилов становилась традиционной «своя» адаптированная культура. Для крестьян-старожилов Приенисейского края и, в целом всей Сибири, жизненно важными становились задачи сохранения баланса старожильческих (традиционных), русских (этнических) и российских (инновационных) компонентов народной культуры.

В условиях адаптации с XVII в. вырабатывались приемлемые установки поведения субъектов сибирской истории по отношению к представите-

¹ Русские старожилы Сибири... С. 119.

лям центральной и местной власти в целях защиты и сохранения своего социума. Поэтому российские политические факторы проявлялись в качестве внешних, инновационных, воздействующих на адаптированные ценности старожилов.

История «Красноярской шатости» 1695-1698 гг. является блестящим доказательством адекватных действий в контексте «проигрывания сценария» использования противоречий между центральной и местной властями. В ответ на притеснения «жители Красноярска **отказали** трем воеводам... и выбрали свое казачье самоуправление». При проведении расследования новый воевода П. Мусин-Пушкин установил, что «красноярцы» единой силой выступили против «ссылных воров, и которые были с воеводами» и «от воеводства отказали». По словам историка С.В. Бахрушина, красноярцы заставили Москву возложить всю вину «на воевод, которые, мстя за поданные на них челобитья, хотели тот Красноярский город... разорить».¹

Противоречия в процессах взаимной политико-административной адаптации центральной власти и сибирских территорий отразились в многочисленных реорганизациях. К началу XIX в. окончательно закрепилось признание центральной властью специфики административного положения Сибири в составе Российской империи. Упорядочение системы управления на основе внутренних итогов освоения края завершился

¹ Бахрушин С.В. Научные труды. – М., 1959. – Т. IV. – С. 178 – 192.

по результатам ревизии видного реформатора М.М. Сперанского. Он тонко подметил социокультурные особенности ряда регионов края, сложившиеся в процессе первоначального освоения Сибири в границах пяти земледельческих очагов. Административное выделение Енисейской губернии окончательно закрепляло итоги «создания особой конфигурации в группировке населения» и констатировало существующее деление на «земли». Косвенным признанием взаимного «соглашения» о границах сложившейся «группировки населения» мы считаем предписание, данное М.М. Сперанскому императором: «Сообразить на месте полезнейшее устройство и управление отдаленного края».¹

Отсутствие крепостного права в Сибири, личная свобода крестьян, существенный фонд свободных земель были важнейшими факторами формирования новых социальных отношений. Превалирование среди переселенцев крестьян Русского Севера позволяло практически реализовать традиционные устойчивые представления русских крестьян о правах и свободах. Столкновение «сибирских» представлений с «российскими» в субъективной картине мира подтверждают записки ученого-путешественника второй четверти XVIII в. И.Г. Гмелина. Он негативно оце-

¹ Ядринцев Н.М. Сперанский и его реформа в Сибири // Вестник Европы. – 1976. – № 5. – С. 94.; Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. – СПб., 2000. – С. 21.

нивал представления сибиряков о роли экономического принуждения в земледелии: «Земля благословенна, а людей не заставляют работать...». В то же время он явно не замечал преимущества свободного труда и считал, что крестьяне «выгоды получают за счет плодородия здешней почвы...». Его поразила иной, чем в России, тип социальных отношений в Красноярске: «Служивые живут с воеводой ... по-панибратски».¹

Сибирские крестьяне сохранили значительные личные и имущественные права, в отличие от крестьян европейской России. Даже в условиях закрепления крестьян на государственной пахотной земле власти не смогли обеспечить господство крепостнических отношений. В дальнейшем все более выявлялось несоответствие норм землепользования реальным владениям домохозяев. Противоречие разрешалось тем, что государство соглашалось с традициями обычного права при условии выполнения крестьянами обязанности освоения новой территории. Сибирская община жила более по неписанным традициям предков в согласовании с Законами Российской империи. Показателем иного, адаптированного права на землю становилось несоответствие между отводом земли государством за тягло и обычаем «захватного» потомственного владения и распоряжения угодьями.

¹ Записки И.Г. Гмелина и С.П. Крашенинникова о пребывании в Красноярске представлены в кн.: Город у Красного Яра: документы и материалы по истории Красноярска XVII–XVIII вв. – Красноярск, 1981. – С. 136 – 137.

С началом сибирской колонизации в динамике процессов освоения преобладали политические и пушно-промысловые цели. Вследствие этого в первой половине XVII в. преобладала неукорененность «государевых» и «промышленных» людей, хищническое истребление пушного зверя на «чужих» землях. В источниках этого времени фигурируют многочисленные описания голода, повсеместная нехватка хлеба. На первых порах и с началом сибирского землепашества еще отсутствовала адаптированная культура земледелия, адекватная инофакторным природным условиям. В психике русских крестьян в течение первых десятилетий доминировали установки прежних стереотипов – значений в традициях земледельческой культуры. Крестьяне-переселенцы, первоначально, «опираясь на привычные представления и сталкиваясь с суровой действительностью», «терпели поражение» в Сибири при воспроизведении российской технологии земледелия.¹

Земледелие становится ведущей отраслью во второй половине XVII в. Источники последней четверти XVII в. уверенно констатируют, что сибирские крестьяне «пахут не по русскому обычаю». Если стереотипы – свойства выражались в виде новых приемов землепашества «не по русскому обычаю», значит мотивировались они изменившимся ценностным содержанием

¹ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 97.; История Сибири. Т. 2. – Л., 1968. – С. 61– 67.

стереотипов – значений в картине мира сибирских крестьян. Адаптированная к сибирским условиям культура земледелия, формировалась постепенно: на основе эмпирического анализа десятков показателей качества земли, районированных климатических примет, испытания зерновых и овощных культур, пробных посевов для «опыта».

Можно считать, что в процессе взаимного приспособления культуры земледелия и среды, произошла серьезная психологическая переоценка русских традиций земледелия в сознании сибирских крестьян. Следовательно, первый этап освоения края был периодом экономической (материальной) адаптации, взаимосвязанный с динамикой изменений в картине мира сибирских крестьян во втором–третьем поколениях. С образованием первых пяти земледельческих районов и обустройством Великого Сибирского тракта формируется единый общесибирский рынок и культурно-хозяйственный комплекс адекватного преодоления и нейтрализации экстремальных факторов («окультуренные районы»). Первые пять земледельческих районов стали новым «месторазвитием» формирующегося социума русских старожилов Сибири.

В результате этого в XVIII в. невольный переселенец, а крестьянин-старожил «окультуренных районов» стал играть ведущую роль в заселении и освоении всей Сибири. Это проявилось в преобладании естественного прироста русского населе-

ния сибирского края в сопоставлении с численностью мигрантов из Европейской России.¹

В отличие от Западной Сибири, количественная динамика роста русского населения Приенисейского края была ниже. Если в 1722 г. здесь проживало 10,3% русских сибиряков, то к 1795 г. этот показатель снизился до 9,6%. Однако в показателях внутренней динамики прироста в течение XVIII в. русское население выросло в 2,3 раза. Учитывая динамику рождаемости в течение 75 лет (т.е. 3-х поколений), основной прирост достигнут был за счет естественного прироста старожильческого населения. Дополнительно шел прирост за счет старожилов Западной Сибири.

Русское население, пройдя там первоначальную адаптацию, успешно осваивало более экстремальный Приенисейский край. Авторы коллективной монографии «Крестьянство Сибири в эпоху феодализма» пришли к выводу, что «Западно-Сибирский регион, отдавая людской контингент соседней Восточной Сибири, восполнял убыль с лихвой за счет притока из-за Урала».²

На рубеже XVII–XVIII вв. крестьянство, как ядро старожильческого населения, по данным А.Д. Колесникова и В.В. Воробьева, составляло

¹ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 97.

² Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв. – Омск, 1973. – С.323, 336 – 337; Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы). – Новосибирск, 1975. – С. 61.

в Западной Сибири 61%, в Восточной Сибири – 67% всего русского населения.

В трудах историка Г.Ф. Быкони доказано, что в источниках первой половины XVIII в. в отношении потомственных крестьян Приенисейского края систематически фигурирует термин «русский старожил».¹

Статистические данные говорят о том, что с конца XVII в. имеется положительная динамика внутреннего прироста за счет «старожильцев». Однако если в XVIII в. общее увеличение между I-V ревизиями прироста населения по будущей Енисейской губернии составило 2,3 раза, то в Енисейском старожильческом районе только 1,4 раза. Таким образом, отток крестьянского населения преобладал над процессом внутреннего «уплотнения» и расселения на освоенной территории. Связано это с выраженными неблагоприятными климатическими факторами и ограниченными условиями для земледелия в таежной зоне нижнего и среднего течения Енисея.

С 1703 по 1760-е гг. на территории Приенисейского края продолжился процесс земледельческого освоения южных и притрактовых районов. Анализ источников формирования крестьянского населения Хакасско-Минусинского района к середине XVIII в. подтверждает факт преобладания старожиллов среди участников как приенисейской

¹ Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. – Новосибирск, 1981. – С. 66 и др.

миграции, так и в пределах уезда.¹ К первой ревизии 1722 г. старожиллы составляли 85,7% из числа крестьян. К 1722 г. 53,3% старожиллов продолжали участие во внутриуездной миграции.

Из общего числа пришедших в Хакасско-Минусинском районе крестьяне Енисейского уезда составляли 74,3%, Красноярского уезда – 25,7%. Крестьяне-старожиллы Енисейского уезда, первоначально адаптировавшиеся в Средней Сибири, являлись основными носителями новой культуры на остальной территории Приенисейского края. Приняв участие в освоении юга края, они успешнее адаптировались в новой среде. Об этом свидетельствует высокая рождаемость в их семьях – 276,9% за 1722 – 1745 гг. Рождаемость среди местных старожиллов составляла 123,3%. У местных старожиллов в среднем в семье было 3,7 душ м.п., у мигрантов из Енисейского уезда – 5,7 душ. К 1745 г. все категории крестьян, зафиксированные в 1720-х гг. по отношению к вновь прибывшим, числились местными старожиллами.²

Согласно подсчетам Г.Ф. Быкони на приенисейском юге крестьянское старожильческое население составляло к 1760-м гг. до 75% от общего числа учтенных крестьян и разночинцев, или «почти 2/3 податных». Далее ученый делает вывод о том, что «формирование костяка русского старожиль-

¹ Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. – Новосибирск, 1981. – С. 119 и др.

² Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 г. Красноярск, 1863. С. 214 – 225.

ческого населения в Хакасско-Минусинском районе закончилось в 60-е гг. XVIII в.». Население южного Хакасско-Минусинского района росло с этого времени за счет высокого естественного прироста в старожильческих семьях. При этом внешний приток крестьян-мигрантов, большинство которых составляли, по-прежнему, выходцы из Енисейского и Красноярского уездов, давал не более 25-30% ежегодного прироста населения. К 1860-м гг. Минусинский округ был наиболее населенным. Здесь проживало 30,5% всех крестьян-старожилов Енисейской губернии.¹

С 1734 г. началось устройство трактовой дороги на территории Томского и Красноярского уездов. По подсчетам Г.Ф. Быкони в притрактовые районы прибывало до 30% переселенцев из других районов бассейна Енисея. При этом переселение из Европейской России составляло не более 10%. Население сельских поселений формируется здесь как за счет крестьян, добровольно переселяющихся из Енисейского уезда, так и за счет принудительного переселения из Центральной России и Западной Сибири. Особое значение приобретало встречное движение населения с запада и с востока в Красноярский уезд. Анализ источников показал, что 3/4 населения к середине XVIII в. составляли местные старожилы и старожилы-мигранты из Западной Сибири.²

¹ Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 г. – Красноярск, 1863. – С. 214 – 225.

² Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края... С. 140-153.

К 1745 г. местные старожилы составляли 62,6% по отношению к переселенцам и ссыльным. В старожильческой семье в среднем было 4,4 души м.п., в переселенческой семье – в среднем 3,1 души м.п., у ссыльных – 1,7. Таким образом, в течение первой половины XVIII в. наблюдается рост численности членов патриархальной семьи у местных старожилов. Это было важным условием естественного прироста потомственного адаптированного старожильского населения. В Красноярском старожильческом районе усиление миграционных движений 1750–1760-х гг. за последующие три десятилетия завершается стабилизацией численности населения в 1790-е гг. К этому времени крестьяне-старожилы составляли здесь 67,9% всех жителей уезда. Во второй половине XVIII в. завершилось сплошное заселение русскими притрактовых областей. Учитывая государственный интерес, население района увеличилось за счет принудительного заселения «посельщиков» и ссыльных. Численность старожилов снизилась к 1782 г. до 48,6%, но к 1795 г. вновь возросло до 62% всего населения притрактовой полосы.¹ Наши обобщения показывают, что количество селений выросло за вторую половину XVIII в. с 29 до 90, прежде всего, за счет центрального и восточного участков тракта в результате вну-

¹ Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 г. Красноярск, 1863. С. 214 – 225.

тренного расселения жителей. Несмотря на то что селений на восточном участке тракта всего 9, они довольно крупные, за 50 лет число жителей выросло в 80 раз!

За 30-40 лет второй половины XVIII в. оформились ядра потомственных групп крестьян-старожилов в селениях к западу и востоку от Красноярска, что позволяло социализировать адаптированные достижения материальной и духовной культуры в притрактовых районах. В связи с заселением и хозяйственным освоением притрактовой зоны, к концу XVIII в. «старожильческие районы в бассейнах Средней Оби, Енисея и Илама впервые соединились в одно целое»¹. В 70-80-е гг. XVIII в. миграционные процессы стабилизировались и выражались во внутриуездных перемещениях крестьян-старожилов в выселки и заимочные деревни, что обеспечивало количественный рост селений центральных и южных районов края.

На основе анализа динамики формирования постоянного населения на всей территории Приенисейского края в течение XVIII в. мы делаем вывод о том, что к 1760-м гг. здесь сложилось постоянное потомственное старожильческое крестьянство, составлявшее основной костяк сельских общин. Переселение старожилов-крестьян Енисейского уезда в притрактовые и южные рай-

оны способствовало воспроизводству адаптированных форм жизнедеятельности на остальной территории Приенисейского края.

В течение первой половины XIX в. население Енисейской губернии продолжало расти значительными темпами. Так, по данным губернатора А.П. Степанова, к 1830 г. здесь числилось 50 235 государственных крестьян. Можно считать, что всего крестьян обоого пола было до 100 тысяч человек. В 1830 – 1860-х гг. (за 30 лет) процесс естественного прироста сельского старожильческого населения составляет не менее 120 тысяч человек. Тогда с учетом естественной смертности численность старожилов будет составлять от 200 до 220 тысяч душ обоого пола. В 1863 г. в Енисейской губернии проживало 249 986 душ крестьян обоого пола. Разница в числе лиц крестьянского сословия, прибывших по переселению и причисленных к крестьянам ссыльных составила около 30 тысяч душ обоого пола (12%). Поэтому можно сделать вывод о подавляющем количественном преобладании крестьян-старожилов в течение первой половины XIX в.

Таким образом, с 60-х гг. XVIII в. на территории Приенисейского края сформировалась устойчивая общность крестьян-старожилов, в основном принадлежавшая к русскому этносу. Приток переселенцев из Европейской России был крайне незначителен по сравнению с естественным приростом и внутренней миграцией старожильческого

¹ Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 г. – Красноярск, 1863. – С. 214 – 225.

населения. Поэтому мы делаем вывод, что русские крестьяне-старожила, как системная таксономическая единица этноса на территории Приенисейского края, является исторической реальностью в исследуемый период. Это позволяет говорить о формировании у крестьян-старожилов, как субъектов-носителей, традиционного сознания, адаптированного к сибирским факторам и приступить к его последующей реконструкции. На степень трансформации этнической культуры, традиций, этнического сознания в процессе адаптации влияло конкретное сочетание воздействующих факторов и локальных культур переселенцев из России.

Несомненно, культура русских сибиряков Приенисейского края включала в себя конкретный результат материальной, социальной и психологической адаптации, выразившийся в формировании определенного образа жизни. Формирование образа жизни социальной группы детерминировалось «их собственной природой, общественно-экономическими и естественно-географическими условиями жизни» и было мощным социализирующим фактором старожильской культуры. Адаптированные внутриобщинные социальные факторы оказывали влияние на воспроизводство традиционного сознания в новых поколениях крестьянской молодежи. Одновременно, адаптированные «привычки, идеалы и принципы» служили факторами социализации «российских» крестьян-переселенцев в среду старожилов.

В дореволюционных работах И.С. Гурвича, А.А. Кауфмана неоднократно приводились описания превращения вольных переселенцев из Европейской России в средних или зажиточных домохозяев. Красноярский историк В.А. Степынин, подытожив выводы авторов XIX в., определил сроки заведения домохозяйства – от 3 до 7 лет. Он выделил почвенно-климатические, финансово-экономические и социальные условия, «необходимые для организации хозяйства переселенцем без ряда оговорок».¹ «Ряд оговорок» трактуется нами как внутриобщинные факторы психологической и культурной адаптации переселенцев.

Динамику хозяйственной и психологической адаптации переселенцев 50 – 80-х гг. XIX в. под воздействием «старожильческих» факторов, анализируем на основе реконструкции динамики «осибирячивания» реальной крестьянской семьи.

История адаптации крестьянина д. Жербатихи Курагинской волости Минусинского округа Михаила Ильича Щелкунова может служить примером благополучного закрепления в Сибири. По итогам подворного обследования крестьян-старожилов в 1890 г. состав семьи М.И. Щелкунова был следующим: домохозяин (М.И. Щелкунов. – А.Б.) – 51 год, жена – 50 лет, мать-вдова – 75 лет, три женатых сына с невестками,

¹ Степынин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. – Красноярск, 1962. – С. 214 – 215.

четвертый сын – 12-ти лет и три малолетних внука. В домохозяйстве имела усадьба размером 40 на 40 сажень (в метрической системе 85 на 85 метров. - Б.А.), огород, 60 десятин пашенной земли, из которых засеивалась 31 десятина. Накашивалось по 600 копен сена. Для перепродажи ежегодно покупалось до 100 голов скота. Нанимались работники: 2 годовых и 1 сезонный.

Михаил Ильич Щелкунов, родился в 1839 г. в семье крестьянина-середняка Пермской губернии и в 1852 г., в возрасте 13 лет прибыл с родителями в Сибирь. В подростковом возрасте вместе с отцом «занимался смолокурением и выгонкой дегтя, затем завел и развил хлебопашество», впоследствии «торговал хлебом до Енисейска». В возрасте 24 лет, женившись на дочери местного старожила, Михаил Щелкунов «породнился» с членами крестьянского «общества». Из «подворных записей...» известно, что к началу 1880-х гг. домохозяйство М.И. Щелкунова не только числилось в составе старожильческих, но и по экономическим показателям выделялось среди других в данном селении.

Первым важным условием в позитивной адаптации семьи Щелкуновых было происхождение из государственных крестьян-середняков Пермской губернии. Вторым фактором превращения в зажиточных сибиряков явилось заселение в старожильческую деревню Жербатиха Курагинской волости, основанную в середине 1820-х гг.

в ходе внутригубернской миграции. Немаловажную роль в укреплении статуса семьи в Жербатском сельском «обществе» сыграли позитивные родовые качества Щелкуновых: трудолюбие, настойчивость, готовность браться за любую работу, коммуникабельность и отзывчивость. Женильба на местной сибирячке также явилась важными условиями ускоренного вхождения в старожильческое сообщество.

В контексте нашего исследования, важен анализ психологической адаптации переселенцев Щелкуновых в 1852 – 1890 гг. Косвенные данные позволяют говорить о позитивной динамике в формировании нового самосознания. Во-первых, на момент переселения в Сибирь в 13 лет у Михаила Щелкунова не вполне закончилось формирование выраженной «русской» идентификации. Период взросления его проходил в течение 10 лет (1852 – 1862 гг.) в старожильской среде, в кругу сверстников-подростков. В деревне, насчитывавшей в 1855 г. 25 дворов, находившейся от волостного центра в 35-ти, а от уездного в 90 верстах, процесс адаптации прошел в границах традиций «замкнутого мира». Женильба на 23-летней девушке из старожильской семьи в 1863 г. напрямую свидетельствует о признании Михаила «своим» сверстниками-старожилами. К этому времени он в течение 5-6 лет участвовал вместе с отцом в сходах общины наравне со всеми членами

крестьянского мира. К середине 1870-х гг. Михаил Ильич утверждается в статусе главы домохозяйства.

Данные о высоком уровне хозяйствования («торговал хлебом до Енисейска») относятся к 1875 – 1885 гг. В хронологическом наложении десятилетие 1875 – 1885 гг. приходится на 23–33-й годы проживания М.И. Щелкунова в Енисейской губернии. В 1880 г. у М.И. Щелкунова подрастали сыновья 16-ти, 14-ти, 12-ти лет, которые по факту своего рождения в Сибири считались «сибиряками-старожилами». Старший сын Егор Михайлович женился в 1886 г. на старожилке с. Имисского, и в 1890 г. имел дочь 3-х лет. Через 10 лет он продолжил торговые операции отца, развернув несколько торговых лавок в соседних селениях Курагинской волости. Таким образом, в течение 20-30 лет завершился процесс материальной, социальной и психологической адаптации семьи Щелкуновых в старожильской общине.¹

Возобновление «мини процессов» адаптации последующих поколений переселенцев XIX в. происходило в благоприятных условиях матери-

¹ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губернии. – Иркутск, 1890. – Т.1V. – В. 5 – 6. – С. 348.; В начале XX в. среди зажиточных «торгующих крестьян» Имисской волости назван Егор Михайлович Щелкунов. См.: Справочная книга по Минусинскому уезду за 1912 год. – Минусинск, 1912. Биографические изыскания были проведены нами в ходе полевых исследований. Е.М. Щелкунов в начале 1920-х гг. «был лишен права голоса как антисоциальный элемент» и в 1930-х гг. репрессирован.

альной и психологической поддержки со стороны старожилов. Однако от переселенцев требовалось позитивное восприятие традиционных ценностей сибирской крестьянской общины. Источники подтверждают, что мир старожилов был мощным фактором воздействия на сознание переселенцев. «Откуда бы ни были новоселы, они подвергаются ...беспрерывной критике и иронии, сопровождаемой и положительными советами, как поступать на сибирской почве, как пахать землю, наконец, даже советами, как говорить, не возбуждая смеха. Под гнетом этих насмешек и советов, подтверждаемых собственным опытом, новые колонисты быстро уступают местным обычаям, и не далее как следующее поколение считает себя коренными сибиряками».¹ Стереотипы поведения, принятые в старожильской общине, являются существенной частью традиций. Психолог М.П. Якобсон писал, что «по традициям, бытующим в данной среде», «подражанию определенному образцу поведения, следованию примеру» трансформируются прежние установки поведения. Поэтому под внешним социализирующим воздействием меняется содержание ценностей и структуры элементов субъективной картины мира. Переселенцы «быстро уступают местным обычаям»

¹ Кауфман А.А. Влияние переселенческого элемента на развитие сельского хозяйства и общинной жизни в Западной Сибири // Северный вестник. – 1891. – С. 37; Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – СПб., 1892. – С. 126.

(т.е. воспринимают местные правила поведения) и через два-три десятилетия у них закрепляется новое самосознание.

«Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний» дают возможность сравнить с официальными оценками наши выводы о хронологических границах адаптации переселенцев. Во второй половине XIX в. к категории крестьян-старожилов относились прежде всего «такие крестьяне, которые родились уже в Сибири». «Добровольные переселенцы» включались в состав старожильского населения по прошествии 25 лет проживания в Сибири. Непременным условием включения данной категории крестьян в статистические данные по старожильской группе считалось их проживание в старожильском селении. Одновременно ставилось важное условие – для переселенцев был необходим «совершенный достаток для полной экономической ассимиляции их старожилами».

Переселенцам, поселившимся коллективно во вновь образовавшихся селениях, необходимо было прожить в Сибири от 25 до 50 лет для признания их старожилами.¹

Однако по итогам массовых обследований крестьянских хозяйств 1880–1890-х гг. экономист

¹ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Т.1V. – В.1. – Иркутск, 1893. – С. 48.

и статистик А.А. Кауфман предложил свое видение структуры крестьянства Сибири. Это – «новоселы» – крестьяне, прибывшие из Европейской России не более 15–20 лет тому назад», «крестьяне-староселы» – та часть сибирских крестьян, которые пришла сюда более чем за 15 – 20 лет и «крестьяне-старожилы», живущие в крае уже несколько поколений.¹ Общепринятая трактовка понятия «старожилы» гласит, что это категория потомственных крестьян, заселившихся в Сибири в дореформенный период. Мы считаем, что в данной интерпретации понятие «старожилы» имеет характер статической величины. На наш взгляд, социум сибирских старожилов действительно представлял собой динамично развивающуюся категорию.

Он включал как потомственных крестьян, так и вольных переселенцев, в течение 25-50 лет переживших процесс экономической, социальной и психологической адаптации. Поэтому в качестве альтернативных нам ближе формулировки А.А. Кауфмана, рассматривавшего этапы «осибирячивания» «российских» крестьян в динамике последовательной адаптации. Анализ глубинных процессов поэтапной адаптации русских «засель-

¹ Кауфман А.А. Сибирь: Население // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.Ф. Брокгауза, И.А. Ефрона. – СПб., 1900. – Т. 29а. – Кн. 58. – Ст. 762 – 764. (Цит по: Зверев В.А., Кузнецова Ф.С. История Сибири: хрестоматия по истории Сибири. Часть 1: XVII – начало XX века. Учебное пособие... – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2003. – С. 119.).

щиков» а первом этапе сибирской истории заставляет нас выделить особую группу «старожилов». Это – «чалдоны», – первопроходцы в ходе освоения сибирского края в XVII – первой половине XVIII вв. и их потомки в последующих поколениях. Вклад данной категории русских сибиряков поистине неоценим.

Таким образом, на территории Центральной Сибири социум русских крестьян-старожилов сложился к 60-м гг. XVIII как историческая реальность, обладавшая адаптированной материальной и духовной культурой. Данная адаптация имела выраженный характер постоянного развития и проходила под комплексным воздействием факторов среды и социализирующих факторов формирующегося сообщества.

*Ермолаев А.П. Лабаз при промысловой избушке
близ с. Богучан н-А. 1911 г.*

*Ермолаев А.П. Промысловое зимовье
и лабаз на волоке Яркова н-Чуне-Карабуле. 1911 г.*

*Ермолаев А.П. Клеть старинная
с. Богучаны. 1912 г.*

*Ермолаев А.П. Деревня Яркино.
Ангарский промышленник-охотник. 1911 г.*

*Ермолаев А.А. Ангарская крестьянка
отправляется на осмотр подледных уд.
с. Богучаны Пинчугская волость*

Ермолаев А.А. Осмотр подледных уд на р. Ангара. 1911 г.

*Ермолаев. Зимовье между рекой Питом
и речкой Потимбой. 1915 г.*

2.2. РУССКИЙ ЭТНОС И СУБЭТНОС СИБИРЯКОВ

Итогом взаимного приспособления стало формирование новой «окультуренной» среды («месторазвития» русских сибиряков).¹ В Европейской России базовым «месторазвитием» русского этноса являлась земледельчески окультуренная среда. Однако иные воздействующие факторы, исторические и социально-политические условия не могли изначально позволить воссоздать прежнее «месторазвитие» в Сибири в XVII – XVIII вв. Здесь в процессе взаимного воздействия русской этнической культуры и «инофакторной» среды создавалось «месторазвитие» с новыми характеристиками. В ментальности сибиряка в процессе адаптации эволюционировали и прежние представления о российском «кормящем ландшафте», о технологии земледелия, технология «окультуривания» среды. Иной характер взаимодействия человека с

¹ Понятие «кормящий ландшафт» ввел в научный оборот Л.Н. Гумилев в качестве обозначения социогеографического пространства, ареала формирования и проживания этнической общности. Г.В. Вернадский предложил использовать для обозначения географических факторов окружающей среды и социально-исторических факторов взаимодействующего с ней этноса термин «месторазвитие». На наш взгляд, второе понятие более соответствует задачам исторической науки и в дефиниции, и в процессуальном использовании самого слова. Поэтому, мы считаем возможным применение значений в контексте общей терминологии междисциплинарного исследования – «адаптивное месторазвитие» (среда освоения) и «адаптированное месторазвитие» (освоенная среда).

объектами и явлениями окружающей среды формировал новое содержание ценностей субъективной «картины мира», иные традиции, обычаи и обряды, иные стереотипы поведения. «Всякий народ несет в себе самом то особое начало, которое накладывает свой отпечаток на его социальную жизнь, которое на-правляет его путь на протяжении веков и определяет его место среди человечества; это образующее начало у нас — элемент географический. Вот чего не хотят понять: вся наша история — продукт природы того необъятного края, который достался нам в удел», — так П.Я. Чаадаев, русский мыслитель, публицист и философ XIX в., означил русский этнос как продукт обширных пространств Восточной Европы.

Эта мысль всецело поддержана и развита в трудах выдающегося историка В.О. Ключевского: «Лес, степь и река — это, можно сказать, основные стихии русской природы по своему историческому значению. Каждая из них в отдельности сама по себе приняла живое и своеобразное участие в строении жизни и понятий русского человека. В лесной России положены были основы русского государства. Несомненно то, что человек поминутно и попеременно приспособливается к окружающей его природе, к ее силам и способам действий, то их приспособляет к себе самому, к своим потребностям». Далее он отмечал влияние природы на выработку сообразительности, характер, чувства, понятия, стремления, на отношение к другим

людям. На просторах Восточноевропейской равнины издревле ковались в людях смелость, стойкость, трудолюбие, взаимовыручка. Лучшие качества проживавших здесь русского, финно-угорского, тюркского этносов сформировались во многом благодаря суровым реалиям вмещающего ландшафта.

Этнос — исторически сложившаяся на территории устойчивая многопоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства от всех других подобных образований, фиксированным в самоназвании.

Не только у отдельных людей, но и у этносов есть Родина. «Родиной этноса является то сочетание ландшафтов, где он впервые сложился в новую систему», — писал Л.Н. Гумилев. Природа действует на человека принудительно, заставляя развиваться в определенном направлении. Этноты, которые не могут приспособиться и измениться (адаптироваться), должны переселиться в другой вмещающий ландшафт или вымереть.

При переселении части этноса в другой вмещающий ландшафт происходят изменения в культуре, общественных отношениях, образе жизни этнической группы на новой территории в сравнении с характеристиками материнского этноса. Отсюда можно сделать вывод и об изменениях в чертах характера этих людей, в их поведении, миропонимании и новом самосознании. Экстремальные факто-

ры существенно преобразовали все стороны жизни русских сибиряков.

«Русские крестьяне и казаки, переселяясь в Сибирь, создали ряд оригинальных вариантов русской культурной традиции и образовали субэтнос русских сибиряков», — это вывод Л.Н. Гумилева.

Субэтнос — это таксономическая единица, находящаяся внутри этноса как зримого целого и не нарушающая его единства, обладающая специфической культурой и выраженным самосознанием. Как и этнос, субэтнос обладает определенными стереотипами поведения, закономерно меняющимися в историческом времени.

Подобные процессы формирования малых подгрупп этноса происходили и в европейской части России. Здесь сложились такие субэтнические группы русского народа, как поморы, казаки, полехи, старообрядцы, мещеряки, севрюки, однодворцы, тумы. В данном ряду этнографами выделяются уральцы и сибирские старожилы. Все субэтносы имеют «специфические черты культуры, ...осознают свою общность совокупности людей внутри этноса».

Субэтнос — явление эволюционное. Этнограф Ю.В. Бромлей подчеркивал, что эволюционность предполагает «изменение отдельных компонентов этнической системы». В данном виде отпочковавшаяся часть этноса группируется в таксономическую единицу на основе консолидации мелких групп. Основой консолидации могут выступить

географический, экономический, социально-политический, религиозный факторы.

Для ряда субэтносов характерны процессы межэтнической интеграции и ассимиляции в новых территориально-географических условиях, включения компонентов культуры местных народов. Главным критерием завершения формирования субэтноса, по словам Ю.В. Бромлея, является оформление «у людей двойного этнического самосознания: сознания принадлежности к субэтносу и этносу». Так осознает себя представителем казачества и, одновременно, русского народа житель Дона или Кубани.

В течение нескольких поколений инновационность, превалируя над этнической традиционностью, под воздействием рассмотренных факторов быстро обретала форму традиции. При этом многие свойства этнической культуры могли утрачиваться, многие — изменяться за счет межэтнических связей и воздействия экстремальной среды.

Субэтнос обретал название (субэтноним). В свою очередь, члены субэтноса могли сформулировать свой этноним для «материнского» этноса. Ареал проживания субэтноса становился социокультурным регионом. Одновременно происходило оформление приоритетов, норм и моделей поведения членов субэтноса в конкретных обстоятельствах борьбы за выживание. Изменения начинали проявляться в стереотипах поведения, в обрядах, в меняющемся субэтническом образе, фиксирова-

лись в исторических источниках. Следствием данных изменений у русских в Сибири стало формирование субэтноса русских старожилов Сибири.

Любой субэтнос включает в себя ряд внутренних групп, обладающих особенностями в одежде, укладе хозяйственной и общественной жизни, образе жизни и верований. Данные группы, конвиксии, могли быть исходными общностями в формировании субэтноса или сформировались как отличительные в ходе адаптации к новым условиям.

Конвиксии — группы людей с одинаковым, однохарактерным бытом и семейными связями.

Субэтнос русских старожилов состоял из множества конвиксионных групп: несколько групп сибирских «чалдонов», «каменщики», «поляки», «марковцы», «кержаки», «карымы», «семейские», «русаки», «смешницы», «гураны» и другие.

2.3. СИБИРЯК – «УГОДНЫЙ В ОБЩЕСТВЕ И СЛОВУТНОЙ В СЕМЬЕ»

С позиций междисциплинарной интерпретации, этнос — это социум, обладающий особой ментальностью, в центре которой специфическое содержание и конфигурация элементов и категорий субъективной «картины» («модели») окружающего мира в их ценностно-оценочной иерархии. Процесс адаптации существенно изме-

нил ценностную конфигурацию «модели мира» представителей русского этноса в сибирском крае. Элементы и категории субъективной «картины» мира в ценностно-оценочной систематизации – это традиции, присущие культуре в системном и стереотипно выраженном значении, определяющие мотивацию и установки поведения членов социума. Именно стереотипы-значения формируют оценочно выраженные стереотипы-свойства и установки стереотипов поведения. Стереотипы поведения в широком смысле можно идентифицировать как комплекс свойств личности и социума. Таким образом, специфика стереотипов-свойств любой этносоциальной группы напрямую зависит от установок стереотипов-значений картины мира. Ю.В. Бромлей сделал вывод, что «утрата (или приобретение) членами социума какого-либо стереотипа-значения неизбежно влечет за собой определенное изменение ... свойств», как общепринятых черт личности и стереотипов поведения.¹

Но действовали они взаимосвязано, – не только «свойства» зависели от «значений», но и появление у членов социума новых адаптированных к факторам среды стереотипов-свойств, трансформировало прежние стереотипы-значения, т.е. этнические культурные традиции.

Следовательно, взаимная эволюция стереотипов-значений и стереотипов-свойств в результате

1 Бромлей Ю.В. К вопросу о влиянии особенностей культурной среды на психику // Советская этнография. – 1983. – № 3. – С. 71.

формирования старожильческого социума не могла не отразиться в оценках внешнего облика, черт характера, поведения сибиряков в различных источниках. Литератор и этнограф Н.С. Щукин без всякого сомнения отмечал в 1860-х гг.: «Опытный глаз сразу отличит сибиряка от русского».¹ Этнограф А.А. Макаренко находит, что в борьбе за выживание в приангарских крестьянах укрепились такие позитивные черты характера русских людей, как «удивительная выносливость и настойчивость, необыкновенная терпимость в трудах, мужество в опасностях».²

Авторы труда «Русские старожилы Сибири» на основе исследований этнографов и историков обобщили качества сибиряков. Они пишут, что сибирякам свойственны «настойчивость в выполнении поставленных целей, осмотрительность в решениях, отсутствие поспешности в действиях, но без следов вялости, хорошая ориентировка в обстановке, ровное настроение без склонностей к повышенной чувствительности».³

В установках стереотипов-значений «картины мира» наиболее важными советский этнограф Ю.В. Бромлей считал «представления человека... о себе самом, своих отношениях с действительностью и окружающими людьми», т.е. автостереотипы

1 Щукин Н.С. Народные увеселения в Иркутской губернии // Записки ИРГО. – Т. 2. – 1869. – С. 384.

2 Макаренко А.А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. – СПб., 1913. – С. 12.

3 Русские старожилы Сибири... – С. 166.

личности и социума.¹ Мы отмечали, что, согласно выводам С.В. Лурье, представления о себе в этнических константах всегда выступают как «источник добра», в качестве носителя «положительного образа» своего социума. Поэтому «стереотипы-свойства» членов общности неизбежно отражались в обобщенных знаковых чертах этнического характера. Изменение окружающего мира, соответственно, представлений о нем и связей с ним меняло значение образов «я» и «мы», образа «своего мира».

Сложившийся к середине XVIII в. как результат адаптации традиционный комплекс стереотипов-свойств старожильческого социума почти не менялся в своем поэлементном содержании в течение последующего столетия.

Источники XVIII – середины XIX вв. зафиксировали выраженную последовательность и устойчивость в перечислении наиболее ценных черт личности как представлений и неких идеалов членов «своего» сообщества. Вот свободная цитата из ряда архивных документов с характеристиками крестьян Енисейской Сибири: «Рассыльный О. Третьяков – «Поведения хорошего. Имеет семейство, домохозяство, скотоводство и хлебопашество. В штрафах, под следствием и судом не был»; Десятник А. Григорьев – «Поведение хорошее, под судом не был... имеет домообзаводство. Веры православной»; Староста М. Скурихин –

¹ Бромлей Ю.В. К вопросу о влиянии особенностей культурной среды на психику // Советская этнография. – 1983. – № 3. – С. 71.

отец 3-х детей – «Поведение хорошее, состояние добропорядочное, под судом и штрафах не был, примерное хозяйство»; «Избрали поверенного... ис крестьян... дом и землю имеющий, женатый и детей имеющий, в наказаниях, подозрениях, ябедах и пороках не бывалого, но доброго и незазорного поведения, старше 30 лет...»; Волостной старшина Е. Поспелов – «Поведения доброго и серьезного,... имеет домохозяство, скотоводство и хлебопашество».

Важно подчеркнуть, что отмеченные свойства оценочно «призначивались» собранием «общества». Повторение их в позитивных оценочных суждениях служит отражением адаптированной систематики ценностных представлений сибиряка «о себе и своих» в ментальной картине мира. Ценностный «реестр» традиционных автостереотипов содержал в себе высокие нравственные качества земледельца, домохозяина, семьянина.

Достаточно полные и объективные результаты ценностной иерархии позитивных и негативных стереотипов поведения «своих» могут дать косвенные оценки самих субъектов-носителей данной культуры. Оценочные суждения, зафиксированные в речи, в собственных терминах как адекватном продукте формирования общественных отношений внутри социума, воспринимались на уровне стереотипных «автоматизмов». Адаптированные стереотипы-значения инициировали появление адекватных слов местного говора. Ко

второй половине XIX в. относится опубликование ряда словарей сибирского говора. В них представлено значительное количество слов, характеризующих черты характера и поведения человека.

В целях исследования эволюции автостереотипов-свойств, нами были выделено и проанализировано 130 слов говора старожилов. Мы считаем, что анализ системности слов, отражающих свойства личности, способен косвенно выявить многие автостереотипы-свойства старожилов.¹

В процессе речевого взаимодействия члены крестьянского «общества» не только общались, но и регулировали свое социальное поведение, интерпретировали поведение сообщинников и «чужих». Язык не только служил инструментом взаимодействия с миром, но придавал «осмысленную» законченность субъективной иерархии «оцененных» элементов «картины мира». Изменившиеся стереотипы-свойства, иной тип отношений в оценочной иерархии во многих случаях не могли поддерживаться прежним терминологическим инструментарием. Естественно, как позитивные, так и негативные установки ценностной ориентации в «картине мира» стереотипно выражались определенными словами, влияли на стереотипы поведения членов

¹ Авдеева Е.А. Записки и замечания о Сибири (Приложение: Словарь говоров). – М., 1837; Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. Кн. 1 – 2. (Приложение IV. Словарь сибирского говора). – СПб., 1865.; В качестве базового словаря послужил составленный нами в ходе полевых исследований «Словарь говора» старожилов Красноярского края (1978–1987 гг. Архив автора.)

«своего» сообщества, определяли оценку и самооценку поступков.

Первое место по количеству позитивных стереотипов-свойств занимают – коммуникативные. На втором-третьем местах среди позитивных следуют стереотипы-свойства и связанные с ними привычки поведения в процессе общения людей (речь, темперамент). В иерархии «похвальных», последние места занимают слова о внешнем облике, о смелости, выдержке и самообладании; это были вполне естественные качества.

Отличается от данного порядка иерархия слов с негативными стереотипами-свойствами. На первом месте количественно выделяются слова, порицавшие как поведенческо-речевые негативы (*вопить, ботать, бунчать, горлопанить, тараторка, хайлат, зехлат и пр.*), так и слабый темперамент (*нюнить, вошкаться, няло, галяма и пр.*). Естественно, адаптация к суровым условиям Сибири отрицала плачь, нытье. Можно привести ряд критикуемых негативных стереотипов свойств данного порядка: *гнусить, брыла распускать, бунчать, бухтеть, веньгать, канючить, кукукаться, моркотить, нюнить, реветь, суслить, уросить, устна распускать, фырчать, хинькать.*

Примечательно, что и негативные привычки и склонности человека количественно занимают второе место (*халда, жила, алырник, зюзя, бузыгать, взъендывать и пр.*). При этом малейшие нюансы слов достаточно адекватно оценивали

стереотипы-свойства человека. Так, выпившему дельному человеку «быть на развезях» было прощительно по сравнению с «вечным под-турахом, зюзей». В отличие от минимального количества позитивных стереотипов-свойств, значительно больше слов, негативно оценивавших трусость, предательство, обман, невыполнение долга. На последнем, 5-ом месте, среди негативных представлены свойства, характеризующие внешний облик и умственные способности человека (*маганый, плехатый, тунтук и др.*). В этом проявилось понимание, что данные недостатки – врожденного, природного типа.

В общем количественном соотношении позитивных и негативных стереотипов-свойств в словарях большинство негативных, порицаемых (66,2%). Позитивных – всего 33,8%. Следовательно, можно сделать вывод о сдержанном отношении сибиряков к похвале и выраженном стремлении открыто порицать неприемлемые стереотипы-свойства. Естественно, в процессе социализации человек стремился заслужить редкую, но значимую оценку членов общины. Но главное было – не попасть под «обстрел» метких и нелюбимых слов предосудительного порядка. Ибо малейшие отклонения от нормы тут же порицались соответствующими словами. Идентичность стереотипов-свойств личности общепринятым нормам стереотипов-значений являлось показателем успешной социализации («заслужил право»).

Системный набор определенных стереотипов-свойств выступал как в качестве фактора социа-

лизации человека в старожильческий социум, так и в качестве механизма межпоколенного воспроизводства субэтнической идентификации молодежи. Одновременно ценностная позиция слов-свойств выступала в качестве фактора формирования стереотипов поведения переселенцев в старожильческой общине. Повторим высказывание Н.М. Ядринцева о механизме социализации российских переселенцев в старожильческую общину: «Откуда бы ни были новоселы, они подвергаются непрерывной критике и иронии, сопровождаемой и положительными советами...».

Конечно, критиковалось не только негативное поведение, но и прежние, «российские» стереотипы-свойства. Оценка сибиряками говора российских переселенцев также подмечена Ядринцевым. Старожилы советовали, «как говорить, не возбуждая смеха». Под гнетом этих насмешек и советов, подтверждаемых собственным опытом, новые колонисты быстро уступают местным обычаям...».

Таким образом, как в поведении, так и в говоре крестьян Приенисейского края зафиксировались стереотипные привычки, определяемые нормами традиций (стереотипами-значениями). Основная функция традиций была в том, что они через общественное признание воспроизводили «трудовые и нравственные качества достойного домохозяина» и его «должного» поведения. Набор определенных качеств личности и алгоритмов поведения (т.е. стереотипы-свойства), выраженных слова-

ми «своего» говора, оформились в картине мира в качестве идентификационных характеристик членов крестьянского старожильческого социума. Естественно, характеристики воспринимались в качестве позитивных для «своих» и негативных – для «чужих». Мы далее еще будем рассматривать их в контексте психологической оппозиции «свой – чужие» и выделения признаков элементов самосознания и идентификации.

Далее зададим себе следующие вопросы: действительно ли установки «должных» стереотипов-значений претерпели существенную эволюцию в условиях взаимодействия с адаптационными факторами Сибири? Насколько эффективными были результаты воздействия адаптированных стереотипов-значений (традиций) на соотношение позитивных и негативных стереотипов-свойств у представителей старожильческого социума? Являлись ли наиболее выраженные позитивные стереотипы-свойства прерогативой отдельных крестьян или они были характерны в целом для социума старожилков?

Одним из важнейших показателей уважения и самоуважения была законопослушность крестьянина-общинника. Мы отметили непреходящие в течение столетия позитивные оценки: «В штрафах, под следствием и судом не был». Данные свойства стереотипно выражены в поговорке – «Преступное не может быть нравственным, нравственное – преступным». Императив ценности закона

в установках стереотипов-значений можно проанализировать и на основе косвенных источников. Наши отправные посылы следующие:

- 1) сход членов крестьянской общины своим решением наделял жителя своего селения правом участия в совместном решении насущных вопросов, в том числе и избирательными правами;
- 2) право участия в сходах и выборах напрямую зависело от поведения, соблюдения законов и норм обычного права крестьянами-общинниками;
- 3) статистика «лишения права голоса» в селениях различных волостей и уездов характеризует результативность позитивного воздействия стереотипов-значений на стереотипы-свойства крестьян Енисейской губернии.

В целях обобщения результатов воздействия социализирующих установок стереотипов-значений, мы изучили именные списки крестьян-общинников 17 селений Ачинского и Минусинского округов Енисейской губернии за 1882 – 1886 гг., имевших право голоса на сходах.¹ В 13 селениях, из 17 анализируемых, не отмечено крестьян, лишенных права голоса за преступления или за «дурное поведение». Лишь в 4-х селениях проживали крестьяне, отмеченные как «бывшие под судом» или имеющие «дурное поведение». Из старожилков нарушили закон менее одного на сотню крестьян.

¹ ГАКК, ф. 595, оп. 46, д. 18. – «Именные списки крестьян, имеющих право голоса на сходах»; ГАКК, ф. 344, оп. 1, дд. 603, 530; Там же: ф. 595, оп. 39, дд. 221, 225, 733 и др.

Архивные данные показывают, что каждый третий крестьянин из «поселенческих детей» был лишен права голоса за серьезные проступки.

Рассмотрим уровень нравственности среди крестьян Балахтинской волости Ачинского округа. Так в с. Тюльковском из 68 крестьян-старожилов имели право голоса 65 человек. Лишены были данного права трое крестьян, что составляло 4,4%. Но из 13 «поселенческих детей» с. Тюльковского были лишены на сходах права голоса 6 человек, то есть 46%. В Крюковском сельском обществе той же волости все 71 крестьянин имели право голоса, а из 45 поселенческих детей лишались права голоса 7 человек (15%): «за кражи», «драки», «пьянство и убийство», «оскорбления и обиды». В с. Дербинском все 32 крестьянина-старожила имели право голоса. Отметим, что в этом селении были лишены права голоса один крестьянин из западно-польских переселенцев и трое из семи поселенческих детей (42,8%).

Таким образом, уровень поведения крестьян не мог не быть следствием позитивной нравственной и обычно-правовой установки на «праведную» жизнь в традиционном сознании 99,3% старожилов. Приведенные подсчеты одновременно свидетельствуют о сохранении негативных установок поведения у 31% представителей второго поколения ссыльнопоселенцев. Однако 69% крестьян из детей ссыльнопоселенцев были позитивно социализированы внутриобщинными факторами, имели высокие нравственно-правовые качества.

В системе согласования общественных требований и личных установок поведения важное место в ценностной картине мира, наряду с оценками «со стороны», занимала собственная оценка стереотипов-свойств. Осознание себя полноправным членом старожильского «общества» предполагало наличие представлений о правах личности в Сибири и установок на их защиту. Источники XVIII – XIX вв. отмечают негативную реакцию сибиряков в ответ на покушения на права и достоинство личности, судебные разбирательства «за обиды, оскорбления».

В 1767 г. в каждом из 32 «Наказов енисейских крестьян в Уложенную комиссию» отражены явные «обиды» за постоянное унижение личности свободного крестьянина «служивыми» людьми.¹ Крестьяне писали: «Чинят обиды, чего нам не повелено»; «Нас ...били смертельно»; «Претерпевали немалое телесное наказание и напрасных нападков»; «Просим ...в неволю нас не нарезать». Крестьяне обращались к «Матушке Императрице», прежде всего с «ябедой» за «не повеленное» ею нарушение «служивыми» границ воли свободного сибиряка. Одновременно мотивация самооценки прав и «достоинств» в картине мира старожила формировала установки защиты личности от унижения и неправомерного наказания. Приенисейские крестьяне высказывали пожелания, чтобы

1 «Наказы крестьян Енисейской провинции в Уложенную комиссию». // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977. С. 212.

«должности» исправляли «выбранные из нашей собратий, переменяясь кащъгодно».¹

В дальнейшем в системе представлений о позитивных установках личности и «условиях» защищенности продолжает сохраняться ценностная позиция свободной личности в картине мира сибирских крестьян. Князь П.Д. Горчаков, генерал-губернатор Западной Сибири, вполне логично обосновал в 1840-х гг. взаимосвязь представлений крестьян-старожилов о компонентах свобод: «Здесьние поселяне, взросшие в полной независимости, мало знакомы с нуждой. Всякое близкое посредничество начальства в их хозяйстве для них странно».² Декабрист Н.В. Басаргин в «Записках», написанных в 1857 г., по возвращении из Сибири, определил значение свободы для формирования позитивных представлений о правах и достоинстве личности: «Он [сибирский крестьянин] более понимал достоинство человека, более дорожил правами своими».³

Историк А.П. Шапов в 1860-х гг. конкретизировал круг представлений сибирских крестьян о свободе. По его мнению, они включали в себя комплекс экономических, политических, социальных, духовных «возможностей». Ученый выделял установки выраженного стремления к организации

¹ «Наказы сибирских крестьян в Уложенную комиссию», Л. 19 и 19-об. // Археография и источниковедение Сибири. – Новосибирск, 1975. – С. 177.

² Цит. по: Миненко Н.А. Живая старина... С. 9 – 10. Цит. по: Миненко Н.А. Живая старина... С. 9 – 10.

³ Басаргин Н.В. Записки. – Красноярск, 1985. – С. 99 – 100.

миропорядка на основе данных представлений: «Сибиряки склонны жить без излишнего вмешательства властей и закона... они порицают те нововведения, что ограничивают свободы». Стереотипы независимого поведения сибирских крестьян на основе установок мотивационных представлений о свободе описаны и Н.М. Ядринцевым.¹

В течение всего XIX в. рапорты сельских старшин Енисейской губернии непременно завершались выражением, отнюдь не являвшимся формальным в контексте приведенных свидетельств: «О чем волостному правлению **честь имею** донести».² В оценках качеств нравственной личности в картине мира рядом с понятием «честь» стояло «достоинство». Они отражали связь оценки «честной» личности с представлениями о должных действиях по защите личного достоинства.

В 1886 г. крестьянин с. Уринского Канского округа Андрей Коратаев обратился с жалобой Енисейскому губернатору на незаконное наказание его розгами по решению волостного суда «в обвинение в покраже и зарезании теленка». Действительно, в результате расследования выяснилось полное

отсутствие вины крестьянина. Отстояв самоуважение, он добился того, чтобы волостному суду было «объявлено серьезное внушение». Наказание розгами крестьянин посчитал «унижением» и все

¹ Шапов А.П. Собрание сочинений. Дополнительный том. – Иркутск, 1937. – С. 171.; Ядринцев Н.М. Сибирь как колония... С. 109.

² ГАКК, ф. 546, оп. 1, д. 33, лл. 11, 101 и др.

сделал, чтобы смыть «сей позор». В подобных случаях наряду с ценностными установками самоуважения фигурировало заявление о стремлении «сохранить уважение» односельчан.¹

Источники позволяют говорить, что в понятие «уважаемый человек» включалось множество составляющих, и в первую очередь честность. Писатель А.П. Чехов свидетельствовал в письмах из Сибири: «...о всему тракту не слышно, чтобы у проезжего что-нибудь украли. Нравы здесь в этом отношении чудесные, традиции добрые. Я глубоко убежден, что если бы я обронил в возке деньги, то нашедший их вольный ямщик возвратил бы мне их, не заглянув даже в бумажник».² Ряд источников волостных правлений Енисейской губернии конкретизируют проявления ментальных установок честности в сознании крестьян. В условиях возможного сокрытия попадавших им в руки ценностей в сознании крестьян не возникло сомнения в вариантах дальнейших действий: они принимали нравственно оправданные решения.

Крестьянка д. Мосиной Балахтинской волости Татьяна Григорьева в июле 1856 г. «на берегу р. Чулым нашла бумаги, о которых, не утаив», сообщила вместе с мужем в волостное правление. В связке бумаг были финансовые документы на 709 рублей «о заключении договоров на поставки хлеба», расписки и квитанции губернского

¹ ГАКК, ф. 595, оп. 46, д. 15, лл. 1 – 7.

² Чехов А.П. Из Сибири. Собр. соч: В 12 т. Т. 11. – М., 1985. – С. 14.

чиновника.¹ «Крестьянская дочь с. Еловского Балахтинской волости девица Ефросинья Метелкина 1873 г. июня 8 дня» нашла на дороге золотой полуимперал достоинством 5 рублей и отдала сельскому старшине. «Учиненный розыск неизвестно кому принадлежащего полуимперала» владельца не определил. Поэтому волостное собрание приняло решение: «Означенные деньги выдать нашедшей их девице».² Факт розыска денег позволяет подтвердить высочайшую честность всего старожильского сообщества Балахтинской волости в 1870-е гг. Архивное «Дело об отыскании хозяина золотого полуимперала ...» содержит 19 документов о многомесячной истории выявления хозяина монеты по всем деревням волости. Поразительно, но ни один крестьянин «бесчестно» не заявил своих прав на эти деньги.

Этнограф Н.А. Ровинский, будучи прекрасным знатоком сибирского фольклора, подчеркивал: «Говоря «не мылся, бретья не будешь», – сибиряк прямо намекает: «Не рассчитывай никогда на чужое». Он выделял в местных пословицах глубокий назидательный смысл, формировавший, одновременно, установки на уважение личного достоинства человека: «Обманешь в рубле, не поверишь и в игле»; «Честь чести и на слово верит» и другие. Установки соответствия общепринятым критериям достойной личности наиболее системно

¹ ГАКК, ф. 344, оп. 1, д. 238, л. 25.

² Там же: д. 605, лл. 1 – 19.

отразились в поговорке «К двадцати годам не умен, к тридцати не женат, к сорока не богат – всю жизнь [будет] так».¹ Как видим, последовательность качественных стереотипов-значений воздействовала динамично на достижение определенного набора свойств. В данном случае, к двадцати годам было необходимо обрести интеллектуальные, нравственные, коммуникативные черты характера. К тридцати годам молодой человек должен был остепениться, обрести семью, быть примером для детей, к сорока – стать крепким домохозяином, хлебосольным и авторитетным членом общины. Следовательно, системный набор позитивных стереотипов-свойств выступали в качестве как фактора социализации человека в старожильческий социум, так и механизма воспроизводства идентификации молодежи как «своих».

Вместе с тем, наряду с выраженными установками общественного мнения позитивного характера в источниках приводится множество свидетельств о приверженности, казалось бы, к негативным стереотипам поведения. Для подтверждения данной оценки мы приводим высказывания Н.Д. Фонвизиной, жены декабриста. За долгие годы проживания в Сибири она сумела выделить и обобщить ряд внешне нелицеприятных превалирующих черт в установках традиционного сознания старо-

¹ Ровинский Н.А. Замечания об особенностях сибирского наречия и словарь // Известия Сиб. отдела ИРГО. Т. IV. Кн. 1. – Иркутск, 1873. – С. 19.

жилов. Наталья Дмитриевна пишет: «Сибирское основное свойство: недоверчивость и осторожность, чтобы не даться в обман, и если можно самому обмануть. ...Быть обманутым... считается за стыд. Сибирская скромность, по-моему, скрытость». Сибиряк «ласков, добродушен, большой хлебосол, но не клади ему палец в рот – он без намерения, но ...откусит». Данное явление не могло не исходить из установок этнических констант на настороженность перед «чужими».

Стремление к безопасности и недопущению другого человека за некую границу, сформировали в качестве защитных мер установки недоверия и хитрости. В контексте компонентов нашей научной гипотезы они представляют собой способы, «**условия** самозащиты и благополучия» социума старожилов. Одновременно слова Н.Д. Фонвизиной подтверждают оценки прагматизма, рационального мышления, выраженную установку на собственные действия по защите достоинства личности.¹

То, что унижение, хитрость перед «чужими», стремление обмануть их не считались у сибирских крестьян зазорным, подтверждают данные словарей сибирских говоров. В них слово «ум» определялось в первой половине XIX в. как «хитрость». Отсюда обмануть, схитрить – значит быть умным в действиях по спасению от «зла» и обмана. По-

¹ Фонвизина Н.Д. Письма 1839 – 1859 гг. // Литературный сборник... – СПб., 1885. – С. 249 – 280.

добная оценка бытовала в Енисейской губернии в 1880-х гг.: «Упрям и хитер, как сибиряк». Но, по утверждению Н.В. Латкина, данная поговорка была записана им в среде «российских» переселенцев.¹ В перефразированном виде, словами говора старожилов, (говоря о «своих») выражение должно звучать с гордостью: «Настырен и умен, как сибиряк». Интерпретация содержания установок поведения и стереотипов-свойств личности носит полярный характер: позитивная со стороны «своих» и негативная, со слов «чужих».

Самое интересное из наблюдений Н.В. Латкина то, что он показал эволюцию стереотипов-свойств в течение XIX в. Латкин отмечал, что простота нравов, гостеприимство, бесхитростность крестьян, бытовавшие во времена губернатора А.П. Степанова, все более и более к концу века заменяются расчетливостью, эгоистичностью, корыстолюбием и личным интересом. Одной из наиболее распространенных в Енисейской губернии становится поговорка «За так просто и чирей не садится». В его записях мы видим и подтверждение дальнейшего развития черт хитрости, мстительности. Но и в конце XIX в. крестьянин Енисейской губернии по-прежнему «кроток», «здрав умом», «разсудителен», «трудолюбив», «если разговориться, то боек на язык», «смел

¹ Латкин Н.В. Красноярский округ Енисейской губернии. – СПб., 1890. – С. 41.

характером», «находчив», «смекалист», «терпелив и не лишен упрямства», «послушен».¹

Качества личности отражали прежде всего воздействие установок норм «своих» («должных») качеств в традиционном сознании семьянина и общинника. Внутренние факторы стереотипов-свойств общины и семьи являлись адаптентами процессов социализации новых поколений в культуру русских старожилов Сибири.

Представления о системе позитивных адаптирующих ценностей сохранялись и возобновлялись прежде всего в патриархальной семье. Здесь происходила передача ценностных стереотипов-значений семьи и семейных отношений в картину мира крестьян-старожилов Приенисейского края. В центре ментальной ценностной иерархии субъектов рода и семьи стоял собирательный образ «предков» («стариков»). Этнограф А.А. Макаренко справедливо отмечал, что уклад жизни сибиряков Приангарья базировался на «практике старины и предков».² Они

¹ Наши полевые наблюдения в среде современных крестьян старожильческих селений Красноярского края подтверждают, что наиболее значимыми продолжают оставаться качества личности, отражающие трудовые. Общественное признание и ныне способствует формированию «имиджа» достойного домохозяина. Но крайне слабо проявляется роль нравственно-этических черт. Исчезают из речи местные слова, отражающие отношение к негативным проявлениям поведения. Во-вторых, размыто содержательное значение позитивных и негативных качеств, их границы. В третьих, старшее поколение перестало выполнять основную миссию трудовой и нравственно-этической социализации молодежи в систему ценностей сибирской культуры.

² Макаренко А.А. Сибирский народный календарь... С. 17.

олицетворяли сохранение традиций, неизменность обрядов, руководство нормами обычного права. «Крестьянскому сознанию было свойственно при сопоставлении поколений отдавать предпочтение предшественникам», – пишет историк М.М. Громыко.¹ «Заветами предков, отцов» освящались поступки; обращение к ним составляло неотъемлемый элемент народной обрядности. Информаторы наших полевых исследований 1980-х гг. крестьяне старожильческих селений обращение к авторитетному мнению предков начинали со стандартных словосочетаний «Старики говорили...», «Старики наказывали нам...», «Старики велели...», «За такие дела отцы нас взгрили бы...». В установках повседневного поведения общинников почитание «стариков-предков» естественным образом распространялось на пожилых людей. Это выражалось в уважительном отношении к старшим, в «утожденье» им, в авторитете «суда стариков». В сознании пожилых крестьян главенствовали чувства собственного достоинства и «осознание значения своей возрастной группы».

По «заветам отцов», установкам «предков» выстраивалась иерархия патриархальной крестьянской семьи. Глава семьи – домохозяин, «большак», глава-распорядитель всего домохозяйства – строго регламентировал права и обязанности

1 Громыко М.М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // Советская этнография. – № 5. – 1984. – С. 75.

членов семьи, руководил всем производственным процессом. Одновременно статус отца закреплялся в нормах обычного права. В судебном иске Василия Евдокимова Бутенко говорится, что «много сварливости перенес за свою жизнь... от отца, но терпел потому, что он, как родитель, имел на это право» (выделено нами. – Б.А.).¹

Мы видим здесь осознанное понимание того, что патриархальные отношения узаконивали полную власть домохозяина над своими «домочадцами». «Запомни, что старше отца на свете никого нету... Ни один суд не принимал от сына жалобу на отца, а на сына пожалуйста», – записала Л.М. Сабурова высказывание пожилой женщины о традиционном видении роли отца в Приангарье.

В субъективной картине мира крестьянских детей власть отца, освященная традицией, воспринималась в мотивации социально-хозяйственной и нравственной целесообразности уклада жизни патриархальной семьи.² Ф.Ф. Девятов, крестьянин с. Курагино, отмечал: «Хорошо и выгодно жить в большой семье ...требуется только, чтобы всякий усердно работал».³

В поименных описях крестьянских семей важную информацию содержит регламентация порядкового перечисления их членов. Несомненно, это следует считать отражением ментального представления о

1 ГАКК, ф. 595, оп. 53., д. 530., л. 733.

2 Сабурова Л.М. Быт и культура русского населения Приангарья... С. 171.

3 Девятов Ф.Ф. Хозяйственный быт сибирского крестьянина... С. 307.

степени иерархичности элементов семьи в ценностной картине мира. При перечислении членов семьи крестьянское сознание четко отражало и возрастную, и половую иерархию: вначале в записях перечисляются лица мужского пола, затем женского. Первым значится глава домохозяйства и его жена, затем «малолетние дети: сыновья Михайло 9-ти лет, Иван 1 году; дочери Александра 11-ти, Александра же – 8-и, Марья – 6-и, Настасья – 4-х лет».¹

Семья предстает в «картине мира» целостной системой, живущей в мире и согласии. В объяснительном рапорте по смерти крестьянки Авдотьи Ивлевой от 21 марта 1846 г. приводится важное замечание: «Жила с мужем в дружелюбии, никогда ссоры и драки не замечено...».² Представления и оценки о благополучии зажиточного домохозяйства в сознании сибирского старожила дополнялись важным условием «покоя при детях в старости лет». Такое обеспеченное будущее должны были создать как свои, так и чужие дети, принятые в крестьянскую семью на воспитание. С этой целью в состав семьи принимали сироту или, по договоренности, ребенка многодетных родителей: «Крестьянин Григорий Скрипальщиков, не имея родных детей, взял на воспитание к себе у крестьянина одной с ним деревни Федора Артемьева сына... 3-х месяцев».³

¹ ГАКК, ф. 546., оп. 1, д. 408, л. 4.

² ГАКК, ф. 546, оп. 1, д. 364, л. 381.

³ ККМ, о/ф. 7886/110, л.1.

Говоря о ценностных представлениях в «картине мира» членов семьи, мы не могли не рассмотреть традиционных оценок женщины в сибирском обществе. Как и в Европейской России, главой женской половины дома считалась «большуха» (мать, свекровь, бабушка) – жена хозяина дома. Однако в картине мира сибирских старожилов статус хозяйки был несколько иным, чем в традиционной российской ментальности. Во многом это исходило из длительного демографического дисбаланса в пользу мужчин на начальном этапе сибирской истории. Но и в конце XIX в. мы отмечаем превалирование численности мужского населения.

Установки уважительного отношения к женщинам в традиционном сознании енисейских старожилов первой половины XIX в. зафиксировал губернатор А.П. Степанов: «У них женщины занимают первые места на пирушках, и ежели тесно помещение, то все мужчины стоят». Во второй половине XIX в. идентичные данные о высочайшем статусе женщины и уважении к ней отмечены в путевых заметках П.И. Небольсина. Он писал, что в Сибири «в разговорах и общении выражения «баба» никогда не услышишь, разве только в бранном смысле». Исследователи отмечают, что «сибирские женщины были менее зависимы» в личном и экономическом положении.¹

¹ ГАКК, ф. 595, оп. 46, д. 29, л. 12.; Степанов А.П. Енисейская губерния... Ч.2. – С. 110.; Цит. по: Миненко Н.А. Живая старина: Будни и праздники сибирской деревни в XVIII – первой половине XIX вв. – Новосибирск, 1989. – С. 98 - 99.; Этнография русского крестьянства Сибири... С. 38, 41.

Высокий статус женщины в сибирском обществе подкреплялся установками общественно-го сознания на принятие мер воздействия к тем, кто нарушает общепринятые нормы. В 1855 г. в целях защиты чести женщины общественный сход обязал крестьянина д. Заледеевской Красноярского округа Дмитрия Васильева Горбачева дать следующую «подписку»: «Я Горбачев обязуюсь жизнь вести благопристойную женатому человеку и не заниматься любовной связью с солдаткою Алемпиадою Груздевой и жене своей Варваре напрасно обид никаких не причинять».¹ Но общественная мораль предусматривала, чтобы честь и достоинство женщины в случае посягательства со стороны защищались ближайшими родственниками.

Высокий уровень прав женщины в старожильческой семье, возможность самой решать судьбу были зафиксированы в нормах обычного права. Девушки в сибирских селениях большей частью были вольны в выборе жениха. В Приангарье постулаты установок сознания в отношении «девичьей неволи» были таковы: «Нельзя силком отдавать замуж. Хуже нет, как не в любви жить». Если случалось, что родители были против брака, то нередко были «свадьбы убегом».

Когда в 1889 г. в ходе непродолжительной судебной тяжбы истец А.Н., крестьянин с. Богучанского, потребовал «вернуть истраченные на смотрины»

¹ ГАКК, ф. 609, оп. 1, д. 2978, л. 27.

деньги в сумме 17 рублей 70 копеек, то ответчик Д.Г. показал, что «он согласился на свадьбу дочери без ее согласия». Дочь подтвердила «отказ выйти за сына истца». Волостной суд, учитывая «право самостоятельного выбора жениха по местным обычаям», постановил взыскать с нее только 7 рублей.¹

Наиболее верное понимание согласования интересов родителей и детей в оценках старожилы выразил знаток быта приенисейских крестьян этнограф Н.С. Щукин. Он писал в 1860-х гг.: «В деревне знают, за какой девкой ухаживает парень, а потому женят его, на ком надобно».² Одновременно современники отмечали, что сибиряки «более вольны в половых отношениях», «смотрят весьма свободно на гражданские браки..., руководствуясь в этом отношении непосредственными влечениями чувства и страсти». «Невенчанные браки... в народной среде не воспринимались как проявление безнравственности», – сделали вывод и современные отечественные этнографы.³ Здесь, в Сибири, жену оценивали как равноправного «товарища» в труде, в «домообзаводстве». Поэтому, по данным этнографических исследований, в середине XIX в. наиболее ценной для замужества считалась женщина в возрасте 25–35 лет. В семье невестке требовалось «почитать мужа, свекра и свекровь, не лениться

¹ Сабурова Л.М. Быт и культура русского населения Приангарья. С. 180.; ГАКК, ф. 793, оп. 1, д. 2., л. 24.

² Щукин Н.С. Народные увеселения в Иркутской губернии // Записки ИРГО. – Т. 2. – 1869. – С. 386.

³ Этнография русского крестьянства Сибири... С. 43.

работать, жить честно...». Первостепенной почиталась детородная функция женщины. Брачная пара без детей не считалась полноценной и поэтому относилась к семьям, «обиженным Богом».¹

Оценочные представления об экономическом статусе женщин обеспечивались и их равным участием в хозяйственной жизни семьи. Выписки из судебных тяжб 1880-х гг. подробно свидетельствуют о материальной и финансовой формах оценки личной собственности женщины в семье. Так, выходя замуж в 1887 г., крестьянка д. Карабульской Кежемской волости А.Ф. имела следующее: 4 ситцевых платья, 2 юбки, 2 шали, кокетку, 2 фартука, 2 рубахи, платок, серебряные серьги и кольцо, добный и 2 холщовых стана, 3 лукошка, квашню, сетку.² В дальнейшей жизни в семье мужа приданое продолжало оставаться личной собственностью жены. В другом случае по решению суда мужем умершей дочери крестьянке Е.Н.Т. из д. Кежемской Пинчутской волости были возвращены следующие личные вещи: «Шуба на заячьем меху, баранья шуба, пальто на вате, кофта на вате, три скатерти, платье ситцевое, три женских рубахи, шесть холщовых полотенец, одеяло, наволочка, пять аршин кубового холста».³ В противоположной ситуации, согласно распространенным обычаям,

¹ Сабурова Л.М. Быт и культура русского населения... С. 40.; Зве-рев В.А. Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма. – Новоси-бирск, 1988. – С. 54.

² ГАКК, ф. 793, оп. 1, д. 2, л. 61.

³ ГАКК, ф. 793, оп. 1, д. 2, л. 32 – 32-об.

«вдова д. Гольтяевской Пинчутской волости О.К. ...хозяйство имела свое, так как от мужа унаследо-вала дом, скот, земли и прочее».¹

В описанных ситуациях мы видим ряд типич-ных для всей России примеров уважительного от-ношения к женщине, стремления на основе тра-диций общины и правовых норм защитить ее иму-щественные права. Сибирская женщина имела на подворье собственную голову скота, которую могла продать и приобрести украшения, наряды и про-чее. Деньги, заработанные женщиной на летних поденных работах, были ее собственностью.

Экономическое обеспечение ментального рав-ноправия женщины подкреплялось ее высоким социальным статусом. Общественное мнение и правовые нормы оценивали женщину полноправ-ной участницей юридических процедур. По смерти мужа вдова имела право участия в сельских сходах, будучи утвержденной приговором членов общи-ны главой домохозяйства. Так, несмотря на то что у Марии Андреевой Зыковой было два взрослых сына 25-ти и 24-х лет, она числилась главой домо-хозяйства в д. Тарханской Ужурской волости Ачин-ского округа.²

Статус хозяйки дома и родительницы не мешал сибирячке при необходимости быть весьма актив-ной в хозяйственно-предпринимательской дея-тельности. Об этом красноречиво свидетельству-

¹ ГАКК, ф. 793, оп. 1, д. 2, л. 57.

² ГАКК, ф. 344, оп. 1, д. 671, лл. 1 – 2.

ют данные о торговцах-женщинах. В 1876 г. сходы двух деревень Балахтинской волости дали согласие «вдове крестьянина с. Дербенского Елене Лукьяновой Ефтифеевой ...на открытие ей питейных домов». Подобное разрешение было дано и «на сходе д. Сургуцкой Балахтинской волости вдове Меланье Никитиной Трошиной ...».¹

В последней четверти XIX в., в связи с процессами индустриальной модернизации, прежние ценностные стереотипы-значения семьи в картине мира крестьян-старожилов начинают трансформироваться. В системе ценностей на первое место выходят позиции разделенной семьи. В патриархальных семьях в связи с массовыми раздлами хозяйства начинали теряться ценностные позиции установок обычного права. Споры между близкими родственниками решались теперь все более на юридическом уровне путем разбирательства в судах. В данных тяжбах превалировали имущественные претензии родителей и детей по отношению друг к другу. Однако от притязаний извне по-прежнему семейные интересы защищались сообща. Когда в 1878 г. «поселенческий сын с. Устьянского Канского уезда М. Левченко возвел городьбу» на усадьбе крестьянина-старожила О. Рудовского, волостной суд признал усадебную землю за старожилом. Доскональное разбирательство выяснило, что отец Левченко (поселенец) 7 лет назад получил разрешение Рудовского на строительство дома «на части

¹ ГАКК, ф. 344, д. 671, лл. 72 – 73.

усадьбы» без возведения городьбы. Суд «состоял из местных крестьян, принимавших в соображение местный обычай и разбиравший дело на месте».¹ В данном случае нарушенные интересы семьи старожила были восстановлены во многом благодаря активной помощи со стороны сыновей О. Рудовского, проживавших к этому времени отдельно от отца.

Источники XIX в. свидетельствуют о взаимном стремлении поддерживать авторитет и достоинство членов патриархальной семьи. Наиболее выражена данная установка в поговорке «Учи жену без детей, а детей без людей». Одновременно важнейшей установкой для всех членов крестьянской семьи было «выглядеть в глазах» соседей, односельчан рачительными, трудолюбивыми, «достаточными» людьми. Детей нацеливали на заботу о поддержании «чести» семьи, рода. В установках общинного сознания воспроизводились стереотипы-свойства радушного и хлебосольного хозяина, сострадающего «сирому и убогому».

В Сибири наряду с милосердием, при выраженной прагматичной соревновательности, элемент «демонстрирования» высокой нравственности играл немаловажную роль. В одном из отчетов «общества» с. Нахвальского Сухобузимской волости с похвалой отмечалось, что в доме крестьянина Фирса Григорьевича Зырянова много лет

¹ ГАКК, ф. 595, оп. 28, д. 1172, лл. 1 – 5.

проживает «из милости ссыльный Галайко 92-х лет, к труду неспособный».¹

В контексте реконструкции установок социального статуса крестьян-старожилов в качестве наиболее типичных и важных предстают традиционные представления о характере взаимоотношений между членами различных семей. Енисейский губернатор А.П. Степанов традиционный образ взаимоотношений старожилов обозначил словом «учтивость». Он писал: «Крестьяне сибирские... очень вежливы в своих объяснениях друг с другом, таковы они и в самих действиях». «Ямщик называет ямщика по имени и отчеству, крестьянка говорит подруге своей «вы». «Приветствуют при встрече: «Здравствуй, часом братан!»».²

В развернутом этнографическом описании приангарского края этнограф Н.В. Скорняков особо отмечал, что здесь «народ не называет своих знакомых и односельчан полуименем, а всегда величает по отчеству,... даже малолетнего не назовут Ванькой, а всегда Иваном».³ При этом установки радушия, вежливости и учтивости навязывались и приезжим. На это обращал внимание Н.М. Ядринцев: «Даже приезжий господин... в Сибири должен сделать уступку... мещанину и крестьянину, если он

¹ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Т. IV. – Вып. 5 – 6. – Иркутск, 1893. – С. 346.

² Степанов А.П. Енисейская губерния... Ч.2. – С. 19, 22, 25.

³ Скорняков Н.В. Приангарский край в этнографическом отношении // Сибирский наблюдатель. – 1902. – Кн. 1. – Томск, 1902. – С. 1.

захочет с ним сблизиться». От них требовалось уважать чувство достоинства сибирских старожилов.¹

Особая учтивость сельских жителей Приенисейского края проявлялась по отношению к гостям. Об этом неоднократно писали, например, декабристы. Так, А.П. Беляев отмечал: «Хозяева, простые сибиряки-крестьяне, очень радушно нас приняли».² В оценочных представлениях «картины мира» о системе межличностных отношений крестьян можно реконструировать традиционный кодекс приема гостей, обычаи «гостьбы». Стереотипы-значения «гостевания» у крестьян-старожилов Приенисейского края отражали многие представления о сложившихся социальных связях, о месте личности в социальной иерархии, о поведении хозяина и гостя в зависимости от общественного статуса, степени родства, оценочных категорий. Правила «гостьбы» («гостевания») охватывали весь цикл стереотипов-значений и стереотипов-свойств, касавшихся как гостя, так и принимавшего его хозяина. Поэтому представления о нормах и традициях «гостьбы» позволяют одновременно произвести многоуровневый «срез» типичных и общепринятых стереотипов-свойств представителей различных групп, как членов общины, так и «чужих». Как и многие другие явления традиционной жизни, правила гостеприимства являлись внешней оболочкой архетипных

¹ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. – СПб., 1892. – С. 109.

² Из воспоминаний декабриста А.П. Беляева... // Город у Краснояра (Первая половина XIX в.). – Красноярск, 1989. – С. 81.

ритуалов приема гостя, нравственно-этических норм, включали показатели идентификации личности. При этом адаптенты правил «гостыбы» сосредотачивали как старорусские (адаптивные), так и адаптированные элементы, специфичные для Сибири.¹

Источники по Енисейской губернии свидетельствуют, что ближние родственники, друзья, «суседи» (то есть все «свои») встречались довольно часто: на «посиденках», «вечерках», «малых гулянках». Во взглядах на специфику приема данной категории гостей мы видим стремление к минимуму стереотипности и организованности. С родственниками и друзьями из соседних селений встречались 2-3 раза в год, в осенне-зимний период, на съезжих праздниках, ярмарках, на Пасху или Родительский день, на «больших гулянках», на свадьбах. Особое внимание уделялось в предписаниях по оформлению «должной» многоэлементной обрядности свадеб, «съезжих» храмовых праздников, встреч кровных родственников из дальних деревень.

Прием авторитетных людей села, гостей на свадьбах и на больших праздничных «гулянках» в течение всего XIX в. проходил по традиционным детализированным нормам «гостевания». Модель поведения предписывала, чтобы хозяева встре-

¹ Полевые исследования автора. Информатор Алешечкина М.П. (1923 – 1987 гг., с. Имисское Курагинского р-на).; Развернутое описание обычаев приема гостя дала Баландина М.Д. (1916 - 1991 гг.) крестьянка с. Имисское Курагинского р-на.

чали гостя в зависимости от статуса: за воротами на улице, или во дворе, или на крыльце, или в избе у порога. В избе можно было без общепринятого ритуала принять проживавшего на своей улице кровного родственника или «суседа». Иной «важный» гость, ненадлежащим образом встреченный хозяином дома, мог уйти с обидой на него.

Знаком предупреждения прихода человека в гости должен был служить стук кольцом о «жуковину» на воротах (жуковина – металлическая пластина под кольцом. – Б.А.). Хозяину дома надлежало встречать гостя-мужчину, хозяйке дома – женщину. Встречаясь, все взаимно кланялись, приветствовали друг друга на «вы». Хозяину следовало идти в дом позади гостя. Гостю предписывалось становиться на первую ступеньку крыльца и перешагивать порог правой ногой, чтобы не нести «зла» в дом, снимать у порога шапку, дарить гостинцы-подарки как хозяевам, так и, прежде всего, детям. Почетного гостя было принято пригласить за стол на лавку в передний угол. Считалось, что приставная скамья менее почетна. На нее усаживали случайных гостей или молодежь.

Ритуал застолья также включал десятки общепринятых установок действий, сопровождавшихся определенным языком символов. Например, перевернутая на блюдце чашка служила знаковым пожеланием гостя прекратить чаепитие. Оставленный гостем на блюдце кусочек сахара – в качестве угощения детям. Подававшаяся гостю в знак

уважения первая рюмка вина с поклоном должна была передаваться далее старшему по возрасту. За столом всем полагалось быть умеренными в «еде и питье». Провожая гостей, хозяевам следовало одаривать их ответными подарками-гостинцами. После ухода гостей не принято было обсуждение подарков. Подобные же стереотипные правила традиционных обычаев мелочно регламентировали установки стереотипов поведения на молодежных «вечерках», женских «посидёнках», праздничных «гулеваниях» на улице или за селом. Мы связываем ритуализированность «гостевания» со стереотипами-значениями социальных отношений. Но совместное следование нормам формализованной символики идентифицировало гостя с хозяином, вводило в круг «своих». При этом, для нас важным открытием является собственная интерпретация повсеместной привязанности сибирских жителей к столу круглой формы в горнице. Возникла она из установки равенства и свободного отношения между приглашенными различного возраста и социального положения в случаях праздничного «гостевания» за круглым столом.

Таким образом, в сознании членов корпоративного сообщества имелся системный набор определенных и типичных для сообщества представлений о себе самом, своих отношениях с действительностью и окружающими людьми. Положительный образ «должной» личности выступал

в качестве как носителя стереотипов-свойств всего социума, так и критериев успешной социализации личности. Следовательно, определенный набор стереотипов-свойств выступал в качестве «определителя» в идентификации членов социума. Стереотипы-свойства крестьян-старожилов неизбежно отразились в новых знаковых чертах этнического характера русских сибиряков.

С изменением стереотипов поведения в процессе сибирской адаптации, видоизменение прежних этнических стереотипов-значений способствовало эволюции содержания ценностной иерархии ментальной «картины мира». Приенисейскому старожилу были свойственны «широкая душа, бескорыстное гостеприимство, гордая независимость характера, уживчивость, желание прийти на помощь другим, поддержать бедного и слабого». Но наиболее характерными для сибиряка стали проявления полярных стереотипов-свойств во взаимоотношениях со «своими» (кроток, радушен, послушен) и «чужими» (упрям, хитер, мстителен).

Реалии рыночных отношений существенно влияли на стереотипы-значения «картины мира». Они формировали стереотипы-свойства расчетливости, личного интереса, скупости и даже корысти. Однако данные качества, признаем себе, более адекватно соответствовали новым экономическим и социальным факторам. В этом проявлялось продолжение непрерывного процесса адаптации основной массы

2 Как русские переселенцы становились «природными сибиряками»

крестьянского населения Сибири к инновационным факторам конца XIX – начала XX вв. На наш взгляд, это свидетельствует о стремлении сохранить баланс традиционных и инновационных ценностей стереотипов-значений «картины мира». В этом мы видим доказательство рациональности и гибкости мышления приенисейских крестьян не только противостоящего, но и принявшего инновации.

Изба с «балконом» – дер. Зеледеево Пинчугской волости Енисейского уезда. 1911 г. Фото ККМ

ФОТОАРХИВ «Старожилы Сибири»

Ермолаев А.А. Телеги в селе Богучаны. 1911 г.

Дореволюционные сельскохозяйственные орудия. Соха-«роголюха». Фото ККМ.

Во дворе старожила. с. Бирюса. 1913 г. Фото ККМ.

Ермолаев А.А. Фасад избы. Село Богучаны. 1912 г.

*Ермолаев. Сани, д. Ярки Пинчугской волости
Енисейского уезда Енисейской губернии. 1911 г.*

*Ермолаев В.П. Зимовье на Станке у д. Ярков на Чуне
в Богучанах Пинчугской волости Енисейского уезда. 1920г.*

*Ермолаев А.А. Раскраска переборки в избе.
с. Богучаны. 1911 г.*

*Ермолаев В.П. Красноярск -
берег Енисея под Гимназическим взвозом зимой. 1918 г*

*Ермолаев А.П. Мельница-мутовка в деревне Ярки
Пинчугской волости Енисейского уезда. 1911 г.*

Ермолаев А.П. Корова пестрая 10 лет. 20 руб. Длина головы - 43 см, туловище - 117 см, высота - 92 см. 1911 г.

Ермолаев А.П. Улица в деревне Шало. 1911 г.

Ангарский крестьянин-старожил. 1911 г. Фото ККМ.

Ермолаев А.П. Во дворе ангарского крестьянина в с. Богучаны. 1911 г.

*Двухэтажные дома-избы деревни Юрохты
Пинчугской волости. 1911 г. Фото ККМ.*

*Старинный тип дома с крыльцом в Кежемской волости
и в Канском уезде с. Анцирское. 1912 г. Фото ККМ*

ГЛАВА 3

«ОБЩИННОЕ СОГЛАСИЕ» В СИБИРИ

3.1. ГОРОД, СЕЛО, ДЕРЕВНЯ ...

В первое столетие сибирской истории особую роль выполняли крепости, называемые здесь острогами. Они служили опорными пунктами и административными центрами российского государства на новых землях. Остроги были деревянными: расположенные по периметру башни соединялись стенами. Внутри города располагались различные по назначению строения срубного типа или землянки.

Основание Красноярска. «В 1623 году московский сын боярский Андрей Дубенский выбрал для строительства острога плоский высокий мыс между Качей и Енисеем. Красивое местоположение побудило Дубенского назвать это урочище Красным Яром. Москва доверила этому опытному потомственному воину основание новой крепости... С большими трудностями отряд казаков в 303 человека достиг назначенного места и заложил 6 августа 1628 г. (по новому стилю 16 августа) Красный, или Новокачинский, острог (так первоначально назывался Красноярск).

Казаки возвели тыновую стену с 4 башнями, общей окружностью около 450 метров, окружили ее рвом и земляным валом, сделали перед рвом надолбы, а по дну поставили рогатки. Внутри укрепленного четырехугольника срубили воеводский двор, приказную избу, зеленые, хлебные амбары и 30 избенок из расчета одну на десяток казаков».

Как в остроге, так и в возникавших вокруг посадах расселялись служивые люди, ремесленники, охотники-промысловики, крестьяне. Если первоначально большая часть русских в Сибири была связана с военным делом, то к началу XVIII в. — с ремеслом, сельским хозяйством, торговлей.

Довольно быстро вслед за острогами вокруг них начинают возникать сельские поселения. Даже во второй половине XIX в. сибирские города были относительно небольшими: в них проживало от 5 до 10% населения огромного края. Со строительством Великой Сибирской магистрали в начале XX в. наблюдается бурное городское строительство. Население многих городов выросло в 3–4 и даже 10–12 раз. Отметим, что по традиционному укладу жизни, по мировоззрению, по характеру культуры сибиряки-горожане мало отличались от крестьян вплоть до последней четверти XIX в.

С процессами заселения и освоения края русскими людьми тесно связано возникновение и развитие поселений сельского типа на огромной территории за Уралом. Оно обусловило и возникновение постоянного потомственного старожильского населения Сибири. В отличие от формирования городских поселений на основе сельских у славян Восточной Европы, в Сибири сначала возникают города-остроги, а затем их жители совместно с оседавшими вокруг них землепашцами основывали сельские поселения.

В начале XVII – XVIII вв. осваивались, в основном, таежная зона и, частично, лесостепь. Все же за первое столетие «русской Сибири» наиболее плотно были заселены Верхотурско-Тобольский, Томско-Кузнецкий, Енисейский, Илимско-Забайкальский районы, где главным занятием стало земледелие. Именно это позволило с 1685 г. прекратить целевые поставки государством хлеба в Сибирь.

При основании сибирских городов документально засвидетельствованы в XVII в. наказы воеводам о приискании земель, пригодных для хлебопашества: «Город ставить ..., где бы государю было впредь прибыльнее, чтобы пашню завести»; «Тут место самое лучшее, угоднее для пашен, и скотинный выпуск, и сенные покосы, и рыбные ловли — все близко». Встречались и такие случаи, когда «...острожек поставлен не у места, потому что... пашенных мест и сенных покосов вблизи нет». Вначале жители острогов заводили в пригородных местах пашни и обрабатывали их наездом. Постепенно за пределами городских укреплений вырастали посадки и слободы, жители которых также имели пашни.

Поселения крестьян основываются как «вольные», так и по «государеву решению». При этом политика государства строилась на том, чтобы «у ясачных людей (представителей местных народов) угодий не отнимать». В связи с изменившейся

политической ситуацией XVIII – XIX вв. и установлением контроля до предгорий Алтая, Саян и р. Амур большинство селений основываются вольными переселенцами. Так, к середине XIX в. в Енисейской губернии 674 селения было основано «вольными» людьми, а 104 появились в результате правительственной деятельности.

Выбор места поселения осуществлялся очень тщательно. Особенно внимательно приглядывались в первый год жизни: не зато-пит ли место заселения, быстро ли сходит здесь снег, затишье или постоянно дуют ветра, нет ли постоянной сырости и т.д. Были случаи, когда «засельщики» меняли место, если оказывалось, что «земля хлеб худо родит». В ходе освоения южных районов Сибири многие крестьянские поселения перемещались сюда из более северных районов.

Чтобы основать селение, вначале подыскивали подходящую лесную поляну у реки или озера, по-сибирски — «елань». Затем ее расчищали от кустарника, расширяли, вырубив лес. Выкорчевывали пни; пустив «палы», выжигали старую траву и остатки кустарника. Затем готовили пашню, по 2-3 раза перепахивая землю. Сеяли вначале немного — «учиняли опыт».

В то же лето старались начинать рубить жилье, но часто не хватало ни времени, ни сил, поэтому в первую зиму на сибирской земле жили в землянках. По преданиям старожилов, в первый год

в глиняных берегах рек копали углубления под печи и в них пекли хлеб. Так как часто дома рубили на месте леса, то ставили их на сосновые и лиственничные пни.

Осваивая новые земли, крестьяне уходили в совершенно глухие места, часто даже неподконтрольные властям. Еще в начале XVIII в. русские люди расселились в долине р. Бухтармы, в горах Алтая. Вольных поселенцев здесь называли «каменщиками». Возникло более 50 «вольных» селений. Только в конце XVIII в. «каменщики» были приняты в русское подданство. Многие селения, не известные властям, «открывали» вплоть до XX в. Писатель Г.А. Мачтет отмечал в 1880-х годах: «И вдруг деревня оказывалась «открытой», точно золотая жила, каменный уголь или даже Америка!... Оказывалась открытой с домами, с обывателями, стадами и всеми прочими атрибутами деревни. В ней пекли и жарили, умирали и множились, работали и отдыхали, творили все человеческое без денег, без паспортов, без «управ», без законных властей... Это было возмутительно и тем не менее несомненно!»

Основным типом сельских поселений была деревня. Это сравнительно небольшое селение, не имевшее церкви. Для начала XVII в. характерны малодворные деревни-поселения в 1 – 3 двора, они составляли 91,8%, во второй половине века их было 42,1%. К началу XVIII в. стали преобладать деревни

в 10 и более дворов. При заселении деревни родственниками ее именуют «однопородной». Так, документы свидетельствуют, что с. Абан Канского уезда основали 5 семей Туровых. Другой тип деревни — «разнопородная», здесь проживали семьи разных родов.

Так как «елани» были довольно редки, первые пашенные участки располагались в XVII – XVIII вв. на расстоянии до 75 – 125 верст от деревни. Позднее, в связи с высвобождением земли из-под леса, среднее расстояние до пашни сократилось до 10 – 50 верст. Поэтому в целях эффективной работы на пашне крестьянин был вынужден возводить на пашенном участке избушку, хозяйственные постройки. Данный вид поселения в Сибири называли «заимкой». Если пашня находилась недалеко, то хозяин обрабатывал ее «наездом», без строительства построек — эта пашня называлась «займищем». В условиях «захватного» принципа освоения пашни достаточно было опахать участок земли или проложить полосу пахоты («очертить»), чтобы земля считалась занятой. В лесу ограничивали деляну, окольцовывая деревья.

До сегодняшнего дня в ряде сибирских регионов сохранился обычай «первого закоса» на покосе. При этом небольшой прокос косой-литовкой на свободной поляне является знаком принадлежности по «захватному принципу». Если кто другой скосит траву на данном участке, то первый че-

ловек по традиции имеет право забрать себе весь стог сена. В старину в случае возникновения спора волостной суд мог решить вопрос о компенсации за вложенный труд сеном или деньгами.

На заброшенном и вновь распаханном займище через много лет могло возникнуть новое поселение. Название заимки или займища по имени прежнего хозяина часто становилось топонимом деревни. Многие заимки дали начало новым деревням и селам. На заимку могла переселиться семья сына или сам домохозяин. За счет подселения новопривыбывших переселенцев или односельчан и дополнительной разработки земли поселение разрасталось. Вокруг появлялись новые заимки, постепенно становившиеся деревнями. В таежной зоне многие селения обязаны своим возникновением охотничьим заимкам.

Вновь созданное селение, которое в перспективе могло стать крупной деревней, обозначали термином «починок». Таким образом, деревни, заимки, займища и починки своим возникновением обязаны возделываемой крестьянской пашне. Несколько иную функцию выполняло село.

Село — сравнительно крупное селение, в котором обязательно имелась церковь. Таким образом, село становилось центром церковного прихода. Село выполняло и административные функции: оно могло быть центром волости, включавшей от 15 до 30 малых населенных пунктов (деревень). Вна-

чале их было немного: так, в Красноярском уезде в 1700 г. было три села. В самом крупном из них — Ясаулово — было тогда 73 двора, а в 1795 г. — уже 194 двора. Со временем в селах налаживались ремесленное производство и торговля и они становились местом проведения ярмарок.

Развитие населенных пунктов в начале XIX в. шло по пути как быстрого укрупнения имеющихся селений, так и увеличения количества новых. Декабрист Н. Бестужев писал: «Теперь едущий по Сибири увидит огромные деревни: я говорю «огромные» потому, что они действительно таковы; например, в Красноярской губернии (т.е. в Енисейской губернии) между прочими большими есть д. Бояроновка, которая тянулась еще в 1827 г. на 6 верст. Деревни изумляли бы любого русского огромностью и довольством». Можно отметить, что в начале XIX в. самым крупным селом всей Сибири от Урала до Тихого океана было село Боготольское, насчитывавшее 606 дворов.

В середине XVII — начале XIX вв. в освоении междуречных пространств немалую роль стали играть тракты. Через Тобольскую, Томскую, Енисейскую и Иркутскую губернии прошел Большой Сибирский (Московский) тракт. С его прокладкой возникло множество селений, непосредственно обслуживающих его. Вдоль тракта принудительно селили переселенцев-крестьян, ссыльных-поселенцев. Здесь часто оседали на жительство

не только крестьяне, но и беглые люди. Жители трактовых селений заготавливали сено, дрова для нужд дороги, выращивали на продажу овес, зерновые культуры, овощи. Многие жители данных деревень и сел зарабатывали на жизнь обслуживанием проезжавших путников, служили на тракте постоянными ямщиками.

Сибирский тракт обеспечивал перевозку товаров, перемещение воинских команд, административные сообщения между сибирскими губерниями и центром. Почтовым ведомством было налажено постоянное почтовое сообщение. Любой проезжавший по тракту во второй половине XIX в. мог насчитать в день от 1 до 2 тыс. встречных подвод.

Основными населенными пунктами на тракте были станции (станки), полустанки и зимовья-станции, расположенные в глухих местах. На каждой станции всегда были наготове повозки, лошади для смены, имелись постоянные дворы, «обогретьные» избы. В домах, постоянных дворах, обогретьных избах круглыми сутками кипели самовары: любой путник мог найти приют и обогреться, был накормлен.

Типы застройки селений зависели от многих факторов: времени возникновения, ландшафтных особенностей, путей сообщения, степени родства «засельщиков». До начала XIX в. была более распространена свободная застройка. Данные деревни были раскинувшимися, разбросанными на рассто-

янии группами строений. Избы стояли как группами («кучковались по-родственному», «по артельности», по времени подселения), так и отдельно друг от друга. Так, в с. Имисском Минусинского уезда крестьяне из Симбирской губернии, переселившиеся сюда в 60-х годах XIX в., основали отдельную улицу в стороне от села. Впоследствии она соединилась с остальными улицами, но до сих пор называется ул. Симбирской. Зачастую при свободной застройке дома могли располагаться группами вдоль озера, реки, тракта и ориентировались фасадом на южную сторону.

Рядовая застройка — тип улицы из одного ряда домов с подворьями. Такое селение могло тянуться на несколько верст.

Уличная застройка — тип улицы из двух рядов домов с постройками, обращенными фасадами друг к другу. Данные селения более характерны для второй половины XIX — начала XX вв. Дома вдоль улицы стояли как на грани, так и в глубине дворов. Одна-две усадьбы разделялись прогонами для скота, а группы подворий по 4 – 6 разделялись переулками. Передняя линия «заплотов» с воротами была ровной. Палисадники перед домами в сибирских селениях появились только в первой трети XX в. Современники отмечали, что улицы старожильческих селений широкие, ухоженные.

Еще во второй половине XIX в. усадьба от усадьбы располагались на достаточном расстоянии, но разделы хозяйств, увеличение количества дворов,

постоянные подселения переселенцев уплотняли застроенность селений. Даже в старожильческих селениях появилась скученность. Дома стали строиться в переулках, застройка при этом стала походить на квартальную.

Практически все сибирские селения имели еще одну особенность: даже при плотной уличной застройке они сохраняли обособленность на отдельные участки-коллективы по принципу родства, времени застройки, подселения, иногда по этническому признаку. Назывался данный участок — «край», «гнездо», «кулига», «куток», «конец».

Наиболее высоким и красивым зданием села была церковь. Строили ее на возвышенном месте. Между храмом и домами обязательно сохраняли незастроенное пространство. На площади проходили ярмарки, но праздникам разворачивалась торговля, проходили гулевания. Рядом с церковью обычно стояла церковно-приходская школа.

В сибирских селах было обычно несколько торговых «лавок». В начале XX в. частные торговцы быстро богатеют и строят свои дома и «лавки» из кирпича. Магазины же в Сибири называли амбары-хранилища общественного зерна на случай неурожаев, стихийных бедствий. Из магазинов оказывалась помощь сиротам, инвалидам, выплачивалась хлебная «руга» священнослужителям.

Важнейшим административным зданием крупного села была «волость» — волостное правление.

При здании «волости» имелось специальное помещение для содержания наказанных по решению общественного схода или волостного старшины — «кутузка» («холодная», «чижовка»).

Каждое селение располагало пожарной службой: пожарным сараем с необходимым инвентарем и пожарной «каланчой» — вышкой. Кроме этого, каждый домохозяин обязывался по общему решению схода участвовать в тушении пожара в той или иной роли с определенным инвентарем. Пожары были нередки в сибирских селениях и приносили страшные последствия. Так, в мае 1849 г. дотла выгорело богатейшее село Енисейской губернии — Тасеево. Крестьянам удалось спасти весь скот

и хлебные запасы. К ноябрю того же года все домохозяева успели выстроить новые жилища, некоторые хозяйственные постройки, но прежнего благополучия после такого опустошительного пожара с. Тасеево уже не смогло достичь...

Сибирские старожильческие селения были чисты, ухожены, но общий вид и экологию портили груды навоза, вывозимые на определенное расстояние от строений. До последних десятилетий XIX в. сибиряки землю не удобряли, а восстанавливали плодородие переложным способом.

Вокруг сел и деревень на много верст шла изгородь — поскотина (в «России» она называлась «околица») из 3 – 4 рядов жердей. Каждый домохозяин «присматривал» (ремонтировал,

подновлял) за участком покотины в 30 – 50 м. На дорогах в изгороди делали легкие ворота, оставляя их открытыми счи-талось серьезным проступком, т. к. за покотиной расстилались пашенные и лесные угодья крестьян, членов общины.

Во второй половине XIX в. в отдельных местах начали ощущаться затруднения в землепользовании, «утеснение» населения: в пределах общинного землевладения группа домохозяев одновременно переселялась на отдаленные угодья. Такие селения назывались «выселки».

Незначительным для Сибири на рубеже XIX – XX вв. стало появление хуторов-поселений одной семьи с двором и прилегающими угодьями. Многие хутора в Енисейской губернии основывались переселенцами из Польши или Прибалтики.

3.2. ЦЕННОСТЬ ТРАДИЦИЙ

Одно из ключевых понятий исторической этнологии – самосознание этноса – включает в себя представления о характерных чертах своей общности, традициях, обычаях, территории проживания, установках социальных связей.¹ Этническое самосознание российского крестьянства формировалось и социализировалось в условиях «микроскопа» общины. Поэтому элементы самосознания

¹ Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. – М. 1986. – С. 14.

приенисейских крестьян, отношения в границах сибирской общины в значительной степени были обусловлены представлениями о специфике коллективных форм социальной жизни. С учетом этого понимания мы исследовали вопросы «установок социальных связей».

Истоки ментального образа сибирской крестьянской общины мы находим в феномене сибирской «однопородной деревни». На стадии возникновения у истоков малодворных сельских поселений была большая патриархальная семья. В дальнейшем, в первой половине XIX в., в условиях естественного прироста крестьянского населения и постоянных разделов семей формировалась преимущественно «однопородная» община. Семейно-родовые связи и внутриобщинные корпоративные отношения «по-родству» продолжали сохраняться. Естественно, в картине мира старожильческого социума должны были сохраниться ценностные оценки семейно-родовых сообществ.

Согласно ведомости учета жителей д. Ковригино Сухобузимской волости Красноярского округа в 1858 г. здесь числилось 34 домохозяйства, из которых род Ковригиных представляли 21 глава семейств (62%), род Криворуцких – 2 хозяина (6%). Остальные 11 домохозяев (36%) имели разные фамилии.¹ Как видим, по названию деревни и количеству «однофамильцев», основателями селения были Ковригины. Поэтому вполне естественно, что

¹ ГАКК, ф. 546, оп. 1., д. 298, л. 24 – 24-об.

в подавляющем большинстве документов 40–70-х гг. XIX в. по данной деревенской общине фигурируют подписи сельских старшин Алексея, Степана, Ефима, Ивана Ковригиных, что является прямым доказательством корпоративного поведения представителей данного рода при избрании «своих» на эту важную должность.

В 1886 г. в с. Комском Балахтинской волости из 178 общинников представляли: род Ананьиных – 60 человек, Кирилловых – 40, Ростовцевых – 28, Черновых – 12, Сиротининых – 11, Спириных – 11, Юшковых – 9. Представители перечисленных семи родов, всего 171 человек, составляли 99,6%. Остальные 0,4%, (всего 7 мужчин-домохозяев) не входили в «микрокорпорации». Род, «порода», старожилов-крестьян состоял из нескольких патриархальных семей. Так, в семье А.А. Ростовцева (54 года) было три взрослых женатых сына: Федор 30-ти, Иван 29-ти и Григорий 39-ти лет. В семье Н.П. Кириллова числились женатые братья Федор и Павел, 31-го и 34-х лет.¹

Историк Л.М. Сабурова установила, что большинство селений Приангарья возникли в XVII – XVIII вв. как «однопородные». В д. Усольцево даже на рубеже XIX – XX вв., из 58 домохозяев 32 (55,2%) были Усольцевы. Из 272 домохозяев д. Кежма проживало: 55 Брюхановых, 43 Кокориных, 19 Лушниковых, 12 Суздаlevых.² Таким об-

разом, представители четырех родов составляли 47,4% всех жителей селения. Необходимо учесть и то, что многие из вышеперечисленных семейств породнились за многие десятилетия между собой и с другими семьями на основе брачных связей.

Как и в типичном российском варианте обыденной терминологии в сознании сибиряка «община» чаще всего подменялась понятием «мир», но более выражалась понятием «общество». В мирском приговоре читаем: «Деревни Большебалчутской нижеподписавшееся **целое общество** избрало одно-деревенского нашего крестьянина Мамона Федорова Черепанова десятником при Сухобузимском волостном правлении...».¹ Данный термин фигурирует и в типичных приговорах о зачислении российских переселенцев в старожильческие общины: «Села Балахтинского государственные крестьяне приговорили к причислению нашего общества крестьянству...».² «Захар Васильев Власов, проживая в нашей деревне, ведет себя прилично, под судом не был, завел себе домообзаводство... Приговорили: принять ...в среду нашего общества на всегдашнее жительство».³

В приведенных записях 1817–1878 гг. примечательно то, что «общество» всегда определялось как «наше». То есть в ментальной «картине мира» наша община («наше общество») есть не что иное,

¹ ГАКК, ф. 595, оп. 46, д. 18, лл. 346 – 350.

² Сабурова Л.М. Быт и культура русского населения Приангарья (конец XIX – XX вв.). – Л., 1967. – С. 165.

¹ ГАКК, ф. 546, оп. 1, д. 364, л. 49.

² ГАКК, ф. 247, оп. 2, д. 12, л. 5 – 6

³ ГАКК, ф. 344, оп. 1, д. 671, л. 17.

как замкнутая корпорация своих членов, крестьян-старожилов, своеобразная системная единица всего социума русских сибиряков. При этом внешний мир мог представлять в позиции множественности «обществ». Мы выделяем характерную для первой половины XIX в. фразу: «...приговорили принять в наше общество из государственных крестьян Большекемчугского общества...». Одновременно крестьяне д. Большекемчугской именуют себя также «нашего общества государственные крестьяне».¹ Стереотипность выражений о соотношении себя и других крестьян с «обществами» в источниках позволяет говорить об устойчивом образе крестьян как членов самоуправляющихся общин.

«Общество» имело в сознании старожила конца XVIII – второй половины XIX вв. все компоненты системной единицы освоенного «микрокосма». В «обществе» были представлены: «законодательная» власть – «сход» («общественное согласие»), исполнительная власть – выборная администрация (старшины, «кандидаты»), «силовые структуры» – десятские и сотские, высший контрольный орган – «совет стариков», податно-фискальная структура (различные комиссии), суд и законы (сход, нормы обычного права), места «заключения» – «чижовка», «кутузка», и прочие элементы. Член «общества» представлял в лице «бойца» или «полубойца» (нало-

гоплательщики), домохозяина, имеющего право голоса на сходе, право выбирать и быть избранным на различные должности. Одновременно он имел строго определенные обязанности перед «обществом».

Таким образом, в понятие «общество» закладывалось представление о целостной сфере организации жизнедеятельности как замкнутой ячейке, корпорации «своих» полноправных членов социума. В течение длительного периода отношения между старожилами строились на условиях выраженного взаимосогласия и «добрых отношений» к «своим». Об этом красноречиво свидетельствуют опубликованные воспоминания старожила Н. Чукмалдина, относящиеся к середине XIX века: «В Сибири ...всякие расчеты оканчивались на оговоренных условиях, всегда добросовестно и верно. Деревенский мир и каждый крестьянин... сохраняли добрые отношения только между собою...».¹

В ангарских селениях было принято производить найм на срочную работу без письменного оформления, «по рукобиту». Однако если работник разрывал договор, то выплачивал хозяину определенную сумму.² «Вообще, обманывать своего же брата-крестьянина считалось делом бесчестным», – отмечает историк Н.А. Миненко.³

Образ общины как «своего мира» мотивировал установки поддержания высокого уровня

¹ ГАКК, ф. 609, оп. 1, д. 754, л.2, 4 и др.

¹ Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания. – СПб., 1899. – С. 59.

² ГАКК, ф.793, оп. 1, д. 2, лл. 17, 74.

³ Миненко Н.А. Живая старина: Будни и праздники... С. 95.

нравственности и порядка в селениях. В картине мира крестьян-старожилов неразрывна ценностная взаимосвязь: высокий уровень нравственности в «обществе» зависит от уровня нравственности ее членов. «Мы избегаем порочных людей, так как лица эти полезными обществу быть не могут» – записали в 1864 г. в приговоре общественного схода крестьяне Анциферовской волости Канского уезда.¹ В качестве «порочных» черт в традиционном сознании крестьян-старожилов источники выделяют «дурное поведение», «ссорливость в обществе», «развратную жизнь», осуждают «ленивцев» и «гуляк». Достаточно сложно систематизировать **все элементы** как «нравственности», так и «порочности», но выражались они чаще всего в наборе правил и обычаев, индивидуальных для конкретной общины. Правила могли быть более или менее строгими, но «полезными».

Известно, что в качестве наиболее строгих и полезных правил, принятых у приенисейских крестьян, отмечают правила по поддержанию чистоты. В первой половине XIX в. в селениях Енисейской губернии ежегодно выбирались на сходах от женщин и мужчин «выборные для смотренья чистоты»: «Деревни Дрокиной Заледеевской волости ...для смотренья чистоты Анна Иванова Быкасова доброго поведения»; «д. Емельяновой ... за чистотою и опрятностью дворов и улиц выбрана Настасья Яковлева Орешникова, которая поведе-

ния добропорядочного и означенную службу нести способна».¹ Как видим, понятия «добропорядочность», «поведение доброе» близко понятию «чистота» в картине мира приенисейских крестьян. Наоборот, «нечистотка поведением своим позорит общество». Источники по Заледеевской волости и по прошествии четырех десятилетий по-прежнему отмечали, что «к нечистоткам перед праздниками снаряжаются женщины за плату для наведения порядка, чтобы те не позорили нашего селения перед чужими людьми».² Декабрист А.П. Беляев с восторгом и удивлением писал, что в селениях Енисейской губернии «довольство и необыкновенная чистота, даже в самых небольших избах».³ Естественно, поддержание порядка и опрятности являлось важнейшими социально значимым стереотипом-свойством. Современники отмечали, что в Сибири понятие «чистота» близко нормам обычного права: «Не вымыть пол к праздничному дню есть почти преступление».⁴ Как важнейший компонент самосознания «свой» мир и «свое общество» были окультуренными анклавами в окружении «хаоса», «зла». Мы отмечали, что «хаосу», «злу» соответствовали знаковые образы «грязного», «неопрятного», «расхристанного в лохмотьях» и пр. Исходя из этого знаковые элементы

¹ ГАКК, ф. 344, оп. 1, д. 671, л. 46.

² ГАКК, ф. 595, оп. 47, д. 47, л. 8.

³ Беляев А.П. Из воспоминаний декабриста о пережитом и пережитом // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. Т. 2. – М.: 1980. – С. 233.

⁴ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма... – С. 363.

¹ ГАКК, ф. 546, оп. 1, д. 408, л. 4 – 5.

«о-свое-ного» включали в себя чистоту, порядок, «степенное» поведение. Поэтому важнейшим условием сохранения своего миропорядка являлось «фанатичное устремление» к чистоте и порядку.

Представления о «характерных чертах своей общности, традициях, обычаях» опирались на механизм воспроизводства данного адаптированного самосознания в новых поколениях старожилов. Естественно, важнейшая роль в воспитательно-социализирующем воздействии на крестьянскую молодежь отводилась «обществу». Наиболее полно данная функция исследована новосибирским историком В.А. Зверевым в работе «Дети – отцам замена: воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.)».¹ «Очень мощным средством было... общественное мнение. Оно склонно было одобрять поведение, ориентированное на традиционные образцы: «как наши старики жили»... В процессе общения «мир» давал оценку качества личности (в нашей интерпретации – «свойств личности». – Б.А.) всех своих членов, каждому их поступку».² В.А. Зверев признает, что особенностью сибирской общины было минимальное вмешательство в семейное воспитание при возложении данной обязанности на отца-домохозяина.³

¹ Зверев В.А. Дети – отцам замена: воспроизводство сельского населения Сибири (1861 – 1917 гг.). – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1993. – 244 с.

² Зверев В.А. Дети – отцам замена... С. 173.

³ Зверев В.А. Дети – отцам замена... С. 174.; Чудновский С.Л. Алтайская поземельная община. – № 11. – С. 185 – 186

Проанализированные нами приговоры сходов ряда общин Енисейской губернии доказывают, что вплоть до последней трети XIX в. институт общественной социализации сирот действовал стабильно. Общественные социализирующие функции осуществлялись в полном объеме по смерти обоих родителей и отсутствии близких родственников. Опекун назначался сходом «из тверезых» крестьян, «состоятельный и с хорошей репутацией». В случае смерти отца в приговорах сходов в роли опекуна традиционно фигурировала мать.¹ Опекун обязан был отчитываться ежегодно перед сходом «о состоянии имущества семьи и приобщении детей к труду и молитвам». По результатам обследования крестьянского сословия во второй половине 1880-х – начале 1900-х гг. был сделан вывод о том, что «правильные опеки... составляют редкие исключения».² Приводимое замечание об ослаблении «учета и контроля опекуна со стороны общества» в последней четверти XIX в. веско свидетельствует о снижении позитивного нравственного воздействия общины. В общественном мнении крестьян приютить сироту считается долгом «общества», но во взаимных отношениях опекуна и общины «заметно больше эгоизма, чем альтруизма», – подчеркивает В.А. Зверев.

¹ ГАКК, ф. 609, оп. 1, д. 626, лл. 5, 6, 11.

² Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск, 1893. – Т. II. Вып. 2. – С.170

Во взглядах на нарушение «писанных» законов крестьянское сознание усматривало «сложившиеся обстоятельства для несчастного», но за нарушение норм традиционного «обычного» права вина, прежде всего, возлагалась на нерадивых «родителей». Общество укоряло их за «послабление строгостей», «попустительство», помятуя, что раньше «дети родителей слушались, народ был не праздный, не шатающийся». Особые усилия начинают прилагаться «мирами» по сохранению нравственности молодежи в условиях размывания принципов и ценностей традиционного общества на рубеже XIX – XX в. Крайне интересен в данной связи неопубликованный источник об общественном наказании «крестьянских детей Василия Прилепова 20 лет и Григория Аржанова 17 лет», иллюстрирующий представления о способах борьбы за нравственные устои молодежи традиционными мерами. Вышеназванные молодые крестьяне обратились в суд с жалобой, что «когда в пьяном виде и по глупости... обрезали хвосты у 14 лошадей нашей Мойсеевой деревни», то «крестьяне, чем отправить нас к приставу, собрали народ (150 домохозяев. – Б.А.), повешали нам на шеи обрезанный... конский волос и повели нас с барабанным боем по всей деревне... два раза, издеваясь над нами, а вся громадная толпа гоготала...».¹ Даже при осознании серьезности проступка правонарушители посчитали данный вид наказания «слишком обидным

¹ ГАКК, ф. 595, оп. 53, д. 530, л. 54.

и оскорбительным», предпочтя «лутший» выход – «отправить к приставу».

Во-первых, мы отмечаем стремление крестьян не наказанием родителей, а мерой «позора» самих молодых людей предупредить их более серьезные проступки в будущем. Во-вторых, налицо стремление крестьянского мира не «выносить сор из избы», решив применить нормы «обычного» права предков. В-третьих, в качестве «условия» сохранилось обращение к социализирующей ценности «общественного позора» в картине мира крестьян старшего возраста. В ментальности крестьянской молодежи начинают превалировать ценности «второго, общественно-правового уровня». Это свидетельствует о снижении роли установок стереотипов традиционного сознания в последней трети XIX – начале XX вв.

Институт общественной социализации молодежи не только наказывал, но и стремился защитить крестьянских детей своего «общества», совершивших серьезный проступок. Типичным является приговор схода с. Даурского Балахтинской волости (1876 г.) «Об ответственности за крестьянского сына Евдокима Карташева», которого все оценили как «оступившегося». Но сход принял «во внимание к молодости испытанного ареста, который может послужить уроком к исправлению» поведения крестьянского сына.¹

¹ ГАКК, ф. 344, оп. 1, д. 671, л. 38.

К гарантам сохранения уклада жизни и традиционных взаимоотношений крестьянское самосознание относило общинное самоуправление. Как и в целом по Российской империи, приенисейские крестьяне из своей среды избирали старост и старшин, окладчиков и счетчиков, сотских и десятских, различных сторожей. Избранные крестьяне обеспечивали стабильность и порядок в общине, регулировали взаимоотношения по «своим», «заветным» нормам и правилам. Для нас важно выяснить, что обычно-правовые нормы соотносились с представлениями о критериях стереотипов-свойств субъектов общественных служб в условиях непрерывной адаптации к меняющимся факторам в течение 60-х гг. XVIII – 90-х гг. XIX вв. Не менее важно проследить эволюцию ценности самоуправления в картине мира старожилов.

Во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. общественная должность воспринималась как доверие (см. в «Наказах» – «поверенный»), как «присяжная должность» общества.¹ Надо заметить, что в этот период в оценочных представлениях приенисейских крестьян общественная служба не входила в «круг работ». Несмотря на стандартные тексты приговоров, «формулы доверия связаны с бытовавшими оценками».² Для оценивания стереотипов-

¹ «Присяжной» должность воспринималась потому, что при избрании на сходе крестьянин давал «клятвенное обещание... на присяжной должности» (См.: Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. – Новосибирск, 1977. – С. 153).

² Крестьянская община Сибири XVII – начала XX вв. – Новосибирск: Наука, 1977. – С. 35 – 37.

свойств носителей общественных должностей в качестве типичных приведем свидетельства приговоров крестьянских «обществ». При избрании в 1819 г. крестьянина д. Устинова Заледеевской волости Е. Поспелова на должность волостного старшины, отмечалось, что он «поведения доброго и серьезного, имеет домохозяйство, скотоводство и хлебопашество».¹ В 1862 г. в приговоре схода записано, что А. Григорьев, десятник из д. Воробино Сухобузимской волости, «поведения хорошего, под судом не был, имеет домообзаводство, веры православной».²

Благодаря их нравственным качествам, избранным лицам делегировалось право применения наказания в отношении нарушителей общественных порядков и право вынесения общественного порицания от имени мира.³ Согласно нормам крестьянской морали этим правом могли обладать действительно высоконравственные личности. В противном случае «должностная» критика воспринималась на уровне сибирского афоризма: «Осудила чурку палка». Все возникающие конфликты между членами своего «общества» воспринимались в «картине мира» как нарушение стабильности и порядка. Поэтому понятны истоки формулировок в приговорах о разрешении конфликта «миролюбивым соглашением».⁴ Крестьянское сознание

¹ ГАКК, Ф. 609, оп. 1, д. 626, л. 11.

² ГАКК, Ф. 546, оп. 1, д. 364, л. 19.

³ ГАКК, ф. 244, оп. 1, д. 87 и др.

⁴ ГАКК, ф. 793, оп. 1, д. 2, лл. 33, 35, 46 и др.

выделяло приоритеты «присяжных» в «обществе»: выборные лица не должны были «своевольничать», игнорировать традиции. Общественное мнение контролировало поведение и исполнение обязанностей «выборными».

О жестком контроле общины над соблюдением «выборными» лицами нравственных принципов при служении «обществу» в середине XIX в. свидетельствует любопытный документ. Это одно из первых свидетельств ослабления требований схода к претендентам на ответственные должности. В 1857 г. зафиксирован случай рукоприкладства «в пьяном виде» старшины с. Атамановского Сухобузимской волости С. Тюменцева. Крестьяне-общинники на сельском сходе единогласно ходатайствовали перед волостным правлением о наказании и отрешении от должности, чтобы «не позорил общества». Волостной сход не только принял соответствующее решение, но и обратился к губернским властям: «Старшину Тюменцева просим подвергнуть высшей мере [...] наказания (предварительно зачеркнуто слово «взыскания». – Б.А.)». В мотивационной части рапорта самокритично и с сожалением сход отметил, что выбранный ими старшина «ранее подвергался замечаниям в пьянстве, нерадении и беспечности по службе и произведенное ...внушение, напротив, усилило... склонность к самодурству и противозаконным действиям».¹

¹ ГАКК, ф. 546, оп. 1, д. 280, лл. 1 – 8.

Сопоставление позиции данного источника с самооценкой крестьянских детей Прилепова и Аржанова, спустя полстолетия обрезавших «хвосты лошадей» в д. Мойсеевой, позволяет сделать еще один вывод. В картине мира крестьян середины XIX в. при вынесении сходом единогласного приговора непререкаема негативная оценка пьянства как «отягчающего вину» обстоятельства. К началу XX в. в самосознании молодежи обычна установка на оправдание поступка, совершенного «в пьяном виде и по глупости».

В самосознании приенисейских крестьян в представлениях о специфике коллективных форм социальной жизни вплоть до второй половины XIX в. выборная должность сохранялась как «присяжная должность» общества. Но в последней трети XIX в. в сознании крестьян Енисейской губернии появляются представления о непременной обязанности службы «обществу» в контексте «круговой поруки». При увольнении от должности «кандидата д. Ильинской Прокопия Васильева Потылицына» в 1868 г. по причине переезда в другое село «непременным» условием становится «замещение избранного на эту должность его брата, крестьянина Степана Васильева Потылицына».¹ Мы отметили появление в волостных документах новых формулировок, в характеристиках – новых стереотипов-

¹ ГАКК, ф. 344, оп. 1, д. 671, л. 34.

свойств должностных лиц. При избрании кандидатом (заместителем) старшины с. Дербинского Балахтинской волости Гаврила Ильина Колекова в 1876 г., в приговоре особо выделено, что в нем «есть качество обязательности».¹ В том же 1876 г. в одном из крестьянских общественных приговоров появляется дополнение: «За благонадежность ... при исполнении службы мы ручаемся, и в случае растраты им казенных сумм мы ручаемся... принимаем ответственность на себя».² Сообщинники в знак уважения и сохранения достоинства выбранного человека записали в приговоре «за благонадежность мы ручаемся...», но долю ответственности при этом приняли на себя. В том же 1876 г. в процессе согласования множества мнений (доверенного выбирали от трех селений Балахтинской волости. – Б.А.) при избрании «доверенного по общественной гоньбе» встал вопрос о «справедливости к крестьянам и честности за казенные деньги». То, что крестьяне долго спорили о выборе «благонадежного» человека, зафиксировано в приговоре: «...имели между прочими крестьянами долгое суждение об избрании... Игнатия Иванова Полежаева».³

В последней четверти XIX в. мы выявили снижение ценности общинного самоуправления в самосознании приенисейских крестьян. Источники

1 ГАКК, ф. 595, оп. 53, д. 530, л. 54.

2 ГАКК, ф. 344, оп. 1, д. 671, л. 3.

3 ГАКК, ф. 344, оп. 1, д. 761, л. 16.

зафиксировали и установки сознания на минимализацию обязанностей крестьян в «согласительном» типе отношений с «обществом». Волостные старшины и кандидаты начинают неоднократно обращаться с просьбами о различных послаблениях в несении общественных служб, «дабы укрепить **свое** хозяйство». Старшина Исай Григорьев Ермолаев так обосновал свою просьбу в 1876 году: «Дабы направить и не уронить хозяйство, я имею честь просить отпуск с августа по 15 октября».¹ Едва намечавшаяся угроза домохохозяйству заставляла крестьянина полностью отказываться от исполнения общественной должности. В 1879 г. «кандидат волостного старшины Ключинской деревни Балахтинской волости... по наставшему одиночеству и расстраивающему хозяйству, которое **может** прийти в совершенный упадок», был поддержан в просьбе односельчанами и переизбран. Новый кандидат избран с условием, что «может исполнять должность без утруждения своего хозяйства».² С идентичной формулировкой обратился к сходу кандидат сельского старшины Иннокентий Сешнев: «... просил нас избрать вместо его... по случаю болезни и взятия его брата в военную службу, дабы требует хозяйство его поддержки и не пришло в крайнее разорение».³

1 ГАКК, ф. 344, оп. 1, д. 671, л. 2-об.

2 ГАКК, ф. 344, оп. 1, д. 671, л. 4.

3 ГАКК, ф. 344, оп. 1, д. 671, л. 7.

Таким образом, в источниках последней четверти XIX в. зафиксировано превалирование индивидуально-семейных ценностей над общественными в картине мира приенисейских крестьян. Данное явление подтверждает общую тенденцию в ориентации крестьянского хозяйства на рынок под воздействием факторов индустриальной модернизации. Снижение ценности общественных служб в ментальных представлениях крестьян-старожилов подтверждается и новыми, менее серьезными требованиями к возрасту мужчин, избираемых на общественные должности. Если в начале XIX в. на ответственные службы на сходах избирались лица не моложе 40-45 лет, то теперь нередки 26-30-летние сельские старшины и кандидаты.¹ Впрочем, если вопрос вставал об обращении выборных лиц с крупными суммами «казенных» или «общественных» денег, то по-прежнему оговаривался возраст «усердного домохозяина и хлебопашца» 40-45 лет.²

Источники доказывают, что в последнее десятилетие XIX в. термин «общество» применяется все более по отношению к выборной администрации. Когда крестьянину И.Е.Е. из ангарской д. Заимской в результате неточного наделения землей «была нанесена обида», он подал иск в волостной суд на сельское общество (!), ввиду того, что его «обделили на 1/8 десятины». Сельское

общество (ответчик. – Б.А.) признало ошибку и просило суд вынести решение: «В будущем 1890 году выдать истцу земли в удвоенном количестве, то есть не 1/8, а 1/4 десятины» в знак «признания вины общества».¹ Аналогичное признание представлений о равенстве юридических прав находим во многих других судебных документах. В 1891 г. произошла потрава посевов крестьянина по вине «общества», т.к. последнее «не обеспечило сохранности поскотины вокруг деревни». Оно и возместило домохозяину нанесенный ущерб.² Эволюция оценки «общественных служб» от «присяжной» должности к «обязанности» завершается тем, что в 90-х гг. XIX в. начинает превалировать негативное отношение к ним как «виду повинности».³

Окончательно негативное восприятие общинных должностей закрепилось в сознании в годы Первой мировой войны, когда выборная администрация была прямо вовлечена государством в выполнение насильственных фискально-репрессивных мероприятий. Прекрасный знаток крестьянской жизни этого периода, один из лидеров сибирских эсеров Е. Колосов отмечал, что к 1917 г. в Енисейской губернии «выбирали на общинные должности» в отместку,

¹ ГАКК, ф. 793, оп. 1, д. 2, л. 30.

² ГАКК, ф. 793, оп. 1, д. 2, л. 49.

³ Миненко Н.А. Живая старина: Будни и праздники... С. 93. Материалы по исследованию землепользования... Т. IV. – В.5 – 6. – С. 300.

¹ ГАКК, ф. 595, оп. 46, д. 29, л. 119.

² ГАКК, ф. 344, оп. 1, д. 761, лл. 12, 16.

желая «насолить» кому следует, кто в неприязни у «общества».¹

Таким образом, с позиций установок этнических констант выборная общинная власть в сознании сибирских крестьян-старожилов вначале была неотъемлемой частью компонента «мы», затем переместилась в содержание компонента «условия...». Представления картины мира крестьян-старожилов о функциональном предназначении общины базировались на постулате «пользы» при взаимодействии с внешним миром. Осознавая общину как корпоративное объединение, картина мира крестьян-старожилов выделяла лиц на границе взаимодействия с внешними факторами, т.е. тех, кому делегировалось право представлять «общество». «Общество» на стадии оформления из большой патриархальной семьи («однопородной деревни») соответствовало компоненту «мы». Первоначально «присяжная» должность являлась важным «условием...» защиты корпоративных интересов всего «мира». Во второй половине XIX в. содержание компонента «мы» все более начинает включать в себя не столько общину, сколько семью и родственников. Следовательно, избрание на должность означало временный уход за пределы «своего» мира в состав власти. «Общество» начинает соотноситься с компонентом «условий...» обеспечения стабильности мира. В данной связи термин «общество»

¹ Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке. Воспоминания, материалы, документы. – Изд. Былое, 1923. – С. 26.

олицетворяет вначале сход, затем представителей волостной и сельской власти. В конце XIX в. в ментальных оценках старожилов волостные и сельские старшины эволюционируют в состав элементов государственной структуры управления. Мирские должности воспринимаются в картине мира не иначе как «повинности». На основе оценок Е. Колосова лица, избранные на выборные должности по признакам неприязни «у общества» в начале XX в., более соответствовали по своим качествам компоненту «они». Естественно, и функция «служения обществу» к концу XIX в. более замещается мотивацией личных и семейно-корпоративных установок, часто корыстных.

Бинарную психологическую ситуацию положения личности на границе «мы – они» можно проанализировать на примере традиционных представлений о взаимодействии крестьянского мира с писарем. В сибирских селениях писарь считался важной и примечательной фигурой. От деловых качеств и профессионализма писаря в экономических и социальных вопросах во многом зависело благополучие «общества». В отличие от выборных старшин, сотских и десятских, писарь находился на постоянной службе, «по найму», что являлось довольно выгодным источником доходов. В селениях Енисейской губернии годовое жалование писарю устанавливалось от 450 до 700 рублей. Он имел и дополнительные источники доходов. Так, за причисление к «об-

ществу» д. Иджа Шушенской волости Минусинского округа переселенец расходовал в 1880-е гг. до 50 рублей. Из них сельскому писарю за прошение он платил 3 рубля, волостному писарю – 4 рубля.¹ Но, понимая, что от писаря зависит необходимая отчетность и положение общины в «глазах начальства», во всех сельских и волостных правлениях писарю доплачивались за счет общинных сборов от 100 до 400 рублей. Доплата к жалованию писаря по решению крестьянского мира в Енисейской губернии называлось «подмогой». Уступки крестьян писарям стереотипно объяснялось следующими словами: «Жалование у писаря не есть весьма большое. На это жалование едва ли согласится служить добропорядочный и благонамеренный человек, а найдется такой, который мыслит иметь другой доход, кроме жалования, т.е. способен делами злоупотребить».²

В формулировках приговоров «общественных согласий» подчеркивается изначальное стремление найти достойного писаря для служения «миру»: «Мы между собой посоветовались и приговорили нанять и наняли на должность сельского писаря (выделено нами. – Б.А.)... Михаила Васильева Егорова, которого поведение нам **известно**».³ Заметим, здесь нет утверждения,

что он «поведения доброго», но для крестьян «известного». При найме писаря «обществу» важно было рассчитать как условия честного исполнения обязанностей, так и приемлемую «подмогу». Нейтрализация возможного зла со стороны сельского «чиновника», конечно, была условной. Находясь на границе взаимодействия общины и государства, неудобный писарь мог быть смещен как властями, так и по требованию «общества».¹

С «пограничных» позиций самосознания важное место в представлениях о «чести общества» занимали традиционные установки на избавление от «порочных» крестьян и поселенцев, позоривших крестьянский коллектив. Испытанным методом являлось изгнание их из селения по решению схода. Так, в 1887 г. старожилы д. Скрипочниково Ачинского округа был выселен «крестьянин из поселенческих детей Семен Данилов Ильин за казнокрадство и кражу имущества инородца Кукарцева, нашего сообщника» (выделено нами. – Б.А.). Приговор сельского схода гласил: «Мы, принимая во внимание, что [Ильин] поведения неодобрительного, занимающийся постоянно кражами, пьянством и вообще развратной жизнью...,

¹ Материалы по исследованию землепользования... Т. IV. – Вып. 5 – 6. – С. 193.

² Там же. С. 193.

³ ГАКК, ф. 344, оп. 1, д. 671, л. 15.

¹ Нами проанализирован ряд документов о снятии с должности сельских и волостных писарей в Енисейской губернии в течение XIX в. за «злоупотребления и растрату денег», «усталость общества от чрезмерных поборов писаря» или «за сокрытие от вышестоящих властей...», «упущения по рапорту крестьянского начальника...». См.: ГАКК, ф. 609, оп. 1, д. 1279; Там же: ф. 546, оп. 1, д. 9; Там же: ф. 344, оп. 1, дд. 557, 872; Там же: ф. 595, оп. 46, дд. 59, 124; ф. 244, оп. 1, д. 34, л. 2.

не может быть больше терпим в нашем обществе». Крестьяне подчеркивали, что «хотя мы и принимали меры к исправлению поведения, но все это осталось безуспешным...».¹ В данном случае, интересы «инородца», члена общины, оказались защищены, так как он был «свой» по нравственному поведению, в отличие от Ильина. Поэтому наряду с указанием происхождения данного крестьянина (из поселенческих детей) оговаривается мотивация дальнейшей его «нетерпимости в обществе».

С позиций негативной ментальной оценки поведения человека типичным является приговор сельского схода с. Емельяново Заледеевской волости о выселении поселенца Петра Кунгурова: «В деревне не имеет домообзаводства, определенных занятий, замечен неоднократно в худых поступках и за покушение на изнасилование». В декабре 1895 г. волостной сход утвердил решение сельского общества.² Здесь на первом месте стоит ментальная оценка неприятия не только поступков поселенца, но, более того, отсутствия «домообзаводства и определенных занятий». Это лишнее свидетельство нравственной оценки человека «обществом» по его отношению к труду.

При этом широкий круг архивных источников отражает выраженную тенденцию роста числа дел «о выселениях» в течение исследуемого периода. В архивных источниках первой половины XIX в.

мы находим единичные приговоры сельских и волостных сходов данной тематики, в основном касающиеся ссыльнопоселенцев.¹ Количество приговоров о выселении «крестьян и переселенцев порочного поведения» из старожильческих селений Енисейской губернии возросло в конце XIX в.²

Результаты наших полевых исследований коррелируют свидетельства современников и исследователей о том, что в конце XIX в. старожилы все более замыкаются в своих мирах. Мы доказали и факт углубления тенденции к заключению браков внутри нескольких старожильческих родов. Так, вплоть до 1920-х гг. в с. Балахтон Ачинского уезда старожилы Патрушевы, Вараксины, Мамаевы, Тяжелниковы, Марьины предпочитали «родниться между своими».

Наши информаторы показывали, что в селениях Имисское, Бугуртак, Жербатское Минусинского уезда в конце 80-х гг. XIX в. усилились противоречия между крупными родами крестьян-старожилов. В с. Имисском словесные перепалки на сходах между представителями семейных «кланов» иногда доходили до открытых столкновений. Несколько родов сохраняли нейтралитет, но большинство отдельных семейств вынуждены были

¹ Например: ГАКК, ф. 609, оп. 1, д. 1348. (1833 г. – «О поселенцах худого поведения»); Там же: ф. 608, оп. 1, д. 3984. (1842 г. – «О выселении порочных людей из поселенцев»); Там же.: ф. 344, оп. 1, д. 133. (1837 г. – «...о высылке порочных и взысканиях»).

² ГАКК, ф. 595, оп. 39, дд. 165, 169, 170, 177, 183, 620, 623, 625, 688 и др.

¹ ГАКК, ф. 595, оп. 46, д. 53, лл. 2, 3 и 3-об, 37.

² ГАКК, ф. 595, оп. 28, д. 53, лл. 1-17.

под давлением сторон определяться с выбором. Поэтому «раскол» проходил через все сельское «общество». Однако в земельных спорах с соседними можарскими крестьянами все старожилы выступали сообща.¹ Результаты исследований подтвердили и факт изменения отношения к выборным должностям. В том же с. Имисском Минусинского уезда вплоть до 1890-х гг. на ключевые должности избирались члены старожильческих «кланов» (Евдокимовы, Хохловы, Скурихины, Поповы). Позднее избираются переселенцы из бывших помещичьих крестьян (Евлюковы, Журавлевы и др.).

Таким образом, в течение первой половины XIX в. в представлениях картины мира продолжали сохраняться ментальные установки ценности «однопородной деревни», выросшей из большой патриархальной семьи. В правилах отношений между членами общины отражались выраженные оценки традиционного сознания о корпоративности и иерархичности общинников, прежде всего, «по-родству». Характер мотивированных ценностей картины мира крестьян-старожил выстраивал систему алгоритмов позитивного социального поведения в среде «своих». В картине мира приенисейских крестьян сохранялись со-

страдание и установки помощи по отношению к тем общинникам, кто нуждался в социальной поддержке. Выборная власть неосознанно воспринималась частью компонента «условий» благополучия «общества». Одновременно коллективная ментальность влияла на психику крестьян-переселенцев, социализируя в сообщество «своих».

Выше нами были рассмотрены аспекты эволюции представлений и установок традиций крестьянской семьи в последней четверти XIX в. Все вышеперечисленные тенденции характерны и для представлений и установок отношений между крестьянами в границах старожильческой общины. В ценностных воззрениях все более преобладают ценности семьи, отдельного домохозяина. Выборная власть в общине все более воспринимается как тягость, вид повинности. Если в начале XIX в. слово «общество» относится ко всему коллективному сообществу селения, то в последней четверти столетия – к выборной власти общины. Соответственно, снижается ценность самой службы в воззрениях крестьян.

Корпоративность в представлениях крестьян воспринималась, прежде всего, в качестве важного позитивного объединяющего стереотипа-свойства членов общины. В представлениях картины мира крестьян община выполняла важнейшую функцию корпоративного органа, защищая отдельные домохозяйства от посягательств

¹ Данные информаторов-старожил: Алешечкина Л.С., Евдокимова Н.И., Глушкова Д.П., Евлюковой (Скурихиной) С.С., Левахина С.М., Пружинина Ф.С. Пружининой А.И. (с. Имисское Курагинского р-на); Варакина Т.Е., Мамаева П.И., Варакиной Т.И., Аристова В.А. и др. (с. Балахтон Козульского р-на Красноярского края).

со стороны. Одновременно во второй половине XIX в. нарастает тенденция консолидации старожилов в целях борьбы с нарушителями традиций. Резкое увеличение количества выселенных за пределы общины косвенно свидетельствует об ослаблении воспитательных и социализирующих возможностей сообщества крестьян.

3.3. ДЕДЫ – ОТЦЫ – ДЕТИ

Известно, что процессы освоения сибирских земель и формирование постоянного населения неразрывно связаны с процессом формирования семейного уклада у новоселов Сибири. Русский человек (независимо от сословного положения) не мыслил себя вне семьи. «Семья в смысле слова есть община состоящая из родителей, живущих между собой в более продолжительных и исключительно супружеских отношениях и их детей».

Специфика первоначального этапа колонизации края не способствовала нормальной, обустроенной семейными отношениями жизни. Однако постепенно в течение двух-трех веков становление и развитие семейно-брачных отношений стали одними из социализирующих факторов сибирского старожильского мира. Людность крестьянского двора, а в нем число рабочих единиц мужского и женского пола увеличивалось с ростом его экономической состоятельности.

К началу XIX в. увеличивается как состав крестьянских семей Сибири, так и усложняется и структурно–поколенный состав семей. Проведенный Л.М. Сабуровой анализ посемейных списков Приангарья показал, что наибольшее количество семей состояло из двух поколений, немногим меньше из трёх поколений, реже – из четырёх поколений родственников по прямой линии, с отцом (дедом) или одним из женатых братьев во главе семьи. Структура малых семей была различна, однако степень зажиточности крестьянской семьи во многом зависела от наличия рабочих рук.

Крестьянская семья была основой благополучия хозяйства, но при этом главная задача основания семьи во все времена, это – рождение и воспитание потомства. Уровень рождаемости увеличивался, с одной стороны, вслед за наиболее урожайным годом, а с другой стороны – за годами сильных эпидемий (природа стремилась компенсировать людские потери). Рождаемость падала во время войн (в 1904-1905, 1915-1917 гг.) В системе ценностей наиболее желаемое количество детей колебалось от 3 до 5, и в первую очередь, сыновей: «Один сын – не сын, два сына – полсына, три сына – весь сын» – эта поговорка зафиксирована в изучаемую эпоху в разных местах Сибири.

Рождение ребёнка в крестьянской семье считалось важным не только семьи, но и для общины. Со времени рождения ребёнка в крестьянской семье он оказывался под опекой «мира»,

регулировавшего отношения между родителями и детьми. «Мир» следил за исполнением правил, согласно которому младшие члены семейства должны повиноваться воле старших, исполнять их желания и требования. Конфликтные ситуации, решались мирским сходом в пользу родителей.

Народная этика – требовала от родителей «содержать, воспитывать и довольствоваться» своих детей. Историки М.М. Громыко и В.А. Зверев отмечают, что до выделения из отцовской семьи в самостоятельное хозяйство сын должен был подчиняться родителям во всех делах – и хозяйственных, и личных, а дочь – до выхода замуж. Дети всегда имели право на материальную поддержку, со стороны родителей и нарушение данного обычая не одобрялось сельским «миром».

Особую роль выполняла община в отношении к детям – сиротам, она и определяла опекуна: «брала контроль за расхождением наследства, а если не доставалось сироте «имение» от родителей, то общине поручалось поместить «по состоянию для учения какого мастерства у добротных людей».

На усыновителей возлагались все обязанности, которые лежали на родных отце и матери. На воспитание могли отдать как одного, так и нескольких своих детей. Официальные власти не препятствовали передаче крестьянских детей на усыновление, но только в крестьянские семьи.

Безусловно, детей в крестьянских семьях любили. Ласкают своих детей: «сахариночка моя», «лоскуточек мой». Историки отмечают, что крестьяне одинаково относятся как к сыновьям, так и к дочерям, но более радуются рожденному сыну, как помощнику в работе, а исследовательница М.В. Красножёнова повествует, что на дочерей смотрели как на временного члена семьи. Конечно, надо добавить, мать ничего не имела против девочки, так как до выхода замуж дочь была ей помощницей «по домашности».

Непосредственное участие в становлении личности ребёнка, особенно на ранних этапах его жизни принимала мать. В тоже время необходимо отметить, что в ряде случаев «дитя» было предоставлено само себе. Так, крестьянка с. Минино в возрасте 75 лет вспоминала: «Вечером с пашни приеду, ребенок в люльке от реву разошелся, постилки все запачканы, мокры; во дворе коровы режут – доить надо; свиньям поило надо сделать да разлить, цыплят, кур накормить надо! Курам кину овса – ешьте! Подойник захвачу, да коровам – доить скорее! А ребенок ревет – реви! Некогда, а самой жалко подою коров – молоко скорее процежу, в яму суну, коровам поила налажу, коню тоже еды дашь и попоить надо; бегу в избу, а там дух – не приведи бог! Надо из под ребенка убрать, надо накормить и вымыть его. Самовар поставлю, пока кипит в люльке приберу, потом ребенка вымою, накормлю, он и

уснет. Опять самовар кипячу: других надо накормить да вымыть, оне уже бегут, узнали, что мать проехала. Всех ребят накормлю, умою; расползутся кто куда, заснут».

Н.А. Миненко пишет, что «многие крестьяне на период основной страды – с 1 августа до середины сентября – вообще переселялись в поле, а малолетних детей оставляли с «няньками» 10-12 лет или дряхлыми старухами. Девушка с 14 лет сбрасывала с себя всю «опеку родительской власти и сама уже распоряжалась своими поступками».

До сих пор существует легенда, что в Сибири действовал «естественный отбор», выживали самые сильные, потому-то народ был крепким и выносливым – это заблуждение. Детская смертность в России у крестьянского сословия – показатель тяжелейших условий жизни, отсутствие элементарной медицинской помощи. В 80 случаях из 100 причиной смерти детей значился «родимец», – не болезнь, «но будто в миг рождения дьявол успевал испортить младенческую душу, и когда ребенок в духоте без материнского молока и ухода кричал до икоты», говорили «родимец бьет», поэтому смертельный исход казался почти закономерным, «бог дал – бог взял».

Комплекс имеющихся в нашем распоряжении источников показывает, что воспитание новых поколений осознавалось как одна из важнейших своих обязанностей всем крестьянским сообществом.

Традиционное народное право вменяло родителям любовь, доброту к своим детям. Невозможность передачи детям полноценного хозяйства или неудача в деле воспитания детей воспринимались, поэтому как трагедия. «Живём не жители, а умрём не родители», – говорили в подобных случаях.

Руководящая роль отца в воспитании обуславливалась, прежде всего, высоким авторитетом умелого работника, заступника семьи перед посторонними, уважаемого члена сельского общества. У него обычно не было необходимости в наказании детей как воспитательном средстве – они были постоянно «на глазах» и любое указание выполнялось беспрекословно. В большинстве семей воспитание проходило в атмосфере заботливого, ласкового отношения к детям.

В сельской семье существовала своеобразная психологическая взаимодополняемость воздействия матери и отца на детей. Распределение ролей позволяло эффективно реализовать известную заповедь народной педагогики: «Где строгость, там и милость». Историк В.А. Зверев выделяет отличия в воспитательной роли родителей на разных возрастных этапах социализации детей. В грудном и младшем детском возрасте и сыновей, и дочерей «досматривала» в основном мать, а приучение к хозяйственным работам в школьной и подростковой «поре» было дифференцировано: сын находился под влиянием отца, дочь – при матери.

Ранняя смерть одного из родителей тяжело отзывалась на семействе, в частности, и потому, что уходил человек, призванный приобщить детей к жизненно важному для них делу, сформировать у них определённые качества характера. Стремясь вступить во второй брак, вдовцы зачастую резонно объясняли шаг нуждами детского воспитания.

«Малолетних детей крестьяне практически не били, даже в тех случаях, когда на них жаловались соседи, например, из-за того, что чей-то ребёнок залез в чужой огород. Причём сам хозяин огорода могсыпать воришке крапивой и рассказать родителям о проделках их ребёнка. Но мать могла его и не наказывать, тем более что он уже получил крапивой, но и ругаться с соседями из-за того, что они тронули её ребёнка, тоже не начинала. А всё потому, что к проказам относились терпимо».

По крестьянской этике, уважения были достойны не только родители, но и старшие вообще. Их с почтением приветствовали при встречах на улице, к ним обращались за советом, учитывали их мнение. Взаимодействие разных поколений несло в себе традиции, опыт необходимый подрастающему поколению. При разделах крестьянских семей родители обычно оставались «до смерти» с одним из сыновей. Существовало традиционное правило, по которому это был младший сын: считалось, что он больше других нуждается в наставлениях со стороны родителей, будучи ещё «не вполне развитым по домашнему хозяйству».

Религиозно–нравственная основа взаимоотношений поколений в семье особенно четко проявлялась в крестьянских представлениях о значении родительского благословения и родительского проклятия. Родительское благословение давалось перед свадьбой, перед отъездом в дальнюю дорогу, перед смертью отца или матери, перед совершением ответственного или опасного дела. «Сила родительской молитвы неотразима», «Молитва родителей и со дна моря поднимет», – подчёркивает М.М.Громыко.

Нравственные ценности – величайшее достояние каждого народа. Это же несомненно относится и к миру русских крестьян-старожилов Сибири. Крестьяне не писали специальных трактатов о нравственности, поэтому судить однозначно нельзя. Трудности в изучении этого вопроса обуславливаются своеобразным сочетанием в крестьянской культуре как региональных особенностей, так и общих для всей России.

Для крестьянского миропонимания было характерно стремление к стабильности и сохранению ценностей культуры традиционного общества. Картина мироздания, лежавшая в основе крестьянских воззрений на природу и общество, была окрашена ярко выраженной религиозностью. В силу особой роли языческих верований в сознании крестьян бытовали представления, свойственные «народному христианству».

Старожильческая Сибирь была значительно менее религиозна, отмечалось представителями различных групп местных и сторонних наблюдателей. Историк Зверев В.А. также отмечает, что в стремление сибирских крестьян воспитывать детей «в страхе Божиим», не было цели приобщить детей к наиболее глубоким и специфическим основам христианского православного вероучения и нравственности. Многие вполне признаваемые христианские нравственные ценности не осознавались как ценности абсолютные: «Поп свое, и чёрт – свое», «В мире жить – мирское творить».

Сельский священник из сибирского прихода писал: «В настоящее время в жизни крестьян и низших классов народа редко можно встретить что – либо нравственное и христиански-религиозное. Все это вытеснено на задний план и преобладающим явились одни суеверия, предрассудки и безнравственность и одна забота о теле». То, что для православного священника являлось «суевериями, предрассудками, безнравственностью» в конечном итоге в сибирской ментальности было проявлениями двоеверия, т.е. «народного христианства». «Двоеверие по сути, было признаком свободы, права выбора в осуществлении обрядовости и обращении к сверхъестественным силам. Нравственные начала как христианства, так и языческих поверий, победы сил Добра над силами Зла, помогали сохранению оптимизма. Двоеверие было не просто религиозным мировоззрением,

а нравственно–этическим базисом совестливости, основой бытия сибирского старожила».

В традиционном «круте жизни в народном христианстве» важнейшим звеном семейно-бытового цикла у крестьян Сибири была родильно–крестильная обрядность. Приметы и магические обрядовые действия направлены на сохранение жизни матери и её будущего ребёнка, так как считалось, что им грозила большая опасность со стороны «сил Зла». От беременной женщины требовалось, чтобы она жила повышенной, против обычного уровня, нравственной жизнью, каждый шаг делала осторожно: избегала неприятных встреч, бережно относилась к домашним животным. Так в селениях юга Сибири, были распространены рассказы о «вещицах» (ведьмах), которые летали «под видом бесхвостой сороки» по ночам, могли спуститься в печную трубу и похитить плод из материнской «утробы». Говоря об охранительной магии, можно отметить, что сибирские крестьяне верили в способность собаки отгонять от человека нечистую силу. Одновременно, для сохранения защитных магических способностей собаки беременной женщине нельзя было через нее перешагивать, пинать её ногой – «у ребёнка... будет болеть спина и гнуться назад».

Повитуха принимая роды, одновременно проделывала серию процедур, носивших как магическое, так и здоровье сохраняющее значение. Ее приглашали за месяц или два перед родами к будущей

роженнице для того, чтобы «правила» живот. Родившемуся ребёнку она «вправляла грыжу», врождённые вывихи, «правила головку», с первых дней закаливала здоровье.

При рождении ребенка у сибиряков было принято вести мать и дитя в баню. Подобное требование объяснялось как заботой о физической чистоте, так и верой в «очистительную силу» воды, в то, что мать с младенцем после родов находилась во власти «нечистых духов». Миненко Н.А. выяснила, что «ребёнка «мыли» и «правили» не менее чем в «трёх банях».

Когда ребёнка впервые укладывали в колыбель, совершался ряд магических действий, которые должны были повлиять на формирование в будущем у него определённых черт и свойств. Мальчику под перинку клали лучок со стрелкой и кусок хлеба (чтобы был хорошим промысловиком и земледельцем), а девочке – пряслице с веретеном (чтобы была работящей домохозяйкой). В колыбельку так же прятали камешек – в надежде, что ребёнок будет «крепок как камень».

Обычно, далее шёл обряд церковного крещения. В результате многочисленных бесед с информаторами-старожилами, мы выяснили, что в селениях Минусинского уезда в XIX в. к крещению приступали тогда, когда вполне убеждались в жизнеспособности «дитяти». «Бог дал, Бог взял», – говорили наши информаторы, а «умрет дитя некрещеным, так как ангелок, сразу в Рай и попадет».

Поэтому нередким было, что между рождением и крещением могло проходить как десяток дней, так и до полугода и более.

Обряд крещения ребенка проходил только при восприемниках, «крестных родителей». Крёстный отец новорождённого, кум, чаще всего оплачивал и расходы на крещение. Он же приготавливал для «возложения на младенца» медный крест. Кума, крёстная мать, покупала 2 – 3 аршина холста или рубашку для ребёнка. Миненко Н.А. пишет, «крестной матерью обычно становилась крестьянская «девка» из своей деревни...». Наши исследования свидетельствуют, что в качестве «крестных родителей» часто подбирали подростков 12-14 лет. После церковного крещения следовали крестины – обряд принятия новорождённого из рук «родителей от Бога» (т.е. крестных) в семью «биологических» родителей. Из церкви кумовья уносили ребёнка в родительский дом, и родители «приемлют их с радостью и благодарят за не оставление в таковом высоком деле и услуге и потом сажают их за стол в передний угол и угощают пищею».

«При выборе имени, – пишет Н.А. Миненко, – стараются давать имена отца или деда, – мальчикам, чтобы ребёнок, когда вырастет, мог помнить свой род и чтобы в один день быть именинником отцу и сыну. Вообще более норовят давать имена своих родственников, чтобы эти имена переходили из рода в род и не забывались в нисходящем потомстве».

С первых минут жизни, с момента рождения считалось обязательным дать нравственное напутствие. «Не будь крикливым, не будь ревливым, будь уёмным, будь утомонным, не будь жадным, будь аушным», – приговаривала бабка – повитуха над ребёнком. Цели нравственного воспитания зачастую облекались в религиозную форму; на формирование молодого поколения, – по мнению историка Зверева В.А., влияние оказывали «Божьи заповеди».

В период самого раннего детства у сибирских крестьян не было принято выделять ребенка по половому признаку мальчика или девочки, – все они были «дитя» или «дитё». Самый ранний этап воспитания «дитя» (до 2-3 лет) крестьяне обозначали терминами «пестование», «водня». Осуществлялся небогатый набор необходимых операций: кормление ребенка грудью или из рожка, мытье, пеленание, лечение, укачивание до года в колыбели, а потом в подвешенной к потолку зыбке.

Из поколения в поколение передавалась и шлифовалась поэзия пестования (колыбельные песни, пестушки, потешки, прибаутки и докучные сказки) – эффективное средство первоначального умственного, эстетико-эмоционального и волевого развития ребёнка. Современники отмечали огромное влияние устной литературы на детей: раньше всего – колыбельные песни, затем по мере подрастания ребёнка потешки «приговорки», забавы, небылицы, сказочки, загадки.

В возрасте полгода колыбельную песню переменяют с потешками, причём целью этого является возбуждение или поддержание у ребёнка радостных эмоций. Потешки можно делить на потешки–приговорки и потешки–песенки. Первые применяются, когда ребенок в колыбели («зыбке»), про-снувшись, потягивается. Из исследования М.В. Красножёновой мы можем сделать вывод, что основной запас народного творчества дети получали от окружающей их среды в лице матерей, бабушек и нянек. В отличие от других этнографов она разграничивала понятие «забава», на зрительные, осязательные и физкультурные (потягушки, поскакушки, дыбки).

Итак, потягушки это и древний массаж, – когда ребёнка распеленают и положат отдохнуть от пелёнок на подушку или кровать, то бабушка или мать поглаживают его расправляя, по животу, по ручкам, по ножкам, и полупоют или полуговорят:

*Потягушечки, порастушечки
Потягушечки – порастушечки
Ноженьки – побегушечки.
Поперек порастунюшки.
Рученьки – работушечки.
Ручки – хватунюшки.
Глазаньки – поглядушечки.
Ножки – бегунюшки.*

Соответственно тексту поглаживают нужную часть тела. Иногда же поют из песни подходящий текст, например:

*Ваньчик мой, да кудрявчик мой.
Кудреватая головушка твоя
Золоты у Вани кудерцы.
Золоты кудри серебряные.*

Ребенок лежит в спокойном состоянии «гулит». Посакашки – когда ребенок бодрствует, то сажают его на ладонь одной руки, другой рукой поддерживая за грудку, подбрасывают слегка вверх и полуприпевают:

*Скок поскок на чужой мосток
Свой намошу – никого не пушу.*

В целях же успокоения ребёнка, выведенного из благодушного настроения ушибом или другим незначительным обстоятельством крестьяне, использовали заговоры–шутки:

*У сороки боли,
у вороны боли
у Фенички заживи.*

Дыбки: когда ребенок только ещё ползает, но не стоит, то старшие ставят его на ножки и пригова-

ривают: «Дыбки, дыбки». Это допускается с ребенком, которому около году.

Обучение, – и показом и сказом, – начинается раньше, чем принято думать. Уже в то время, когда ребёнок начнёт совершать самостоятельные выходы в окрестности своей избы, ему даются первые уроки счета. На коленях у матери или старушки – няньки «учат считать» по пальцам. «Берёт скажем левую руку ребёнка и говорит (сначала медленно):

этот (берёт мизинец)
палец (безымянный)
с этим (опять мизинец)
пальцем (опять безымянный) вдруг быстро и громче:
два пальца! (зажимает вместе мизинец и безымянный).

Немного позднее применяются иные способы обучения счёту.

В раннем возрасте осуществляется звукоподражание знакомых детям животных. По поводу ли шума в курятнике или по подходящему случаю ребёнку рассказывают, например:

– *Слышишь, курицы осердились на хозяина? Верно, худо кормит. Осердились и кричат (слышишь?): «хозяина запродавать!» Утка говорит: «та–ак», «та–ак»... Индюшка тихонечко: «как ха–ти–*

ти»... А гусь: «по-огадя малень-ка!». Ишь, ему жалко хозяина продавать.

Важнейшим средством воспитания «дитя» на втором этапе (в возрасте с 3 до 6-7 лет) являлись детские игры. При этом старшие обеспечивали детей небольшой частью игрушек и инвентаря для игр, предоставляя им возможность находить и изготавливать самим.

«В качестве игрушек часто использовались просто разнообразные предметы, подобранные в лесу, на поле, во дворе и доме: палочки, камышовые шишки, сушёная трава, камушки, пёрышки, разноцветные стёклышки и др. Кукольные изображения людей и животных делали обычно неразъёмными из натуральных природных материалов – глины, дерева, бересты, шерсти, шили из тряпочек, очень схематично намечая лишь некоторые черты реального облика. Такие куклы ощущались детьми как ласковые, теплые». При изготовлении игрушек специально для детских игр раскраску и орнамент старались делать с учетом характера как локальных особенностей, так и общерусского декоративно-прикладного искусства.

Невозможно переоценить значение русской народной игры, способствующей умственному, физическому, а также нравственному воспитанию детей, формированию у них таких качеств характера как трудолюбие, справедливость, взаимовыручка. В своих играх в пахоту и в жатву, сенокос, охоту, обозы, торговлю, в свадьбу, «в клетки», дети ими-

тировали деревенскую жизнь. Дети многократно «примеривали» на себя, «разыгрывали» будущие семейные и общественные роли, совершенствовались в этикете, приобретали навыки общения, глубже вникали в особенности обрядов.

Воспитание и самовоспитание детей шло в процессе совместного времяпрепровождения, в процессе детских традиций, обыгрывания многих сторон «взрослой» жизни. Здесь были свои запреты, ограничения. Чтобы не прослыть «неумехой», «бессовестной», «непутёвым», «ябедой» или «хлюздой» и не быть изгнанным из игр, дети должны были следовать высоким этико-нравственным нормам.

«Зимние» игры и забавы отличались от летних. Играли в снежки или просто толкали друг друга в снег. Девочки проводили больше времени дома, играли в куклы, в камешки. Ребята делали бала-лайки из доски, натягивая, на неё нитки и играли для желающих плясать, – писал Г.А. Виноградов.

Крестьянские «воспитатели» прекрасно понимали, что нравственные качества – это основа сибирского труженика. В связи с этим, на первых порах особое место занимали «понятия» что значит «плохо», а что «хорошо».

Поговорка – афоризм «Воровать – стыд и грех, и судить будут» на первое место ставит не юридические запреты, а нравственные «стыд и грех». «Бери лошадь от породы, а невесту от дома, от роду» – внушалось мальчику с детства. И ещё: «Гульба да игра не ведут до добра», а если «не послушался

отца-матери, послушайся теперь барабанной шкуры; не хотел шить золотом, теперь бей камни молотком». Иными словами, непослушание ведёт к преступлению и каторге. Целый комплекс пословиц и поговорок имели своей целью осуждение пьянства. «Пить до дна - не видать добра» – говорили. Детям постоянно внушали: «Не вздумай вино пить и табачище курить».

Возраст с 7-8 лет и до 11-12 лет был школой крестьянского труда в половозрастном разделении воспитания мальчиков и девочек. Вся система воспитания в этом возрасте строилась на включенности мальчиков и девочек в труд, при этом не в «игру в труд», а реальную трудовую деятельность. Так, нельзя было не познать сроков и приёмов ухода за различными культурами и породами скота, не научиться учитывать многочисленные оттенки почв, климатических условий. В практических условиях усваивались все профессиональные нюансы, связанные с «мужскими и женскими занятиями и ремеслами», так и непременно сопровождавшие их заговоры, поверья и приметы. В крестьянском социуме основами большинства знаний и умений самостоятельной жизни крестьянские дети овладевали к моменту вступления в старший подростковый возраст.

В Сибирской деревне трудовое воспитание органично входило в бытовую жизнь и хозяйственную деятельность семьи. Главной целью воспитания детей была подготовка их на основе накопленно-

го предшествующими поколениями социально-исторического опыта к жизни, к труду. Прежде всего, детям прививалась серьёзность, чувство ответственности.

Вопросам трудового воспитания детей в семье крестьянина уделяли внимание историки Н.А. Миненко, М.М. Громыко, которые подчёркивают, что трудовое воспитание – это основа народной педагогики и его осуществление лежит на плечах родителей. С одной стороны семья создаёт условия, что бы ребёнок трудился с интересом, любовью, – она готовила детей для хозяйственных нужд семьи, но с другой стороны именно в труде она воспитывала нравственные качества: любовь и уважение к трудовому человеку, нетерпимость к проявлениям тунеядства, лени, попыткам увильнуть от труда. Чтобы прокормить самих себя, обеспечить сносной одеждой, инвентарем, предметами быта приходилось трудиться всем от мала до велика, и работа находилась для каждого своя. «Все дети большой неразделенной семьи воспитывались вместе, старшие одновременно участвовали в воспитании младших».

Приучение детей к сельскохозяйственным и «домашним» работам начиналось очень рано. Малые «дитя» были на так называемых побегушках: принеси то, достань это, сходи к соседям. Вид работы во многом зависел от сезона. Так весной традиционно дети кормили подрастающих цыплят и караулили их от ястребов. Ставка делалась не собствен-

но на труд, а на привитие у них основ трудолюбия, и если изначально «дитяти» только наблюдали, в чём-то подражали действиям родителей, то затем главный упор делался на целенаправленное, осознанное обучение труду.

По достижению 6-7 лет происходило жёсткое половое разделение. Трудовое воспитание мальчиков находилось на обязанности отца, старших братьев или других взрослых мужчин. С 9 лет мальчики стерегли лошадей, пригоняли с речки гусей, загоняли во двор возвращавшийся с пастбища скот. Им поручались и более серьезные работы на подворье. Они начинали принимать деятельное участие в работах отца. Огромное значение в этом возрасте играло знакомство с лесом, тайгой: дети собирали ягоды, грибы, учились распознавать травы, ловить рыбу. А с 11 лет мальчики умели ездить верхом на лошади, работали на бороньбе во время сева.

Мальчики перенимали плотничьи, сапожные, земледельческие навыки. «Свой бороноволок дороже чужого работника», – с гордостью говорили родители о сыне, и ребенок чувствовал свою значимость для семьи. По достижению, 14 лет подростка учили пахать, брали на сенокос подгребать сено, поручали водить лошадей в луга.

В тоже время необходимо отметить, что в Сибири по замечанию историка Н.А. Миненко были случаи, когда мальчики с уже 5-6 лет учились ездить верхом и гоняли скот на водопой.

В 7-8 лет они уже участвовали в обработке пашни. Миненко Н.А. отмечает: «Нарымские ребяташки с 8 лет привлекались к работе по унавоживанию земли. С 9 лет на них ложились самые разнообразные заботы: гонять скот на водопой, давать ему сено, возить навоз, боронить, участвовать в уборке хлебов, весной и летом снабжать необходимыми припасами старших мужчин – промысловиков, находившихся в лесу или на дальних речках и озерах. С 14 лет крестьянин владел косой, серпом, молотилом, топором и принимался за соху. С 15 лет он уже становился правой рукой отца и заменял его «в отлучках и болезнях».

Юноша 17 лет выполнял все виды сельских работ: косил сено, ставил копны, пахал на пашне, полностью управлялся с конём, с упряжью. Он получал свой земельный надел – 15 десятин и совместно с родственниками разрабатывал пашню. Более того, ему давалось право участвовать в сходах. 18-19 лет юноша осуществлял и тяжёлые работы. В этом возрасте он являлся полноценным работником в хозяйстве.

Рано начинали приучать мальчиков и к промысловым занятиям. Как правило вовлечение детей в промыслы осуществлялось через игры, «переходящих в полу игру», полу занятие; следующим этапом было подключение к настоящему промыслу на определенном, наиболее легком участке под руководством взрослого; заканчивалось самосто-

тельной деятельностью. Так кустарное охотничье хозяйство составляют или отец с сыновьями, или родные братья; нередко в нём принимают участие подростки мужского пола от 14 лет, даже дети с 7-8 лет.

На Алтае 10-летние мальчики занимались «...лученьем рыбы. Осенью они собирались в артели и отправлялись на ближайшие к селу горные реки. Здесь делились попарно: один шёл берегом, неся торбу для рыбы и связку лучин, а другой – с острогой и пучком зажженных лучин – шел впереди первого, освещая дно речки, и бил острогой рыбу. С 10-12 лет подростки привлекались взрослыми к настоящим промысловым работам».

Подростки 16 лет имели уже некоторый навык в стрельбе, нередко сопровождали своих отцов, собственно промысловая «карьер» начиналась уже после женитьбы.

В программу воспитания «сызмалетства» внедрялось представление, что назначение женщины быть послушной работницей сначала «гостьей» в семье, доме и хозяйстве родителей, затем в «своей мужней семье» и «своем доме». «Трудница» (работающая) было высшей похвалой для девушки.

У девочки на первом месте стояло обучение домашнему мастерству. К веретену старались приучить рано, с 5-7 лет. «Первые, маленькие прялочки дочерям делали отцы или деды». Главным было внушить девочке, что рубаха на ней соткана из пряжи её выработки. На одиннадцатом году

учили прясть на самопрялке; на тринадцатом – вышивать; шить рубахи и вымачивать холсты – на четырнадцатом; ткать на стане-кроснах – на пятнадцатом или шестнадцатом; устанавливать самой ткацкий стан – на семнадцатом году.

Одновременно с 8 лет девочка-крестьянка занималась домашней уборкой, носила дрова, а по достижению 10 лет она бралась за иголку, серп, во время страды водилась с меньшими детьми.

Этнограф В.М. Красножёнова отмечала, что сезонность труда определяла вид занятий в течении всего годового цикла сельскохозяйственных работ:

Весной «девочка помогала садить в огородах: лунки делала, садила огурцы, овощи, поливала, боронила в огороде, гряды делала, капусту садила, поливала капусту, свеклу садила, горох, брюкву, луковицы, чеснок, табак садила, поливала, полола на пашне. Боронила, когда хлеб сеяли и пары боронила, борозды проскребала...».

«Летом девочки много работают, у них много работы и заботы: первым делом, когда встают – идут давать курам, гусям и индюшкам, уткам корму. Когда родители поедят, девочки убирают со стола, принесут с речки воды, моют в избах, поливают в огородах, ставят самовар.... Во время страды работы прибавляется: хлеб полют, картофель полют».

Осенью, «когда главная забота – убрать хлеб, выкопать картофель, снять в огородах овощи, на ребят выпадает большая доля труда: снима-

ют капусту, вытаскивают морковь, свеклу, брюкву и другие овощи. Всё это потом уносится во двор для спуска в «яму» (погреб), в которой у сибирских крестьян хранятся овощи всю зиму. Потом копают на пашне картофель и увозят домой. Носят воду для дома и на поило скоту, делают все домашние работы».

«Зимой некоторые дети учатся, но все они же помогают дома. Придут домой, поедят, уберут со стола, начинают учить заданные уроки. Когда начинает наступать вечер, девочки идут таскать дрова. Маленькие девочки подтопляют печь (железную), метут избу, ставят самовар, щипают лучину.

К 12-13 годам девушка должна была выполнять все посильные работы по дому и на подворье: доила коров, ухаживала за скотом. С 14-15 лет участвовала с матерью и старшими сёстрами в прополке, учили жать серпом и вязать снопы. При этом полноценной работницей девушка становилась по мере физиологического и духовного взросления. Примечательно, что варить и печь в своём доме девушек старались не учить: она не должна нести традиции родительского дома в свой дом, в «мужний свой». Должна была постигать традиции от свекрови.

Особенно коротка была пора беззаботного детства у крестьянских детей бедняков, где в силу нужды рано приходится возлагать на ребят целый ряд обязанностей и работ. «В бедных семьях 5-6 летние ребята уже «няньки», они должны заботить-

ся о маленьких братьях и сёстрах, забавлять их, кормить и охранять от разных опасностей. Но это, конечно, как правило – «нянька» 7-8 лет повсюду и при всяких материальных условиях. Если в семье нет маленьких детей, а есть нужда, то такие семьи отдают 7-8 летних девочек в няньки в чужие семьи, чтобы зарабатывали «на себя».

Трудовое воспитание – основа народной педагогики, которое являлось важнейшей обязанностью родителей. Раннее приучение к труду было связано не только с потребностью крестьянских хозяйств в дополнительных рабочих руках, но и с соображениями чисто воспитательного нравственного порядка. Н.А. Миненко отмечает, «опыт подсказывал крестьянам, что если ребенок «с малолетства не входил в сельские занятия, то в дальнейшем он не имел усердствующей способности».

Собственно воспитание никогда не сводилось к простому подражанию старшим, родители специально занимались приучением их к той или иной деятельности. В процессе труда воспитывали у детей важнейшие нравственные качества: любовь и уважение к трудовому человеку, нетерпимость к проявлению тунеядства.

Формирование личности в крестьянской семье и общине в целом, имея в основе трудовое начало, включало и ряд других немаловажных факторов и инструментов народной педагогики. У детей 12-14 лет социализация в общественную жизнь

и освоение коммуникативных навыков происходило не столько дома, сколько в обществе сверстников.

Иной характер приобретала и игра в кругу сверстников. Значение игры суживалось, и в них дети отражали социальные отношения, общественную психологию и идеологию. Наряду с иной функцией игры наиболее значимым в становлении личности подростка становились фольклорно-музыкальные традиции. Они входили в будни каждого подросткового сообщества (на Ангаре малые коллективы подростков назывались «рошша»). Здесь все были исполнителями, не было пассивных потребителей культуры. Нельзя было не знать песни и фигуры хоровода, причитания, колядки, не учитывать их сезонно-обрядовые, игровые и этические особенности.

В подростковом возрасте дети активно включались в круг праздничных «действ» народного календаря. М.М. Громыко в своих работах показала, что календарные обычаи и обряды играли в жизни крестьян «важную регулирующую... роль, являлись также настоящей школой народного эстетического воспитания и приобщения к разным видам народного творчества: музыкальному, устному, хореографическому, театральному и даже изобразительному». Праздничные обычаи и обряды отвечали интересам к общности сверстников в рамках семьи, деревенского мира, волости.

Рассмотрим некоторые специфические формы досуга в нравственно-этическом воспитании подрастающего поколения на материалах наших многолетних полевых исследований в селениях современного Козульского и Курагинского районов Красноярского края.

«Посиделки» устраивались для подростков. Участвовать в них разрешалось с 13-летнего возраста. Девичьи посиделки с рукоделием проводились в будние дни с разрешения родителей поочерёдно у каждой из девушек и только изредка для этого арендовали избу.

«Вечёрки» были формой организации досуга для молодежи с 16-17 лет. Девушки собирались на «вечерку» в доме одной из участниц или специально нанятом или откупленном у какой-либо старушки за плату либо на условиях помощи хозяйке дома. Сибирские вечерки, в отличие от общероссийских, проходили и в праздничные дни, и даже в дни постов. «Девичьи» на них приходили «с работой», чаще всего с пряслицей или шитьём, показывая своё мастерство, а юноши поддерживали веселье, заводили игры, песни.

«Праздники». Огромное место в жизни «молодняка» занимали праздники. На основе обобщения этнографического материала, мы установили, что в народном сибирском календаре можно насчитать до 130-140 дней отдыха – «гулевых дней», что составляло более трети календарного года. Из них

праздничным был 41 день, воскресными днями без праздников – 45 дней, а далее шли иные годовые, местные праздники, полу праздники. Общественные, возрастные и праздники по половому и «профессиональному» признакам. Еще раз необходимо вспомнить, что праздники были буквально «пропитаны» фольклорно-обрядовыми действиями народного христианства.

Разумеется, наиболее почитаемыми праздниками являлись Рождество, Пасха, масленица. Любое увеселение сопровождалось хороводами, песнями. В одной даже местности характер участия в хороводе в зависимости от возраста был различным.

Важная роль крестьянских праздников несомненна. Они способствовали восстановлению физических сил, как консолидации родственных общностей, так и созданию новых семейных ячеек. Они были «одной из форм реализации функции общины как носительницы общественного мнения, хранительницы культурных и трудовых традиций». Праздники помогали формированию коммуникативных навыков, освоению молодежью этических норм общежития и «публичных» стереотипов поведения в крестьянской общине.

Несомненно, что уже в первой половине XIX века важным фактором становления подрастающего поколения сибирской деревни становится образование. И здесь проявились те же тенденции и противоречия: с одной стороны объективное понимание крестьянского мира в необходимости

«учености», с другой – стремление сохранить традиционные основы народной педагогики на основе крестьянского труда.

Первоначально повсеместным, пишет В.А. Зверев, «было настороженное отношение части сельских жителей к перспективе распространения гражданской грамоты в деревнях: «Наши отцы неучёны были – лучше нас жили», «Не надо нам этого, жили мы и без школы, да целы были». Это отражалось на общем состоянии образованности крестьянской молодежи. Особо сурово крестьянская среда подходила к воспитанию девочки, традиционно она оставалась или вовсе без обучения грамоте, или обучали её на дому вместе с рукоделием, или в лучшем случае училась у частных учителей. Традиционное крестьянское сознание, гласило: «Для чего девушкам учиться? Парень хоть на службу пойдёт, а девушкам только письма женихам писать»; «Прижмись к прялке и сиди, прясть можно и неграмотной, Федя еще распишется где, а тебе не нужно...».

Зажиточные крестьянские семьи чаще привлекали «грамотеев» из ссыльных, сильно нуждавшихся в заработке и соглашавшихся на небольшую плату: польские повстанцы, каракозовцы, народо-вольцы, а впоследствии марксисты. Домашний учитель занимался с ребятами от утра до вечера, при этом не мешая их домашним работам, а иногда и сам помогая в этом.

Важную роль для Енисейской губернии в период Енисейской и Туруханской ссылки сыграли де-

кабристы. Особы выделялись школы, организованные Ф.П. Шаховским, А.Я. Якубовичем, Тютчевым, братьями Беляевыми. Однако, нередкими были в Енисейской губернии чиновничьи, церковные запреты и преграды с целью прекращения «приглашения преступников в свои дома для обучения детей, имевших смелость обучать детей прихожан».

С организацией согласно Указам 1839 и 1884 гг. церковно-приходских школ, обучение в них было краткосрочным, не более 5 или 10 учебных месяцев. Число училищ в Енисейской губернии было ограничено. В них могло обучаться не более четвертой части крестьянской молодежи, остальные три части обязаны своей грамотностью домашнему обучению. И даже в условиях школьного обучения требования были невелики: умение научить читать и подписывать своё имя. Так по сведениям «Ачинского Уездного по воинской повинности Присутствия за 1900 год», имеющаяся в наличии грамотность но-вобранцев была только в умении читать и писать или только читать.

Переориентация значительной части населения с домашней школы, на официальную, потенциально способную дать лучшее образование, происходит только с начала XX в. Мы отмечаем, что ярко выражено было стремление к школьному образованию в среде новых переселенцев. Типичным свидетельством служит Приговор сельского схода Зимниковского общества Абанской воло-

сти Канского уезда от «1912 года ноября 18 дня об условиях и возможности открытия начального училища в нашем селении. Обсудив указанный вопрос всесторонне и признавая, что для нас, переселенцев, крайне необходимо учреждение училища для обучения и воспитания наших детей, а потому единогласно постановили ... ходатайствовать об открытии, в нашем селении училища министерства народного просвещения... в будущем 1913 году».

Подсчёты все же показывают, что количество учебных заведений росло, а вместе с тем и количество учащихся. В школах расположенных в сельской местности преобладали крестьянские дети.

Были в Енисейской губернии школы, в которых обучали ремёслам, столярному, кузнечному, слесарному делу. Обучение навыкам ручного труда в общеобразовательных школах началось с середины 1870-х гг. с выпуска положения о начальных училищах. Право выбора ремёсел или мастерства при обучении детей предоставляется местному сельскому обществу по соглашению с инспектором. В Положении крайне интересно следующее условие: «...было бы весьма желательно, чтобы каждая сельская школа имела при себе сад и даже огород, где учитель мог бы обучать детей как садить деревья, кустарники, растить овощи...» В программу примерных работ по дереву входило изготовление – зубцов для грабель,

рамки для улья. К концу XIX века в школьных классах «появляется достаточно таблиц по ботанике, зоологии, геологии, коллекции по обработке льна, бумаги, конопли, шёлка, стекла, дерева. Имеются географические карты 2–3 наименований, классные счёты».

Только теоретически можно было, перейти из начальной школы низшего типа в «высшую» начальную школу и успешно закончив её, а потом ещё дополнительно позанимавшись с учителем, поступить в специальное учебное заведение: учительскую или духовную семинарию, фельдшерскую или фельдшерско-акушерскую, ветеринарную школу, училище сельскохозяйственного или промышленного профиля. На практике такую судьбу для своих детей крестьяне избирали очень редко: не было денег на длительное обучение детей, слабое развитие сети начальных училищ высшего типа в селениях, но, главное, стремление крестьян не допустить ухода детей из деревни.

Рубеж XIX – начала XX вв. имел прогрессивное значение для детей крестьян. В формировании личности человека новой эпохи определяющим становилось образование. Знания несли в себе основы меняющихся нравственных ценностей, становились показателем гражданственности. Позитивное отношение к обучению детей, его экономическое и социальное значение служило важнейшим условием стимуляции образо-

вания в Енисейской губернии, а затем и в Красноярском крае. Следует заметить, что образовательные процессы, происходящие в деревне несли в себе изменения в менталитете крестьянина, в образе крестьянской жизни, в конечном итоге в комплексе составляющих черт сибирского характера.

Таким образом, процессы социализации молодежи были неразрывно связаны с формированием принятых в «обществе» традиций и неписаных правил. Одновременно с детства происходило формирование лучших черт и качеств сибирского характера. Воспитание было и средством сохранения традиций, и средством воспроизводства их в последующих поколениях внуков-правнуков. Человек продолжал воспитываться всю свою жизнь и в преклонные годы обретал истинную мудрость: понятия «старость» и «мудрость» у сибиряков были синонимами.

Ермолаев А.А.
П.Т. Воронов в костюме приискателя. 1911 г.

Ермолаев В.П. Захар Прокопьевич Мухин,
крестьянин д. Означенной. 1913 г.

*Ермолаев А.А. Крестьяне в деревне Яркино
Пинчугской волости Енисейского уезда. 1911 г.*

*Ермолаев А.П. Пожилые женщины в праздничной
одежде в деревне Яркино на реке Чадобец*

Ермолаев А.П. Группа крестьян в деревне Выдриной на реке Чуне. 1911 г.

*Новобазарная площадь (Красноярск)
25 июля 1907 года. Фото ККМ*

ГЛАВА 4

С БОГОМ В ДУШЕ И СИБИРСКИМ ХАРАКТЕРОМ

4.1. МЫ - ПРАВОСЛАВНЫЕ

Основными условиями формирования нового материального мира на осваиваемой территории были традиционные занятия русского народа, уклад жизни, семейно-родственные отношения, общинная организация жизни и, конечно, православная вера. Именно православие издревле способствовало формированию единого независимого государства, было фактором единения, противостояния многочисленным врагам и укрепляло личное мужество, стойкость, предприимчивость и трудолюбие в русском человеке.

Для сибиряка вдали от Родины предков многие десятилетия и века именно православие являлось символом российской государственности, национальной идеи, закладывало с детства такие черты, как духовность, сострадание, терпение, нравственные заповеди. Все это помогало выстоять в борьбе с трудностями. Вера была олицетворением нравственного идеала старожил. «Нехристь», — говорили о человеке нравственно ущербном, совершающем дурные поступки. «Вот это по-божески», — оценивали в «обществе» благородный поступок.

Несмотря на то что старожильческая Сибирь была менее религиозна, особенно в выполнении повседневной обрядности, менее усердна в посещении церкви, все же каждый человек был в душе верующим. Практичность, реалистичность и опора

на свои силы придавали человеку уверенность в жизни, но непредсказуемость природных явлений, болезни и несчастные случаи говорили ему, что «все мы ходим под Богом». Вера помогла воспитанию мудрого отношения к вопросам жизни и смерти, освящала нравственные традиции предков. Жизнь человека была связана с календарем праздников, обрядов, постов и мясоедов.

Освоение сибирского края и возникновение населенных пунктов потребовало строительства храмов и организационного оформления православия в Сибири. Созданная в начале XVII в. Сибирская Тобольская епархия вобрала в себя с 1620 г. и Приенисейский край. С 1832 г. приходы Енисейской губернии вошли в состав Томской и Иркутской епархий, а в 1861 г. была образована самостоятельная Енисейская епархия. К 1916 г. в Енисейскую епархию входило 8 приходов и 2 собора в г. Красноярске, 43 прихода в Красноярском уезде, 83 прихода в Канском, 69 — в Ачинском, 82 — в Минусинском, 33 — в Енисейском уезде и 6 приходов в Туруханском крае. Сельский приход включал в себя определенную территорию, на которой располагалось 10 — 15, а иногда и более деревень. Центром прихода было село с церковью. Приход часто совпадал в границах с волостью.

В Приенисейском крае открытие многих приходов и строительство храмов в сельской местности относится к XVII — XVIII вв. Так, в селе Сухобузимском церковь была построена в первой половине XVIII в.;

в 1760 г. был открыт Ирбейский Спасский приход; во второй половине XVIII в. был построен Балахтинский Введенский храм; в 1778 г. основан Назаровский Троицкий приход. Основание Амонашевского Николаевского прихода относится к 1790 г.

Храм посвящался имени Святого или определенному событию, поведенному Священным Писанием. Главным праздником прихода был Храмовый праздник. Храмы долгое время были центрами грамотности: при церкви открывались библиотеки, церковно-приходские школы. Здание храма строилось в основном на мирские средства и всем миром. Но отмечены случаи, когда церковь строилась в дар приходу на средства зажиточных крестьян, купцов. При этом «общество» давало разрешение на «сие богоугодное дело» только честному, высоконравственному человеку.

Вначале крестьяне составляли прошение в адрес духовной консистории и Синода, утверждая его на общем сходе. В прошении обязательно указывалось стремление общины «заботиться о религиозности и нравственности» членов «общества».

Персонал построенного и освященного храма состоял обычно из священника и псаломщика, а в некоторых церквях были и дьяконы. От казны священнику полагалось жалованье 300-400 руб. в год, псаломщику — 150-200 руб. Причт обеспечивался квартирами, землей, покосами. По решению схода мир выделял из общественного «магазина» священнослужителям и «хлебную руту», в приходе

оставалась и часть собранных кружечных доходов. Во многих приходах сан священника переходил от отца к сыну и далее к внуку. Например, в Юксеевской Покровской церкви с 1744 по 1892 гг. служил род священнослужителей Тыжновых!

Как и во всей России, церковь в сибирском селе сочетала законным браком молодоженов, крестила младенцев, поддерживала духовно слабых и немощных, помогала поддерживать мир и согласие в общине, семье, отпевала усопших. Приход помогал единению крестьян многих деревень.

Верующие посещали церковь в основном в воскресные дни, чаще зимой, чем летом. Отмечалось, что в летнюю пору крестьяне в церковь почти не ходили, особенно из отдаленных деревень. Для посещения церкви сибиряки надевали лучшие одежды, в храме вели себя «чинно, благопристойно, степенно». Женщины относились к вере ревностнее, чем мужчины.

Естественными для верующего были молитвы утром и перед сном, перед едой и после принятия пищи, перед началом любой работы и по завершении ее. В наиболее торжественных случаях молились всей семьей перед иконой при зажженной лампадке.

Духовным центром крестьянского дома была икона в переднем углу. Приобретая икону, крестьяне называли это не покупкой, а «меной», хотя и выменивали икону на деньги. Понятие о купле-продаже и иконе не совмещалось в уме людей. Ико-

ну сибиряки называли «Богом», а полку под нее в переднем, святом углу — «божницею». Здесь же, на божнице, находились «Священная верба», пучки «Троицкой березки», небольшой сосуд со «святой водой», а также книги.

Купленную на базаре икону сначала несли в церковь для освящения. Новую икону преподносили в дар новобрачным. Переходя из старого дома в новый, прежде всего переносили икону. В сибирских домах чаще всего можно было встретить изображения Христа Спасителя, Богородицы, Святого Георгия, Святого Василия Мангазейского, Святого Иннокентия Иркутского, Святого Власия, Святых Зосимы и Саввatea, Иоанна Богослова, Иоанна Крестителя, Параскевы и особенно часто — Николая Чудотворца. Устаревшую икону никогда не выбрасывали: ее пускали на воду или закапывали в землю.

Сохранились и народные приметы, связанные с иконами. Даст трещину икона или упадет на пол — в доме будет беда: покойник или несчастье с кем-нибудь из домашних. Во время пожара икону выносили из огня. Но одновременно сибиряки верили, что икона Пресвятой Богородицы Неопалимой Купины охраняет дом от пожара, особенно от молнии. Верили здесь и в Чудотворные образа: вдруг ни с того ни с сего потемневшая икона становится как новая, с чистым ликом, или начинает «плакать». Считалось, что такой водой, смывшей икону, можно вылечить больного. В «святом углу»

стоял стол. На самом почетном месте под иконой усаживали гостя, здесь садился глава семьи. Головой в «передний» угол клали покойника. Даже постели спящих на пристенных лавках были обязательно обращены изголовьем в этот угол — «грешно» было ложиться ногами к иконе. Во многих сибирских селениях было принято во время развлечений, пиршеств, игрищ молодежи в доме обязательно завешивать икону занавеской.

Как и икона, почитался крест. Это считалось действенным оружием против «нечистой силы». В день Крещенского сочельника было принято выжигать свечой крест на дверях строений и хлебов или рисовать крест углем. Женщины покрывали кринки с молоком и сметаной крестообразно лучинками — «Крест на крест, чтоб черт не влез!». Без нательного креста невозможно представить православного сибиряка, без креста нельзя было ни работать, ни спать, ни купаться, ни, тем более, посещать церковь. У сибиряков также было принято вывешивать небольшой образок над воротами усадьбы для благополучия на подворье.

Исследователи прошлого и настоящего времени отмечают, что русских сибиряков отличало более рациональное прагматичное сознание, рассудок преобладал над чувствами. Сибиряк был более практичен, рассудочен, расчетлив, более «упоует на свои силы, чем на Бога, на судьбу». В этом по сути своей был признак свободы сознания в условиях тотального господства христианства в Рос-

сии в традиционное время. Нравственные начала православной веры в победу сил Добра над силами Зла помогали в сохранении оптимизма в жизни, но не мешали и надеяться на свои умения, навыки выживания в суровых условиях. Христианская вера при этом была и воплощением религиозного мировоззрения, но и нравственно-этическим базисом совестливости, основой бытия сибирского старожила.

Наряду с этим, важной особенностью возврата к истокам факторов культуры и сознания времени освоения территории Европейской России, был пробуждение двоеверия у русских старожилов и выраженной тяги к «заветам отцов и дедов».

4.2. «ДОБРО И ЗЛО» В МИРЕ И В ДУШЕ

Двоеверие в целом было характерно для всего русского народа; оно сформировалось в первые века русской истории в результате взаимодействия народного язычества и христианства, их слияния и дальнейшего совместного развития. В Сибири, в условиях взаимной адаптации русского социума и суровых факторов окружающей среды, эволюция этнической русской культуры во многом отличалась «возвратом» к истокам. Так же обратной эволюции подверглись традиционное сознание и этнический характер. В этом же ключе русская колонизация новозаятых земель

в XVII–XVIII вв. базировалась на прежнем опыте, знаниях, навыках хозяйствования. Вспомним высказывание историка М.К. Любавского, что в этом движении за Урал «невольно переносишься мыслью в начальные времена русской колонизации в Восточной Европе в VII–IX вв.»¹ Поэтому в основе гипотезы об истоках генезиса и эволюции ментальности сибирских старожилов было положено взаимодействие компонентов сознания и поведения, разделенные временем VII–XVIII вв.

Ментальность и стереотипы поведения великорусских людей XVII–XIX вв. была адекватна культурно-освоенной окружающей среде европейской части государства. Весь комплекс традиций адекватно соответствовал поддержания функционирующих сфер в экономической, политической, социальной, культурной жизни России. Однако в условиях освоения Сибири вновь были востребованы наиболее адекватные древние, архаичные традиции времен «русской колонизации в Восточной Европе в VII–IX вв.» Архаика продолжала сохраняться в качестве инструмента выживания в праздничной обрядности и повседневных верованиях традиционного периода.

Основные черты этноса программировались в доисторический период, отмеченный образованием национальной мифологии, в которой представлены как «типологически сходные культурно-исторические ситуации, так и «отработанные

¹ Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизаций. - СПб.: Издательство «Лань», 2000. - С. 15-16, 240-241.

сценарии» выхода из них и моделей поведения¹. Согласно научным выводам этнопсихолога С.В. Лурье, этнические константы, как не изменяющиеся базовые «определители», сформировались с зарождением этноса, следующие:

1. Локализация источника зла;
2. Локализация источника добра;
3. Представление о способе действия, при котором добро побеждает зло.²

С позиций самосохранения, «источник добра» – есть положительный образ своего этноса, культуры, миропорядка, система воспроизводящихся ценностей. В данном случае, оценки самих сибиряков о традициях, нормах поведения, об идеалах личности и, в конечном видении «сибирского характера», сугубо положительны («мы – носители добра», «Сибирь – территория добра»).

«Источник зла» («чужие»), «они», включает не только враждебное воздействие или угрозу существования этноса, но объект преодоления, то, что мешает жизнедеятельности социума и личности.

Третий компонент не только служит инструментом, условием и способом действия по преодолению «зла», но выступает в «образе покровителя» как условия благополучия и защищенности в жизнедеятельности личности и этно-социальной общности. «Должно себя вести так, чтобы за-

1 Кондаков И.В. Культура России... - М., 1994. – С.28, 73.

2 Лурье С.В. Историческая этнология... - М., 1998. - С.224-225.

щитить свой мир от посягательств извне, от навязывания чужих ценностей и традиций».

Архаичные черты традиционной культуры русского народа, сохранились в обрядах и ритуалах, в фольклоре, в декоративно-прикладном искусстве. Здесь, на сибирской земле, они были востребованы по «прямому предназначению» в качестве инструментария и условий оформления адаптированного «культурного пространства» в исторически сходной ситуации.

Основой миропонимания древних предков славян был единый космогонический Миф «о сотворении Мира». Мифология утверждает, что в «древнейшие сакральные времена в период неопределенности, в период нерасчлененного первобытного Хаоса произошло его обуздание и сотворение Космоса». Мир системно упорядочен, но «силы Хаоса ведут яростную борьбу с Порядком, пытаясь восстановить свои права, проникают в организованный Космос. Смыслом бытия традиционного человеческого коллектива становится спасение мира, противостояние хаотическому началу».¹ Элемент оппозиции «они» («чужие») угрожает миру, порядку и нарушает общепринятые правила. Поэтому все незнакомое традиционным сознанием воспринималось в качестве вероятного образа «зла». Элемент «мы» был тесно связан с культурой, традициями своей этниче-

1 Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. – М.: Наука, 1987. – С. 766-767.; Юдин А.В. Русская традиционная народная духовность. - М., 1994, - С. 27-29.

ской общности, поэлементно и понятийно классифицирован. Сохранение своего «мира» требовало выполнения особых обрядов и ритуалов, являющихся смыслом жизни и миропорядка. Архетипные первообразы Мифа «о сотворении и спасении Мира» воспроизводились и проигрывались в повседневной и праздничной обрядности.

С этноисторических позиций процесс освоения сибирского края в XVII - XIX вв. являлся процессом преобразования внешнего «хаоса» в окультуренный «мир» («русскую Сибирь»). Окончательное формирование освоенного мира «Русской Сибири», завершалась с психологической адаптацией русских переселенцев. В процессе адаптации к непривычным факторам среды Сибири, элементы традиционного сознания могли претерпеть как трансформацию, так и эволюционировать по иному направлению развития¹.

Свой «космос, порядок» воспринимался в ментальности русских старожилов, прежде всего, в границах общины, двора («ограды»), дома. Община, подворье, дом и семья служили условиями благополучия и защищенности от вмешательства «чужих». Традиции являлись регуляторами взаимоотношений «своих» в установках «картине мира» и гарантом сохранения социума старожилов. Община воспроизводила в последующих

¹ Лурье С.В. Историческая этнология... – С. 217, 236. Говоря, о возрождении архетипов этнических констант, мы абсолютно против выдвижения тезиса о возрождении древнерусской ментальности.

поколениях адаптированную культуру, систему ценностей своего мира. В крестьянском сознании присутствовала «шкала» ценностных показателей, характерных для успешной жизнедеятельности членов своего сообщества. Также в чертах характера должны были быть способности устраивать малый мир – домохозяйство и должный уровень жизни, круг общепринятых норм обычного права.

В установках сознания членов традиционного общества, важное место занимали привычки думать, относиться к каким-то явлениям жизни и поведения людей стереотипно. Верования, обычно-правовые представления, нравственные идеалы, влияли на действия «не по моральному убеждению, а по традициям в данной среде», через «социальное подражание, как подражание определенному образцу поведения, следование примеру», – отмечал психолог П.М. Якобсон¹.

Повторяемость «типологически сходных культурно-исторических ситуаций», проявлялась в малых (суточных, годовых) циклах хозяйственно-культурной жизни, в воспроизводстве обрядов, ритуалов, проигрывании процессов зарождения мира и воспроизводства жизненных сил в круге народных сибирских праздников. И во всех этих действиях, от гаданий до похорон, от земледельческих ритуалов до правил «общения» с домовым,

¹ Якобсон П.М. Психология чувств и мотивации... – М.; 1980. – С.186.

видим столкновение сил добра и зла в поле взаимодействия установок православия и язычества.

Категории «хаоса» и «порядка» формировались в древности как ответ на вопрос о происхождении и сущности мира. На бинарной оппозиции «хаоса» и «порядка» строились картины мира, система ценностей. «Порядок» формируется из «хаоса», преобразуя его свойства. В процессе самоорганизации «порядка», «хаос» вытесняется за его границы, но он не уничтожается. Создателем «порядка» является человек, но он же одновременно выступает и как продукт преобразования и элемент нового мира. Поэтому миссия человека состоит в постоянном возобновлении «порядка», выражающимся как в сохранении культуры, традиций, так и в борьбе с проявлениями «хаоса» в самом человеке. Отсюда система традиций, основанная на религиозных учениях, имеет систему норм обычного права, хозяйственно-бытовых норм и систему нравственных, мировоззренческих ценностей как своеобразный идеал человека своего созданного «порядка, космоса».

В условиях традиционной цивилизации материальное производство и быденная жизнь были «насыщены символикой, истинное значение которой лежит в области сакрального». Глубинный пласт этнических констант проявлялся в оформлении ритуальностью «завещанных» обычаев формирования и защиты территории «порядка».

Еще с XVII в. в селениях Приенисейского края освящались традицией основные условия земле-

пользования: право «первой борозды», «первого закоса» на пашне и покосе, «первой затеси» на охотничьем «ухожье». Зафиксированный в источниках, процесс обозначения захвата земли путем опахивания или затесывания отметок на деревьях, назывался в Сибири «чертежом». При «захватном» выделении «заимочной пашни» и приобретения на него права собственности, на первый план выступало очерчивание границ данного пространства и «освоение» его личным трудом. Нельзя не признать, что объяснение описанных земледельческих традиций уходит в древнейшие представления славян. Известно, что в соответствии с древними представлениями, «чтобы присвоить мир, сделать его своим... сознание должно расчлнить, разделить мир», противопоставив «общему» неосвоенному пространству «мою» пашню. Таким образом, «чертеж» выделял будущее окультуриваемое пространство в целях дальнейшего «о-свое-ния» его трудом человека. В Енисейской губернии понятие «чертеж» применялось для выделения личной земли, «грань», — для земельных владений общины. То есть на «ограниченном» пространстве располагались «очерченные» крестьянские пашни.

В сознании человека традиционного времени ритуал порождал технологию труда, правомерно говорить не о сопровождении ритуалом технологии земледелия, а о предварительном обеспечении успешного урожая особыми ритуалами.

В круге работ наиболее ритуализированными являлись процессы пахоты и сева. Они ассоциировались в ментальной картине мира с процессами зарождения новой жизни. Так, енисейские и иркутские крестьяне-старожилы считали, что после 21 мая (по старому стилю) «земля беременна». «Землю нельзя бить, так как она матушка, тапе-рича брюхата».

В Сибири, пахота и посев хлебов считались крестьянами строго регламентированным священнодействием. Традиции Енисейской губернии предписывали землепашцу обязательное действие: накануне выезда на пашню, «помыться в бане и надеть чистую рубаху». Всю ночь в избе на столе под иконой должно было простоять решето с посевным зерном и установленной в ней незажженной пасхальной свечой.

На следующий день, с утра «посевщики» страстно молились, поставив «Богу пасхальну воскову свечу, и...получали благословение». Далее следовал ряд древних обычаев: уезжавшим на пашню нельзя было переходить дорогу, — «не взойдет семя»; в первую борозду следовало обязательно «запахивать» ломоть хлеба. По той же причине архаичных установок на хороший урожай, только женщины могли производить посадку овощей в огороде. Во время сева мысль земледельца неизменно обращалась к молитве: «Зароди Господь, на дом Божий (бросалась 1-я горсть семян), на попов (2-я горсть), на пищу братию (3-я горсть) и птицу небесную (4-я горсть семян)».

На основе традиционной обрядности крестьян-старожилов Енисейской губернии можно реконструировать и представления об орудиях труда в картине мира. Наиболее распространенным пахотным орудием в XIX в. был «сабан» (тяжелый колесный деревянный плуг). Интерпретация оценки сева в целях зарождения новой жизни», позволяет адекватно ответить на вопрос, почему сошники плуга-сабана приенисейскими старожилками назывались «мужиком» и «женкой». При этом «сабан» («колесуха») был хорошо адаптирован к сибирским условиям, и органично вписывался в круг необходимых орудий труда. Однако пахота «очерченного залога» (целины) выполнялась строго традиционной русской сохой. Отсюда русская соха ассоциировалась с древними традициями, а «сабан» входил в круг приобретенных, адаптированных традиций. На рубеже XIX-XX вв. «сабан» перемещается в состав «завещанных» традиционных орудий, а железный плуг входит в круг вводимых «традиций-новаций».

Выраженная регламентация традиционных установок картины мира обуславливала и специфику деятельности по формированию хозяйственно-жилой инфраструктуры крестьянского селения, усадьбы и жилища. Поселение крестьян-старожилов Приенисейского края, усадьба, дом формировались как материальное воплощение отдельных сфер единого «освоенного» пространства. Все сферы имели четко

выраженные границы. Так, селения по всему периметру огораживали «поскотиной». «Поскотина», как и «черта» фигурирует во многих обрядовых действиях. «Охранительной» границей, является граница усадьбы, - высокий «заплот» с крепкими высокими воротами. «Заплот», прочный забор из горизонтально уложенных бревен, забранных концами в столбы, не только выполнял функцию защиты данного «микромира», но и выделял границу «своего» пространства. Во многих случаях над воротами дополнительно прикреплялась икона-оберег. В особых случаях по внешнему периметру усадьбы протягивалась охранительная нить от савана «упокойника». Для обозначения защищенного «заплотом» пространства усадьбы применялся специфический термин «ограда» как территория. О былой первичности «ограды» в древнерусском языке IX - XIII вв. по отношению к термину «двор», свидетельствует ученый-филолог В.В. Колесов. Границей сферы дома на подворье признавалась первая ступенька крыльца, линия порога. На них, по поверьям, необходимо было «ступать правой ногой, дабы не нести зла в дом» левой.

Во всех сферах в ходе обустройства традиционное сознание выделяло две половины, - жилую и хозяйственную. Духовным центром села и прихода-волости была церковь, хозяйственным центром считалась «ярморочная» (торговая) площадь. В обустройстве усадьбы

крестьян Енисейской губернии мы видим наличие «чистого» и «скотского» дворов. В жилище, - это горница и изба. В свою очередь в избе, - жилая половина и «куть» (ныне кухня). В избе и горнице, по древней общерусской традиции, особая духовная роль отводилась переднему («красному») углу с иконами на «божнице». Соответственно, хозяйственным центром была печь. Одновременно, печь выполняла назначение центра «второй веры», языческой. Все обрядовые действия, связанные с гаданиями, языческими ритуалами выполнялись в избе у печи.

Углы избы отражали в крестьянском сознании сакральное устройство мира: «красный» («Божий»), «закутной» (закатный), «кутной» (женский, южный) и «сутки» (мужской, северный) углы. Осью «мира-избы» была потолочная балка «матица». Закладка под «матицу» в ее восточной части нескольких серебряных монет, шерсти и горсти зерна; чтобы в доме было сухо, тепло и сытно, было важнейшим охранительным ритуалом в ходе строительства дома. В процессе завершения строительства, т.е. «сотворения домашнего мира» на потолочной балке подвешивали горшок с кашей из цельного зерна, с затем обрубали веревки и совместно трапезничали.

Для строительства дома лес сибиряки по традиции рубили только на «ущерб луны» в ноябре, по первому снегу. Сосну выбирали ровную, «со звонкой древесиной», со склона горы. Крестья-

не учитывали, как падает дерево; если оно падало на север или зависало на другом дереве, то считалось «нечистым» и опасным, несущим зло в дом.

В Енисейской губернии в представлениях крестьян сформировался новый образ «дома-мира» не под двускатной крышей, а четырехскатной, шатровой. В традиционном представлении русских крестьян, фронтон дома с «коньком», «причелинами», «полотенцами» служил целям охранительной магии с небесными и солнечными («солярными») знаками. Охранительная деревянная резьба у «крестовика» с «причелин» перемещается под крышу дома в пояс с «небесной» символикой. Четырехскатная крыша, которую сверху «вяжет» небольшой «конек», символизирует четыре стороны света. «Солярные» знаки с «полотенец» перемещаются на карнизы наличников.

В иерархии ценностей для традиционного сознания «зачастую вещи не потому значимы, что полезны, но полезны, потому что значимы». Новому отношению к роли «сотворенной» материальной среды в жизни человека, как «полезной», соответствовали представления сибиряка об интерьере дома в середине XIX в. Он соответствует новому социальному идеалу зажиточности. Сибиряк-историк А.П. Щапов старательно перечислил приобретаемые повсеместно крестьянами предметы интерьера и быта: обои, зеркала, картины, часы, диваны, дорогая посуда. Он писал, что образ достатка и благополучия в материальной сфере крестьянина-старожила исходил из «осоз-

нания того, что нет вещи, которая бы составляла недоступный и запретный предмет...»

Мы выявили и систематизировали подсознательное влияние архетипных образов на представления об объектах крестьянского дома в картине мира, отразившее «ощущение» их значимости в сознании крестьян. Так в иерархии представлены: икона, стол, полати, печь. Лавки, потолок, пол, деревянный сундук. В иерархии орудий труда: сошники и соха, топор, коса-рукопашка, коса-литовка, серпы, ножи, ножницы, долото.¹

Последовательное расположение материальных объектов дает свидетельство неосознаваемой иерархичности в системе значимости данных объектов для крестьянского мировидения. Мы обращаем особое внимание на местоположение двух объектов: иконы и стола. Естественно, икона в картине мира занимает особое место сакрального объекта без оценки ее стоимости в денежном выражении. Стол в сознании русского человека занимал дуалистичное положение: как материальный объект он определялся его «полезностью» и оценивался в денежной форме. Но первостепенное положение во всех описях имущества дома заставляет вспомнить о «значимости» стола в контексте выражения «стол-престол» (Хлеб на стол и стол-престол, на столе ни куска и стол – доска).

¹ ГАКК, ф. 546., оп.1., д.37, л. 45; ф. 546., оп.1., д. 408., л. 5. (Системная иерархия выстроена нами на основе описей, имущества старожилов Заледеевской, Сухобузимской и Балахтинской волостей Енисейской губернии (1850-1865 гг.)

Пища, являясь объектом материальной культуры, неизбежно несла в себе печать представлений о ритуалах, лежащих в основе ее приготовления и потребления. Подобный образ сакрально-ценностного объекта мы нашли в представлениях «творении» хлеба. В мировоззрении крестьян-старожилов, «типологический сценарий сотворения мира» (космологический миф) проигрывался ежедневно в ритуале выпечки хлеба. В нем участвовали сакральные элементы – огонь, зерно, вода. В соответствии с общерусскими этническими представлениями, крестьяне говорили – не печь, а «творить» хлеб. В «картине мира» жителей Приангарья хлеб олицетворял живое существо: «Вечером коврига спит, ее нельзя резать». Поэтому непечатую ковригу хлеба можно было резать только с утра, с началом ежедневного цикла, прижимая к себе и с направлением движения ножа «на себя».

О выраженном почтении к хлебу и сопоставлении его в подсознании с миром, свидетельствует и то, что в Енисейской губернии говорили – не «резать» хлеб, а «рушить» хлеб [т.е. мир].

Мы находим в картине мира и символическую аналогию – хлеб это дом. При семейном разделе в Енисейской губернии наблюдалось вплоть до начала XX в. присутствие следующего древнего архетипного ритуала. На столе размещали ковригу хлеба, солонку и свечу. Вся семья некоторое время сидела молча. Затем отец отрезал ломоть хлеба, который сын

брал с собой в свой дом. В данном случае отрезанный ломоть хлеба выражал не только факт раздела хозяйства, но и ритуальное обеспечение процесса раздела совместного имущества, олицетворял отделившегося сына как «суть целого», семьи.

Трудовая деятельность сибирских крестьян была явлением традиционно-сакральным, направленным на неупорядоченное пространство, «неосвоенный» природный компонент. Общий процесс сценария «освоения мира» предполагал проигрывание частных процессов космогонии на основе архетипов славянской мифологии.

Народный календарь в сочетании с православными церковным определял круг праздников, обрядов, примет и поверий. Например, «двойными» — церковным и языческими — были верования Ильина дня, Ивана Купалы, «високосного дня Касьяна — зловещего дня» или дня Власа — «скотьего праздника».

Совмещение дней недели яснее видно на примере четверга. Традиционно это день Зевса — Юпитера — Перуна. Но в день Великого четверга накануне Пасхи при совмещении его с «четвергом Перуна» творились, по воззрениям сибиряков, чудеса. Ружье, положенное на ночь на стол перед иконой, «било зверя против сердца», игральные карты начинали выигрывать. В эту же ночь готовили и лечебную «четвергову соль».

Двоеверие проявлялось во всем, в том числе в вере в «нечистую силу» и «шишкунов», «в до-

мового» и магию. Но все действия в условиях веры в Бога и языческих верований совершались комплексно. Читалась молитва, и тут же следовал «обряд предков». Перед пахотой в первый день страстно молились всей семьей перед иконой, но, прибыв на пашню, в первую борозду запахивали по «древней вере» кусочек хлеба. Практически вся народная медицина совмещала лечение болезни православной молитвой с древними заговорами. При этом текст «заговора» привязывался с молитвой к «тельному» кресту. «Заговоры» при этом, чтобы не теряли силу, держались в секрете от посторонних.

В дни перед Крещением сибиряки любили «машкароваться» — надевать различные маски, рядиться «медведем», «шаманом», «чертом», «смертью» и предаваться розыгрышам. Но в день Крещения (Богоявления) для очищения от «нечистой силы», «чертовщины» умывались «святой водой» из освященной проруби или даже купались в ней.

В свадебной обрядности сваха садилась в доме на скамью «вдоль матицы»; совместная молитва отцов «молодых» завершалась рукобитием под «матицей»; необходимым считался древний обряд перекрещивания углов платка; на свадьбе провозглашался тост за домового — «хозяина». И даже в церкви во время венчания невеста сжимала в ладони кусочек хлеба «на счастье и довольствие».

Свистеть в доме — грех вдвойне: грех перед Богом, и можно высвистеть домового. Подворье защищает образок над воротами, но нужно еще для надежности обтянуть двор ниточкой из сава-на покойника — тогда ни «нечистая сила», ни вор не будут страшны. Молитвой «заговаривали» золу и рассыпали на грядке, защищали от вредителей.

В похоронном обряде буквально каждый элемент насыщен двоеверием. Даже в наши дни многие старожилы верят, что умершему ранее можно «передать» что-нибудь с «новоумершим» человеком, положив эту вещь ему в «домовину».

По отношению к Иисусу Христу в Енисейской губернии допускалось поверье, характерное для умерших людей. Говорили: «На Пасху Христову нельзя ничего за окно выбрасывать и воду лить, ибо в этот день Христос под окном ходит».

Сибиряки могли даже работать в праздничные дни, особенно при устройстве «помочей». Однако каждый стремился выдерживать строгий пост, в первую очередь пожилые люди, но большинство непременно постились в первую и последнюю недели постов.

Особое место в системе верований занимал домовый — «Хозяин», «Суседко». Как и икона-образ Святого в переднем, «красном» углу дома, домовый также следил за благополучием и здоровьем членов семьи, был хранителем дома и хозяйства, поил и обихаживал скот, кормил его. Сибиряки не только верили в существование «Хозяина»,

но и выполняли ряд действий, чтобы «уважить» его. «Хлебный» подарок с солью клали для «Хозяина» и «Хозяйки» в укромном месте во дворе. Но, памятуя о православных обычаях, говоря о домовом, добавляли: «Только креститься при обращении к Хозяину, ни Боже мой, не надо».¹

Народный календарь в двоеверии в сочетании с церковным определял круг праздников, обрядов, примет и поверий. Например, «двойными» — церковным и языческими — были верования Ильина дня, Ивана Купалы, «високосного дня Касьяна — зловещего дня» или дня Власа — «скотьего праздника». Совмещение дней недели яснее видно на примере четверга. Традиционно это день Зевса — Юпитера — Перуна. Двоеверие проявлялось во всем, в том числе в вере в «нечистую силу» и «шишкунов», «в домового» и магию, но все действия в условиях веры в Бога и языческих верований совершались комплексно. Читалась молитва, и тут же следовал «обряд предков». Практически вся народная медицина совмещала лечение болезни православной молитвой с древними заговорами. При этом текст «заговора» привязывался к молитвой к «тельному» кресту.

Двоеверие наблюдалось в каждом обряде, во всех праздничных действиях и обычаях. В свадебной обрядности сваха становилась у дома жениха

¹ Андюсов Б.Е. Традиционное сознание крестьян - старожилы Приенисейского края 60-х гг. XVIII – 90-х гг. XIX вв.: опыт реконструкции. Монография. – Красноярск: РИ О КГПУ - 247 с.

на первую ступеньку крыльца только правой ногой с «заговором» и садилась в доме на скамью «вдоль матицы»; совместная молитва отцов «молодых» завершалась рукобитием под «матицей»; необходимым считался древний обряд перекрещивания углов платка; на свадьбе провозглашался тост за домового — «хозяина». И даже в церкви во время венчания невеста сжимала в ладони кусочек хлеба «на счастье и довольствие».

В общепринятых традициях запретным считалось свистеть в доме — грех вдвойне: грех перед Богом, и можно высвистеть домового. Подворье защищалось вывешиванием иконы над воротами, но нужно еще для надежности обтянуть двор ниточкой из савана покойника — тогда ни «нечистая сила», ни вор не будут страшны. Молитвой «заговаривали» золу и рассыпали на грядке, защищали от вредителей.

В похоронном обряде буквально каждый элемент был насыщен двоеверием. Даже в наши дни многие старожилы верят, что умершему ранее можно «передать» что-нибудь с «новоумершим» человеком, положив эту вещь ему в «домовину».

Положения теории ментальностей утверждают, что в данной ситуации не было раздвоения сознания. Оно продолжало сохранять целостность на основе развития способностей быстрого переструктурирования установок поведения в конкретной ситуации («гибкое мышление», «быстрый ум»). Стиль мышления, при этом, мо-

тивировал установки стандартного, стереотипного поведения, как в форме обрядов, ритуалов, так и норм обычного права, этических норм, привычек.

Механизм изменения традиций выглядел, предварительно, следующим образом. В условиях меняющихся факторов окружающей среды, в процессе постоянной адаптации взаимодействовали адаптивные традиции и инновационные элементы культуры. В течение ряда поколений, значимые инновации закреплялись в сознании в качестве традиций. Но ядром адаптированной культуры крестьян-старожилов оставалась культура XVI - первой половины XVIII вв. с ценностными установками архетипов мифологического прошлого.

Таковы этнопсихологические характеристики, определявшие процессы становления и эволюции традиционного сознания и «сибирского характера» в целом в бинарном взаимодействии дихотомии «порядок/космос и зло/хаос».

4.3. «ВСЕ ПУТЕМ, КАК ДОЛЖНО БЫТЬ»

Процесс формирования сибирского старожильского субэтноса в виде описаний меняющегося образа жизни, уклада хозяйства, обустройства дома, подворья и селений в полной мере отразился в изменениях внешнего облика и стереотипов поведения русских сибиряков. Не случайно,

об «отличиях сибиряка от русского» во внешних чертах писал Н.С. Щукин в середине XIX в. Однако уже в первой половине XVIII в. многие прибывающие чиновники, русские и иностранные путешественники оставили частные свидетельства и комплексные описания жизни и повседневного быта, во многом отличавшиеся от подобного в Центральной России. Особенно их изумлял иной, отличный образ жизни русских сибиряков.

Образ жизни — это способ или характер жизнедеятельности личности, социальной группы или всего общества, обусловленной их собственной этнической природой, естественно-географическими, экономическими и общественными условиями их жизни. Образ жизни русских старожилов сформировался в процессе приспособления к суровым природно-климатическим и ландшафтным условиям, этнокультурному окружению местных народов. Новые правила жизни, нормы социальных отношений, обряды, праздники становились традицией; с каждым десятилетием образ жизни сибиряков более и более отличался от великорусского. В каждом новом поколении воспроизводились адаптированная культура и система ценностей мира старожилов. На иных нормах и правилах формировались обычаи коммуникаций между «своими» и несибиряками, между русскими и представителями автохтонных культур.

У жителей сибирского края в третьем-четвертом поколениях современники отмечали

видимое изменение отношения к понятиям «малая родина», «Русь-Россия», «российские люди».

Восприятие имени своего народа, этнонима «русские» отличается специфичным содержанием, отмечает историк И.В. Кондаков: «Русские принадлежат Руси, относятся к ней, ...производны от Руси». Данные ментальные установки в славяно-русском сознании говорят о принадлежности этноса к земле (Чьи? Чей «русский» человек?). Россия — это прежде всего русская земля. «Мать-сыра земля» для россиянина была высшим судьей, кормилицей, «родительницей» народа. Отсюда, русские люди в Сибири могли задаваться таким же вопросом, чьи они? Какой земли люди?

— «Сибирской» земли люди..

— Где живут? На Сибирской земле..

Так укоренившиеся потомки первых «засельщиков» начинают воспринимать «землей-матушкой» свою новую «малую родину», а себя «сибирскими людьми», «сибиряками». В этнониме нового социума термин «сибиряк» отражал как степень принадлежности к сибирской земле, так, одновременно, степень приспособления к сибирским факторам. Когда сибиряки называли прибывших из-за Урала, из «Рассеи» «российскими людьми», то оценивали их с позиций принадлежности России, а не Сибири.

Центральным компонентом этнической культуры и сознания является ментальность. Она определяет «национальный» способ миропонимания и способов действий в окружающей среде. Ментальность —

это совокупность наиболее устойчивых представлений и стереотипов, исторически сложившихся у социальных субъектов под влиянием различных факторов и проявляющихся в виде особого способа мироощущения и мировосприятия, влияющего на его образ жизни и поведение.

Ядром ментальности этноса является модель мира как комплекс традиций. В данном случае это традиции, адаптированные к сибирским условиям в ходе «освоения» края. Модель мира в сознании человека предоставляет возможность определить себя в мире и дать ему образ такой окружающей среды, в которой он мог бы свободно действовать. Процесс адаптации вырабатывал способности гибкой ориентации в любой ситуации. Традиции модели мира определяли значимые цели, которые формировали установки стереотипов поведения.

Еще в XVIII в. российская Императрица Екатерина Великая проницательно отметила: «Сибиряки более смуглы лицом, невысоки ростом. Заслуживает замечания факт, что сибирское население не отличается фанатичной привязанностью к бороде, какую обнаруживает великоросский народ. Здесь несколько своеобразная народность, непохожая во всей полноте на родоначальную славянскую расу. Сибиряки отличаются душевными особенностями: они умны, любознательны, предприимчивы». Как видим, для нее в образе русского сибиряка наиболее важными выглядят черты ума, любознательности и предприимчивости. Это инструменты выжи-

вания, результат адаптации в условиях активного преобразования сурового края.

В книге первой половины в. «Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири, 1831 года», составленной статским советником И. Пестовым продолжены характеристики русского сибиряка и черт сибирского характера. «Сибиряки всегда удаляются ссор,... весьма редко впадают в преступления. Они весьма телосложением статны, видны, крепки, в лице всегдашний румянец, сие пописать должно тому, что они ведут жизнь спокойную и в совершенном довольствии. Хотя сибиряк имеет происхождение от России, но здешний крестьянин великую имеет разницу: он говорит весьма чисто, основательно и учтиво; носит одеяние смотря по состоянию опрятно». Об этих же итогах изменений в русском сибиряке спустя полвека пишет публицист и общественный деятель, уроженец Сибири, Н.М. Ядринцев: «Население приобрело известную крепость, выработало сметку, находчивость, способности Робинзона и стремление к самопомощи. Жизнь среди природы воспитала решимость, отвагу, и дала долю самоуверенности».

В системе ценностей ментальной модели мира в сознании старожильского населения Приенисейского края одной из важнейших была ценность свободы. «Сибиряки склонны жить без излишнего вмешательства властей и закона... они порицают те нововведения..., что ограничивают свободы...», — отмечал историк А.П. Шапов. Князь П.Д. Горча-

ков, генерал-губернатор Сибири, писал: «Здешние поселяне, взрослые в полной независимости, мало знакомы с нуждой».

Важное место в ценностной картине мира занимало и занимает самооценка личности. Осознание себя полноправным членом сообщества предполагало наличие комплекса прав и обязанностей. Свидетельством высочайшего чувства достоинства и последовательной борьбы старожила за свои права служит «Дело о незаконном лишении прав крестьянина Алексея Степанова Коробейникова». Суть дела в том, что сельский сход с. Абаканского Абаканской волости лишил его в октябре 1887 г. права голоса на сходе сроком на три года «за распространение своим односельчанам клеветы на волостное начальство». А.С. Коробейников не смирился с тем, что его «устранили от всякого участия в общественных делах и совещаниях и нанесли безвинное оскорбление».

Он обратился с жалобой к Енисейскому губернатору, но из-за негативной характеристики волостного правления получил отказ. Тогда абаканский крестьянин написал обстоятельную жалобу в Санкт-Петербург, в Правительствующий Сенат: «Во всех делах, полезных обществу, волостное правление прибегало ко мне как к полезному члену своему, а не к таковому вредному, как охарактеризован я в приговоре по инициативе бывшего волостного старшины, ...который смотрел на подобных мне людей, охраняющих

общественный интерес, как на камень при достижении своих эгоистических целей». конечном итоге справедливость восторжествовала; 14 июля 1889 г. Правительствующий Сенат «постановляет решение Енисейского Губернского Совета отменить», виновных строго наказать и «считает подобную практику ...недопустимой». Мы видим, что в обостренном чувстве собственного достоинства в ментальности старожила явно выделяется негативная реакция на малейшее покушение на достоинство личности, готовность пройти многочисленные судебные разбирательства «за обиды, оскорбления» за восстановление чести и достоинства.

Публицист Н.М. Ядринцев свидетельствовал: «Сибирский крестьянин... ведет себя непринужденно и развязно, ...чувствует себя равноправным, он смело входит в комнату, подает вам руку, садится с вами за стол...». Рапорты сельских старшин непременно завершались выражением, отнюдь не являвшимся формальным: «... о чем волостному правлению честь имею донести». «Простой народ казался мне гораздо свободнее, смысленнее наших русских крестьян, и в особенности помещичьих. Он более понимал достоинство человека, более дорожил правами своими».

Одновременно наблюдается странная позиция «униженности, угодливости, стремления откупиться». Как это сопоставить с уважением себя? Во всех ситуациях подобного рода присутствуют конфликты с чиновниками, с представителями властей.

И здесь видим иной механизм выстраивания защиты. Он состоит в постоянной настороженности к «чужим», в стремлении не допустить другого человека за некую черту. Тогда и проявляются защитные действия «униженности, угодливости, стремления откупиться». При этом унижение, хитрость перед «чужими» не считались у старожилов зазорными. Не случайно в словаре сибирского говора первой половины XIX в. слово «ум» означает «хитрость». Отсюда обмануть, схитрить — значит спастись от «зла».

Н.Д. Фонвизина за долгие годы проживания в Сибири сумела выделить характерные черты в ментальности старожилов. Сибиряк «ласков, добродушен, большой хлебосол, но не кладет ему палец в рот — он без намерения, но откусит. Сибирское основное свойство: недоверчивость и осторожность, чтобы не дасться в обман и, если можно, самому обмануть. Быть обманутым считается за стыд. Сибирская скромность, по-моему, — скрытость»; «Сибиряки весьма просмешливы. Все, что не согласно их умунастроению, понятиям, они непременно просмеивают. В сибирском обществе в высшей степени господствуют сплетни».

Наряду со свободой, личными качествами выраженного собственного достоинства человека важнейшее место в картине мира и базиса уверенности и гордости в характере занимал свободный труд. «Мужику больше о чем думать, как не о пашне..., о работе. Да за добрые труды

быть словутными», — подчеркивал А.П. Шапов. Жизненную необходимость напряженного труда в страдную пору выделял этнограф А.А. Макаренко: «Рабочий день сибирских крестьян продолжается от зари до зари... около 16–18 часов в сутки, при кратковременном отдыхе...». Труд становился в сознании и мерой оценки «праведного человека», имеющего пашню, домохозяйство. «Мертвый не без могилы, а живой не без подворья», — говорили сибиряки. Свободный труд при полном отсутствии крепостного права был следствием свободного землепользования. Полная обеспеченность пашенной землей за счет общинных 15 десятин на мужскую душу дополнялась «захватными» заимками и займищами. Весьма распространенной нормой обычного права была купля-продажа возделанной земли, объясняемая обычно-парвовым обоснованием оценивания сделки стоимостью вложенного труда на подъем пашни.

Собственность, в понимании старожил, предназначена приносить доход. Это определяло рыночный характер мышления и установок поведения сибиряка. Крестьянин-середняк с. Курагино Минусинского уезда Ф.Ф. Девятков подсчитал в 1870-х гг., что в среднем по волости при имеющихся 12 десятинах пашни на рынок идет урожай с 3 десятин ржи, 1 десятины овса, 1 десятины пшеницы.

Приоритеты личной и общественной собственности распределялись чаще всего в пользу прав личности при возникновении спорных ситуаций.

В 1889 г. крестьянину И.Е.Е. из д. Заимской в результате неточного наделения землей «была нанесена обида». Он подал иск в волостной суд на сельское общество (!) ввиду того, что его «обделили на 1/8 десятины. Ответчик (сельское общество) признал ошибку и просил суд вынести решение: «В будущем 1890 году выдать истцу земли в удвоенном количестве, то есть не 1/8, а 1/4 десятины» в знак «признания вины общества».

Рациональное крестьянское сознание расчетливо и скрупулезно учитывало и меру вложенного труда, и прибыль от аренды земли.

Так, истец М.П. из д. Пашенной Пинчутской волости Енисейского округа заявил в волостном суде, что «Н.Т. от него взял в арендное содержание расчищенную пахотную землю без срока с платою за землю 1 пуда хлеба, но не подтверждает этого обязательства». Суд решил «возвратить землю истцу, который обязан получить от ответчика 1 пуд хлеба и отдать обратно за удобрение той земли ответчиком».

Суровая непредсказуемая действительность научила старожилков планировать, подсчитывать и оценивать все процессы и элементы хозяйства и быта. Подобная «детальная мелочность» связана и с подсчетами результатов полевого сезона, планирования и учета урожая. Когда «возникла конфликтная ситуация — в 1889 г. в с. Рыбном Богучанской волости лошади А.Ф. потравили хлеб В.П.», хозяин потребовал компенсации из расчета «на $\frac{3}{4}$ дес. пашни в умолоте 12 пудов

по оценке 7 руб. 20 коп. за потравленный хлеб. Во время судебного заседания ответчик А.Ф. произвел собственные расчеты и признал расчеты В.П.»

Также в ситуации возмещения нанесенного ущерба крестьянскому хозяйству обращаем внимание на тщательную оценку возврата «своего». «Истец из д. Кежемской Пинчутской волости Е.К.Р. жаловался в суд, что 11 собак задавили 3-х его овец. Оказалось, что владельцами одиннадцати собак были семь крестьян этой же деревни. Выборный волостной суд, оценив ущерб в 6 руб., решил взыскать с ответчиков по 54 1/2 коп. с каждой собаки: соответственно — 1,09 руб., 1,09 руб., 1,09 руб., 54,5 коп, 54,5 коп, 1,09 руб, 54,5 коп.»

Традиционное российское неприятие «стяжательства», «скопидомства», богатства в ментальной картине мира изменило свою полярность. Бытовавшее в этническом сознании отрицательное отношение к зажиточности меняется; богатство становится мерой «угодности Богу». Соответственно, в картине мира богатым представал тот, кто «сытой мужик, полномочный, живет словутно» (достойно); середняк, «средней руки крестьянин», тот, кто «можно живет, ладно, сытно и словутно». Положительная оценка зажиточности — «живет словутно» — отражала ментальную оценку основной массы старожильческого населения. Подобное место зажиточности в картине мира сибиряков еще в начале XIX в. определил

губернатор Енисейской губернии А.П. Степанов, писавший, что хозяйства, в которых «до трех лошадей, — относят здесь к бедноте».

Стремление к зажиточности большинством современников часто воспринималось как негативная привычка сибиряка к «корысти, приобретению, наживе». Историк Л.М. Сабурова приводит высказывание ангарского старожил: «Я доможирничал, на прииска не ходил». Слово «жир» в словаре приенисейских сибиряков означало «довольство, богатство». «Жировать» — значить жить в довольстве, зажиточно. В данном случае «доможирничал» — приобретал высокие доходы своим домохозяйством и жил в довольствии.

«Скуп, да в сале пуп!». В данной поговорке под понятием «скупость» скрывается слово «бережливость». Скупость не порицаемое качество, это залог зажиточности, не жадность. Жадного человека называли иным словом — «жила», «жилистый». Представления старожилов и переселенцев из Европейской России оказались в противоречии, поэтому вполне естественным выглядит диалог, отражающий взаимное непонимание целей жизни: «К чему ты, братан, бездну копил? Ведь ты своей скупостью дьявола смешаешь!» — говорит поселенец. «Я придерживаюсь батюшкиной пословицы, которую в старину баил: «Скупость не глупость, жив и так», — отвечал старожил. Совершенно справедливо высказывание сибирского историка

4 | С Богом в душе и сибирским характером

ВВЕДЕНИЕ

Е.А. Ерохиной о том, что «богатство, созданное преобразовательным трудом, — один из самых важных атрибутов социального престижа» русских крестьян-старожилов.

Однако зажиточность и довольствие не исключали хлебосольство, радушие, помощь ближнему или нищему, стремление быть «богоугодным» и милосердным. Так в источниках постоянно отмечены факты поддержания немощных и сирот, проживание в семьях старожилов нуждающихся родственников и даже даже посторонних. Вот красноречивое свидетельство: «В 1890-х гг. в доме крестьянина с. Нахвальского Сухобузимской волости Фирса Григорьевича Зырянова много лет жил из милости ссыльный Галайко — 92-х лет, к труду неспособный».

Постоянное соперничество в ведении домохозяйства, землепашестве, в достижении уровня жизни, в повседневном поведении было довольно близко характеру граждан США, что отмечали в записках декабристы. «Каждый живет особняком», коллективное начало «мало развито», в борьбе за выживание в условиях соревнования-соперничества в старожилах вырабатывались «удивительная выносливость и настойчивость,... необыкновенная терпимость в трудах, мужество в опасностях», — писали о сибиряках в XIX в. Сибиряк постоянно стремился выглядеть в глазах односельчан, окружающих радужным и хлебосольным хозяином, сострадающим

«сирому и убогому». Отмечалось, что «нигде в России так не подают нищим, как в Сибири».

«Сибиряки... народ человеколюбивый и снисходительный, за всем тем, что они окруженные ссыльно-преступными. Нравы здешних жителей кротки, благонравны и гостеприимны: они каждого приезжающего принимают ласково, рады разделить с ними, что имеют последнее, и ладе кто из гостей в знак благодарности за такой прием будет благодарить деньгами, то сам навлечет хозяину на себя неудовольство, а деньги не примутся». Мы уже отмечали подобные меткие характеристики и у историка и сибиряка по рождению А.П. Щапова: «Сибиряк по большей части прост. У него преобладает склонность к материалистическому умствования. Оттого он менее религиозен, чем российский человек. Ум, по его понятию, есть главным образом «хитрость», «смышленость» в приобретении, в наживе; умственный человек на языке сибиряков значит расчетливый».

Наряду с милосердием, при выраженной соревновательности, элемент «демонстрирования» высокой нравственности играл немаловажную роль. Высокий уровень нравственности в общине зависел от уровня нравственности ее членов. «Мы избегаем порочных людей, так как лица эти полезными обществу быть не могут», — записали в своем приговоре старожилы Анциферовской волости Канского уезда. В сибирском афоризме: «Что грязно изнутри,

не сделаешь чистым снаружи» — мы видим философское осмысление нравственных качеств личности, взаимосвязи материального и духовного в миропорядке старожильского населения. Таким образом, в сознании сибиряка имелись установки действий, направленные на формирование способности старожилы создавать свой «чистый мир». В понятия «нравственность», «честь», «достоинство» сибирский старожил вкладывал и честность: «Обманешь в игле, не поверишь и в рубле», «Честь чести и на слово верит».

Отказавшись от «великорусского авось», сибиряк выполнял любое дело аккуратно, доброту, просчитывал результат. Во всем старался обеспечить «запас, на всякий случай». Старожилы отличали качества упорства, настойчивости, твердости духа и смелости, предприимчивости при одновременной диловатости, утрюмости, грубоватости. «На многие поступки, принципы и правила сибиряк смотрит гораздо свободнее, вольнее, смелее. Они жаждут новых впечатлений при монотонной замкнутости жизни. Часто можно видеть, как сибиряк, самый необразованный, расспрашивает о происхождении дождя, грома, землетрясения», — писал А.П. Шапов. Он отмечал, что мотивом познания для сибиряка часто выступало любопытство, стремление узнать все о непонятном объекте или явлении — «смелая пытливая любознательность».

Данное качество имело немаловажное значение в доскональном изучении окружающего мира в целях самосохранения в процессе адаптации. О рациональной организации и уме сибиряков высказывались декабристы, когда «заставали мирские сходки и удивлялись и радовались расторопному и умному ходу дел, ясному и простому изложению мнений умных мужиков». Рациональное сознание сибиряка формировало установки выдержки, спокойствия.

Во второй половине XIX в. публицист С. Турбин отмечал: «Если великоросский крестьянин шумит, ругается, сердце сорвет... протестуя, то сибиряк несравненно последовательнее. Сибиряк — разве что плюнет. Зная очень хорошо, что плетью обуха не перешибешь, он и не пытается...». «Рассудок сибиряка преобладает над чувствами. Сибиряк надеется более на себя, нежели на Бога», — отмечали современники.

В старожильском «обществе» приветствовались «сурьезный человек», строгий (по-сибирски «свирепый») внешний вид, спокойная речь, осуждались эмоциональная невыдержанность, быстрая речь («тараторка»), легкомысленная («взъендывающая») походка. Однако употребительным было слово не «идти», а «бежать» («Куда бежишь?», «Сбегай на пашню, посмотри...»).

Старожилы отличало рациональное мышление: они мыслили расчетливыми категориями, были практичны. Будучи прекрасным знатоком

сибирского фольклора, этнограф А. Ровинский выделил в пословицах глубокий назидательный смысл. Например, говоря «не мылся, бриться не будешь», сибиряк прямо намекает: «Не рассчитывай никогда на чужое».

Ради хозяйственной целесообразности жертвовали даже верой. Так, в 1858 г. Тобольской духовной консисторией рассматривалось дело «О пагубной привычке сельского населения Енисейской губернии работать в воскресные и праздничные дни». Основой сознания старожилов являлась опора на заветы и традиции предков. «Сибирский крестьянин набожен, но эта набожность особого свойства. Она в уважении обрядов, традиций нашей крестьянской истории. Чем древнее, тем подлиннее, тем истиннее», — писал крестьянин Т. Бондарев.

Таким образом, сибирский характер проявлялся в труде, в быту, культуре, в периоды военных испытаний, когда сибиряки показывали себя прекрасными воинами, проявляли твердость духа в экстремальных ситуациях.

Ермолаев А.П. Старинная заброшенная часовня в деревне Яркой на реке Чадобец, 1911 г.

Ермолаев А.П. Церковь в селе Чадобец на реке Ангаре, 1911 г.

*Ермолаев А.П. Резное распятие
в церкви села Кемского*

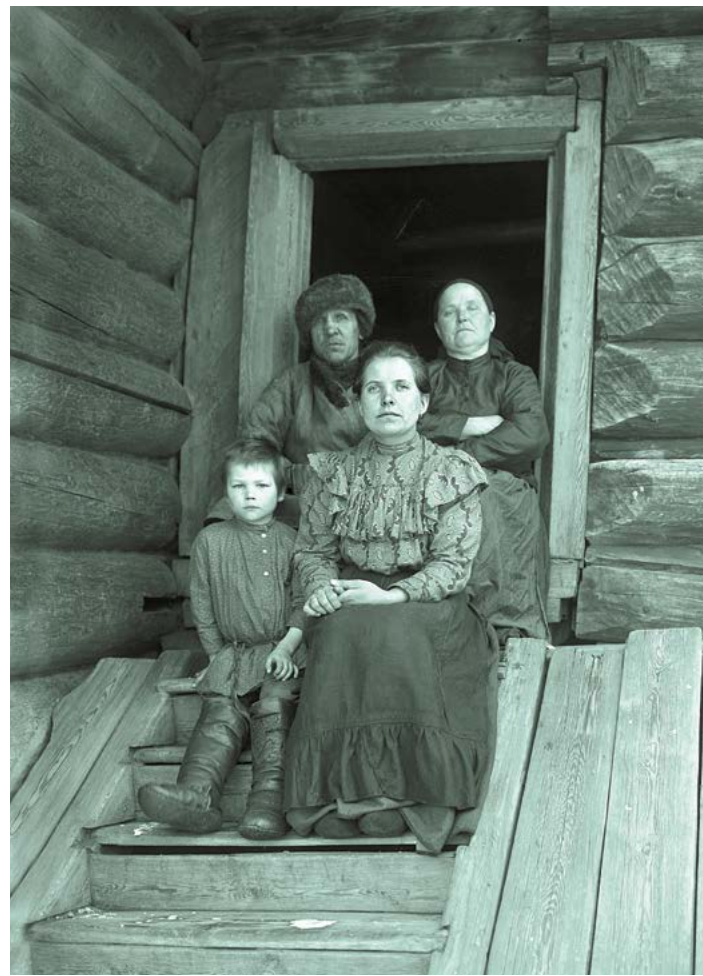
Ермолаев А.П. Праздник в деревне Яркой. 1911 г.

*Албетков. Колхоз «Объединенный труд» Минусинского
района. В доме колхозника Ермолаева (выходной день). 1938*

*Ермолаев А.П. Налегке за оленями
на р. Ильчемо (близ д. Ярки). 1911 г.*

*Ермолаев А.А. Богатая крестьянская семья
в с. Богучаны Пинчугской волости
Енисейского уезда. 1911 г.*

Ермолаев А.А. Молодые крестьяне
с. Богучаны. 1911 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Высшее достижение в более чем четырехсотлетней истории Сибири в составе России – превращение трудом десятка поколений сибиряков бескрайнего таежно-степного пространства в окультуренный духовно богатый регион.

С характеристиками сибиряков нашего времени органично согласуются высказывания современников прошлых веков. Наиболее образно и проникновенно еще во второй половине XIX в. лучшие качества русского сибиряка подробно и основательно представил сибирский поэт И.Ф. Федоров-Омулевский (1836–1883) в произведении «Сибирский характер»:

*Смелость, сметливость, повадка
Рыскать по стране;
Чистоплотность, ум, приглядка
К новой стороне;
Горделивость, мысли здравость,
Юмор, жажда прав,
Добродушная лукавость,
Развеселый нрав;
Политичность дипломата
В речи при чужом,
Откровенность, вольность брата
С истым земляком;
Страсть отпетая к природе –
От степей и гор,*

*Дух, стремящийся к свободе,
Любящий простор;
Поиск дела, жажда света,
Юной жизни кровь,
Без предела и завета
К Родине любовь;
Страсть отстаивать родное,
Знать, за что? Да как?
Стойкость, сердце золотое –
Вот наш сибиряк!*

И поныне в системе ценностей и установок социума традиционного времени нравственность соединяет в себе всю совокупность моральных установок и правил поведения в обществе. Нравственные поступки – это даже не обязанность, а естественное состояние равновесия сознания и практики. Первоосновой и источником нравственного совершенства была духовность.

Духовно-вечное, вневременное явление, нечто надматериальное, что дает человеку способность постигать жизненные смыслы в процессе обретения совести, свободы воли и ответственности. Это условие являлось и ныне предстает «человеческим фактором» развития, потенциалом социально-экономической устойчивости страны и сибирского макрорегиона. На это нацелена деятельность органов законодательной и исполнительной власти, органов образования, науки, общественности, современных граждан Енисейской Сибири.

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

Литература XIX – начала XX вв.

1. Авдеева Е.А. Записки и замечания о Сибири. М., 1837. 156 с.
2. Арефьев В. В низовьях Ангары // Сибирский сборник. – Иркутск, 1900. – Вып. 1. – С. 1-32.
3. Арефьев В.А. В низовьях Ангары (Продолжение) // Сибирский сборник. – Иркутск, 1901. – Вып.1. – С. 88-116.
4. Басаргин Н.В. Записки. - Красноярск, 1985. - 302 с.
5. Белецкий П. Забайкальские раскольники. // Сибирский сборник. – Иркутск, 1901. – Вып.1. – С. 81-88.
6. Беляев А.П. Из воспоминаний декабриста о пережитом и перечувственном. // В кн. Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. – Т.2. – М.: 1980. – С. 178-254.
7. Виноградов Г. Поверья и обряды крестьян-сибиряков // Сибирский архив. Иркутск, 1915. Кн. 3. С. 97-131.
8. Головачев П. Сибирь: Природа. Люди. Жизнь. М., 1902. – 236с.
9. Город у Красного Яра: документы и материалы по истории Красноярска XVII - XVIII вв. - Красноярск, 1981. – 277 с.
10. Город у Красного Яра (Документы и материалы. Первая половина XIX.) – Красноярск, 1989. – 290 с.
11. Дуров А.В. Краткий очерк колонизации Сибири. – Томск, 1891. – 172 с.
12. Капустин С.П. Хозяйственный быт сибирского крестьянина // Литературный сборник. - СПб, 1885. – 484 с.

13. Кауфман А.А. Влияние переселенческого элемента на развитие сельского хозяйства и общинной жизни в Западной Сибири // Северный вестник. – 1891. – С. 12-46.
14. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. 460 с.
15. Костров Н. Святки в Минусинском округе Енисейской губернии // Записки Сибирского отдела РГО. – СПб., 1858. – Кн.5. – С.26-38.
16. Красноженова М.В. Ребенок в крестьянском быту. Семейный мир детства и родительства в Сибири конца XIX - первой трети XX вв. (Предисл., состав. и ред. В.М. Зверев). – Новосибирск, 1998. – 57 с.
17. Краткое описание приходов Енисейской епархии. – Красноярск, 1917. – 244 с.
18. Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. – СПб., 1865.- Т.1. – 378 с.
19. Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. – СПб., 1865.- Т.2. – 256 с.
20. Латкин Н.В. Красноярский округ Енисейской губернии. -СПб, 1890. -75 с.
21. Литературный сборник. Издание ред. «Восточного обозрения». – СПб., 1885. – 484 с.
22. Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. – СПб., 2000. – 310 с.
23. Макаренко А.А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. – СПб., 1913. – 281 с.
24. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губернии. – Т.II. – Иркутск, 1890. – Вып. 3. – 295 с.

25. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. –Иркутск, 1892. Т. II. – Вып. 5-6. –406 с.
26. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. –Иркутск, 1894. Т. 1V. - Вып. 1. – 176 с.
27. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. – Иркутск, 1893. - Т. 1V. – В. 3. – 227 с.
28. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. – Иркутск, 1893. -Т. 1V. – В. 5-6. – 424 с.
29. Л.У.Б. Наши деревенские будни // Сибирский сборник. Вып.1. Иркутск, 1900. - С. 123-138.
30. Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 г. Красноярск, 1863. – 350 с.
31. Пейзын Г. Минусинский округ Енисейской губернии в сельскохозяйственном отношении // Записки Сибирского отдела РГО. – 1858. – Кн. 1. – С.165-122..
32. Пестов Н. Заметки об Енисейской губернии Восточной Сибири. - 1833. - 270 с.
33. Потанин Г.Н. Из записной книжки сибиряка // Литературное наследство Сибири. - Новосибирск, 1986. – Т. 7. – С. 207-210.
34. Ровинский Н.А. Замечания об особенностях сибирского наречия и словарь // Известия Сиб. отдела ИРГО. – Т. IV. – Кн. 1. – Иркутск, 1873. – С. 19.

35. Семилужский (Н. Ядринцев). На чужой стороне // Литературный сборник. Издательство ред. «Восточного обозрения».- С.202-203.
36. Скорняков Н.В. Приангарский край в этнографическом отношении // Сибирский наблюдатель. – Кн. 1-2. Томск, 1902. С. 3.
37. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. - Кн. 1-2. – СПб., 1886. - 671 с.
38. Степанов А.П. Енисейская губерния. Ч. 1-2. СПб, 1835. 286 с.
39. Турбин С. и Старожил. Страна изгнания и исчезнувшие люди. Сибирские очерки. - СПб.1872.- 227 с.
40. Турбин С. Сибирь. Краткое землеописание. СПб. 1871. 189 с.
41. Фонвизина Н.Д. Письма 1839-1859 гг. // Литературный сборник...- СПб., 1885. – С. 207-249.
42. Чехов А.П. Из Сибири. Собр. соч. в 12 томах. - Т.11. – М., 1985. - 415 с.
43. Щапов А.П. Собрание сочинений . Т. 3. Иркутск, 1937. 214 с.
44. Щапов А.П. Собрание сочинений. Дополнительный том. - Иркутск, 1937.- 298 с.
45. Шукин Народные увеселения в Иркутской губернии // Записки ИРГО. – Т.2. – 1869. – С. 380-421.
46. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1892. 720 с.
47. Ядринцев Н.М. Сперанский и его реформа в Сибири // Вестник Европы 1976. № 5. – С. 74- 132.

Литература советского

и постсоветского времени

1. Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начало XVIII в. (Енисейский край). – М., 1964. - 220 с.
2. Андюсев Б.Е. Традиционное сознание крестьян-старожилов Приенисейского края 60-х гг. XVIII – 90-х гг. IX вв.: опыт реконструкции. Монография. – Красноярск: РИ О КГПУ - 247 с.
3. Андюсев Б.Е. Сибирское краеведение: культура, быт, традиции крестьян-старожилов. Красноярск, 1999- 2006.
4. Белоусова Г.Г. Хрестоматия старожильческих говоров Приангарья. - Красноярск, 1996. - 75 с.
5. Блок Марк Апология истории или ремесло историка. – М. 1986. - 254 с.
6. Болонев Ф.Ф. Из опыта этнографического изучения русского населения Сибири. // В кн.: Русские Сибири: культура, традиции, обряды. – Новосибирск, 1988. – С. 16-38.
7. Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. - М., 1988. - 524 с.
8. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. - М., 1983.- 418 с.
9. Буганов А.В. Исторические представления русских крестьян и развитие национального самосознания: Автореф. дис. канд. ист. Наук. М. – 1987. - 23 с.
10. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. – Новосибирск, 1981. – 248 с.
11. Быт и культура русского населения Восточной Сибири. – Новосибирск, 1971. – С.131.
12. Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы). – Новосибирск, 1975. - 276 с.

13. Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII - первая половина XIX в.). - Новосибирск, 1975. - 180 с.
14. Громыко М.М. Труд в представлениях сибирских крестьян XVIII - первой половины XIX в. // Крестьянство Сибири XVIII - начала XX в. - Новосибирск, 1975. С. 100-133.
15. Громыко М.М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // Советская этнография. - № 5. - 1984. - С. 52-77.
16. Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991. 425 с.
17. Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993, № 5. С. 20-48.
18. Зверев А.В. Изменения образа жизни крестьянства в ходе земледельческого освоения Сибири. - Новосибирск, 1985. - 160 с.
19. Зверев В.А. Природные факторы воспроизводства сельского населения Сибири во второй половине XIX - начале XX вв. // Влияние переселений на социально-экономическое развитие Сибири в эпоху капитализма. - Новосибирск, 1991. - С. 63-81.
20. Земледельческое освоение Сибири в конце XVII - начале XX в. (Трудовые традиции крестьянства). - Новосибирск, 1985. - 161 с.
21. История Сибири. - Л. 1968. - Т. 2 - 3. - 524, 535 с.
22. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. - Т.1. Курс русской истории. Ч.1. - М., 1987. - 430 с.
23. Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII - начале XIX в. - Омск, 1973. - 232 с.
24. Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII - нач. XIX вв. - Новосибирск, 1974. - 198 с.

25. Крестьянская община в Сибири XV11 - начала XX в. - Новосибирск, 1977. - 285с.
26. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. - Новосибирск, 1982. - 502 с.
27. Липинская В.А. Местные особенности традиционных поселений, жилища, хозяйственных строений. // В кн.: Русские народные традиции и современность. - М.: Наука, 1995. - С. 174-206.
28. Лурье С.В. Историческая этнология: учебное пособие для вузов. - М., Аспект Пресс, 1997, - 445.
29. Люцидарская А.А. Старожилы Сибири: историко-этнографические очерки. XVII - начало XVIII в. Автореф. канд диссерт. - Новосибирск, 1998. - 22 с.
30. Милов Л.В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства. // Общественные науки и современность. - 1995.- № 1.- С. 32-65.
31. Миненко Н.А. Живая старина: будни и праздники сибирской деревни в XVIII - первой половине XIX века. - Новосибирск, 1989. - 192 с.
32. Миненко Н.А. Культура русских крестьян Зауралья. XVIII - первая половина XIX в. - М.: Наука, 1991. - 222 с.
33. Миненко Н.А. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири в XVIII - первой половине XIX в. Новосибирск, 1991. - 247 с.
34. Поршнева Б.Ф. История и психология. М., 1971. - 218 с.
35. Пушкарёв Л.Н. Что такое менталитет? Этнографические заметки. // Отечественная история - 1995.- №3.- С. 158-166.
36. Русские Сибири: культура, традиции. Обряды. - Новосибирск, 1998. - 207 с.

37. Русские старожилы Сибири. Историко-антропологический очерк.- М., 1973.
38. Русское население Поморья и Сибири (период феодализма).- М., 1973.
39. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. – М., Наука, 1987. – 790 с.
40. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. - М., Наука, 1984. - 606 с.
41. Сабурова Л.М. Быт и культура русского населения Приангарья (конец XIX-xx вв.). – Л., 1967.
42. Словарь русских говоров северных районов Красноярского края. / Ред. Белоусова Г.Г. Красноярск, 1992. – 120 с.
43. Степынин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. – Красноярск, 1962. – 562 с.
44. Так в Сибири говорят: пословицы и поговорки народов Сибири. – Красноярск, 1964. - 128 с.
45. Тульцева Л.А. Социально-нравственные аспекты земледельческой обрядности. // Русские народные традиции и современность. – М.: Наука, 1995. – С. 283-299.
46. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. – М., 1966. – 472 с.
47. Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Очерки. – М. 1986. - 168 с.
48. Этнография русского крестьянства Сибири: XVII – сер. XIX в. – М., 1981. – 270 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Истоки «Малой истории»	3
Род. Семья. Память.	4
Экскурс в историю	7
1. СИБИРЬ И СИБИРЯКИ	14
1.1. Сибирь – калейдоскоп цивилизаций	15
1.2. Сотворение чуда «русской Сибири»	24
1.3. Сибиряки как исторический феномен.....	32
2. КАК РУССКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ СТАНОВИЛИСЬ «ПРИРОДНЫМИ СИБИРЯКАМИ»	43
2.1. «Сибиряк не тот, кто мороза не боится, кто мороза умеет хорониться»	45
2.2. Русский этнос и субэтнос сибиряков	80
2.3. Сибиряк – «уютный в обществе и словутной в семье»	85
3. «ОБЩИННОЕ СОГЛАСИЕ» В СИБИРИ	131
3.1. Город, село, деревня... ..	132
3.2. Ценность традиций	144
3.3. Деды – отцы – дети	172
4. С БОГОМ В ДУШЕ И СИБИРСКИМ ХАРАКТЕРОМ	211
4.1. Мы – православные.....	212
4.2. «Добро и зло» в мире и в душе.....	218
4.3. «Все путем, как должно быть»	238
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	261
Литература для семейного чтения	263

Борис Ермолаевич Андюсев,

*РОССИЙСКАЯ СИБИРЬ:
КУЛЬТУРА, ТРАДИЦИИ, ДУХОВНОСТЬ*

Книга для семейного чтения

*Редактор
Корректор
Верстка*

*Подписано в печать
Усл. печ. л. 23 Бумага офсетная.
Тираж --- экз.*

Отпечатано

АНДЮСЕВ БОРИС ЕРМОЛАЕВИЧ –
кандидат исторических наук, доцент ВАК.
1995–2016 гг. – доцент исторического факультета
Красноярского государственного педагогического
университета им. В.П. Астафьева,
2004–2014 гг. – заведующий кафедрой СТО.
С 2016 г. – доцент кафедры истории России,
мировых и региональных цивилизаций
Сибирского федерального университета.
Опубликовал около 130 научных работ, в т. ч.
монографии, учебные и учебно-методические
пособия, имеет публикации в «Скопус» и ВАК.
Научная специализация – история и культура
Сибири, ментальность, традиционное сознание
и психология русских старожилов-сибиряков,
устная история и история повседневности.

